Педагогический декамерон

Евгений Александрович Ямбург

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге представлены забавные и печальные, простые и сложные, а иногда полные драматизма школьные истории, в которые был вовлечен ее автор – замечательный педагог, чл. – корр. РАО, директор Центра образования № 109 г. Москвы Е. А. Ямбург. Предельно искренне, с известной долей самоиронии он рисует живую, динамичную картину школьной жизни во всем ее жанровом и сюжетном многообразии.

- Педагогический декамерон
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - Времена не выбирают
    - Карась-идеалиаст
    - Self–made в российской версии.
    - Какой дух в здоровом теле?
    - Богатые плачут, но их не жалеют
    - Педагогический детектив
    - Горе не от ума
    - Старые песни о главном
    - А если это любовь?
    - Работа над ошибками
    - Как я прослыл махровым антисемитом (комедия положений)
    - Мир перевернулся (два визита)
    - Не покраснев, лица не износишь
    - Семь разгневанных матерей
    - Просто так
    - Как я стал основоположником туалетного движения
    - Правило трёх «Н»
    - Терпенье и труд всё перетрут?
    - Это новое слово «портфолио»
    - Казнить, нельзя помиловать
    - Счастье просить прощение
    - Тем временем
    - Риск – дело серьёзное (лирический триллер)
    - Конфликт ценностей
    - «Нам не дано предугадать…»
    - Благодарность вместо выговора
    - Всегда ли стоит беречь их психику?
    - По милости судьбы
    - «И милость к падшим призывал»

- «Мне отмщенье, и Аз воздам
- Чья духовность «духовнее»?
- Столкновение цивилизаций: микроуровень
- Дети и политика
- Посеешь ветер, пожнешь… понимание (история одной полемики)
- Сотворенные истории
- Волшебные встречи

○ УЧИТЕЛЯ
- Странные люди
- Таинственный монах
- Гримасы прикладной педагогики (вынужденный фарс)
- Happy end?
- Цели и средства (ценностное управление)
- Все будет хорошо?
- По Сеньке ли шапка?
- Педагогические изыски: глупость или пошлость? (конкурсные истории)
- «Кто может первым посмеяться над собой?»
- Доктора вызывали?
- Предназначение или диагноз?
- Третий Раскольников
- Учитель – это стиль
- Если бы жизнь начать сначала…
- Занавеска на скрижалях

○ ДВОЙНЫЕ ПОРТРЕТЫ
○ ТВОРЧЕСТВО ИЛИ РЕМЕСЛО? (вместо заключения)

Педагогический декамерон

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга адресована в первую очередь моим молодым коллегам, тем, кто сегодня, будучи студентом, еще только готовится взвалить на себя тяжелую ношу – педагогический труд. Но, как гласит народная мудрость, своя ноша не тянет. Весь вопрос в том, насколько она станет своей. Это зависит от очень многих факторов: особенностей личности человека, решившего вступить на педагогическую стезю, его ценностных ориентации, волевых качеств и темперамента; полноты знания своего предмета и не менее глубоких познаний в области детской психологии. Одним словом, от психологической и профессиональной подготовки будущего учителя. Казалось бы, первую скрипку в этой подготовке призвана сыграть педагогика, как главный предмет, вводящий молодого человека в профессию. Но на практике это происходит редко.

Я хорошо помню свои студенческие годы на историческом факультете пединститута, когда наши главные усилия направлялись на постижение любимой истории, а педагогика представлялась чем-то второстепенным, факультативным, необязательным, уделом девушек средних способностей, решивших связать свою жизнь со школой в силу отсутствия научных амбиций.

Бородатые портреты педагогических классиков прошлого навевали откровенную скуку, а их писания в сжатом виде кочевали из конспекта в конспект, передавались по эстафете из поколения в поколение студентов, позволяя худо-бедно преодолеть экзаменационные рубежи. Редко кто мог похвастаться знанием первоисточников. Разве что те же добросовестные девушки-отличницы, вызывавшие у своих сокурсников – «интеллектуалов» скептические улыбки, впрочем, ничуть не мешавшие им пользоваться плодами чужого труда на экзаменах. Понять такое отношение к педагогике не трудно. Что уж такого нового, непостижимого она может сообщить нам, вчерашним детям, со своими свежими, непосредственными, не изгладившимися из памяти впечатлениями? Казалось, что личного опыта, вынесенного из школы в качестве ученика, и здравого смысла с достатком хватит тем неудачникам в серьезной академической науке, кому по необходимости придется связать свою жизнь с педагогической профессией.

Первая же педагогическая практика опровергла эти наивные представления. Внезапно выяснилось, что даже блестящее знание предмета совсем не гарантирует внимания детской аудитории,

которая не способна долго выдерживать монологическую речь практиканта. А изящные сравнения и остроумные интеллектуальные экзерсисы учителя не вызывают у подростков ожидаемой реакции, поскольку не попадают в зону их ближайшего развития. С таким же успехом можно упражняться в остроумии в обезьяньем питомнике. Именно так нелицеприятно охарактеризовал класс, в который попал на практику, один из моих коллег-студентов. Разумеется, каждый, включая педагога, должен когда-то в жизни совершить свои ошибки. Это неизбежно. Но мы по неведению совершали элементарные просчеты, что было неизбежным следствием формального, поверхностного знакомства с профессиональной литературой.

Потерпев фиаско на практике, мы внимательнее стали относиться к педагогическим дисциплинам, что немедленно сказалось на посещении занятий. Но тут выяснилось одно обстоятельство, порочащее образ академической педагогики в глазах студентов: эта солидная дама не давала непосредственных ответов на острые вопросы, взволновавшие молодых людей, которые почувствовали свою учительскую беспомощность. Напротив, изо всех сил стремясь выглядеть серьезной наукой, наподобие физики, доказывая свое первородство по отношению к другим дисциплинам, она сосредоточивала почти все свое внимание на фундаментальных теоретических проблемах, принципах, методах, парадигмах. Став взрослым человеком, педагогом-исследователем, я полностью разделяю убеждение в том, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Однако тогда теоретические подходы вызывали только раздражение своей нарочитой отвлеченностью от живой ткани школьной жизни. В чем-то мы, разумеется, ошибались. Но даже сейчас, стараясь реализовать в своей деятельности синтез теории и практики, я не могу не признать за педагогикой, по крайней мере в ее вузовской интерпретации, грех излишнего, избыточного теоретизирования. Солидные науки, на которые она так стремится походить, опираются на лабораторные наблюдения за реально протекающими в природе процессами. И лишь после долгих лет наблюдений делаются соответствующие выводы, которые, пройдя экспериментальную проверку, ложатся в основу фундаментальных теорий. Для педагога такой лабораторией, в частности, является школа, где, как в кипящем котле, испаряется все лишнее, наносное, искусственное, а в осадке остается тот ценный опыт, который потом служит основанием для глубоких теоретических заключений.

Однако, в отличие от естествоиспытателя, наблюдающего за предметом своего исследования со стороны, педагог, образно

говоря, находится одновременно и в «колбе», где он непосредственно взаимодействует с ребенком, и вне ее, – когда он изучает этот процесс. В современной науке это называется включенным формирующим экспериментом. Сложнейшая позиция, когда ты одновременно являешься и экспериментатором, и испытуемым. Она требует предельной искренности, самокритичности и бесстрашия экспериментатора, готового честно зафиксировать в протоколе все увиденное, включая собственные просчеты, глупости и ляпсусы, допущенные в работе с детьми. Собственно говоря, такому включенному формирующему эксперименту над самим собой и детьми посвящена эта книга. Временные рамки эксперимента: тридцать с лишним лет. Начался он с момента появления автора этой книги в школе, а продолжается по сей день. В науке длительный эксперимент именуется лонгитюдом. Но я не собираюсь пугать молодого коллегу большим количеством специальных терминов.

Терминологическая перегруженность – еще один неизбывный грех академической педагогики, искусственно затрудняющий ее освоение. Очевидно, что каждая наука должна иметь свою систему понятий, категорий и терминов, позволяющих специалистам говорить на одном языке. Но в последние десятилетия язык педагогики оказался замусорен обломками плохо усвоенной психологии и крохами с барского стола методологов. Как-то в выступлении одного из моих ученых-коллег услышал я поразительную фразу: «Вертикальная и горизонтальная диффузия дессиминационных процессов». «Дессиминация» в переводе с английского – распространение передового опыта. Надо понимать так, что горизонтальная диффузия – это распространение педагогических инноваций по горизонтали: от школы к школе, а вертикальная диффузия соответственно тот же процесс, но идущий сверху, например, из институтов усовершенствования учителей. Звучит солидно, а, по сути, происходит то, о чем говорил французский писатель Леото: «Все может быть выражено ясно, и не уметь ясно выражаться – признак неполноценности, а выражаться неясно намеренно или ставить это в заслугу – глупость». И Макаренко, и Корчак излагали свои педагогические выводы прозрачным литературным языком, поскольку знали свой предмет настолько хорошо и могли представить его так, чтобы он даже не посвященным в тонкости педагогики людям казался несложным.

Но дело не только в форме изложения педагогических изысканий. С юности я увлекался театром, перечитал множество книг из области театроведения, но никак не мог заставить себя одолеть книгу К. С. Станиславского «Работа актера над ролью».

Засыпал уже на десятой странице. Однако стоило мне организовать в школе ученический театр и начать работать над актерским мастерством юных исполнителей, та же, ранее казавшаяся скучной, книга стала настольной, и я с напряженным вниманием вчитывался в каждую ее строчку. Также и с педагогической литературой: пока на практике не столкнешься с реальными проблемами, не устанешь от вынужденной необходимости каждый раз заново изобретать педагогический велосипед, осознанной потребности в ней не возникнет. Парадоксально, но во всех педагогических вузах педагогика преподается на первых курсах, т. е. тогда, когда она еще не может быть востребована. С другой стороны, нельзя же допускать на практику в школу студентов, не имеющих хотя бы общих представлений о специфике своего труда. Это неразрешимое противоречие и подвигло меня на написание книги, в которой, смею надеяться, мой молодой коллега увидит живую, динамичную картину школьной жизни во всем ее жанровом многообразии: с серьезными психологическими драмами и комедиями, порой переходящими в фарс, лирическими поэмами и криминальными сюжетами. Чего греха таить, даже театр абсурда имеет место в школе, которая полностью отражает все, даже лишенные смысла и перспективы, тенденции окружающей ее жизни.

Книга сложилась из школьных историй, в которые, в силу своих директорских обязанностей, я был вовлечен за долгие годы работы. Так родился своеобразный «Педагогический декамерон», включающий приключения и злоключения самого автора. Забавные и печальные, относительно простые и неимоверно сложные педагогические ситуации, требовавшие немедленного разрешения. Предупреждаю, что, решая, или, как сейчас чаще говорят, «разруливая», те или иные проблемы школьной жизни, автор не всегда выглядел безупречно. Куда там. За многие, когда-то казавшиеся такими эффективными, а на деле просто выглядевшие эффектно педагогические жесты сегодня неловко. И ныне, уже с позиций прожитых лет и пройденного пути я, вероятнее всего, изобрел бы другие, более точные ходы для регулировки отношений между взрослыми и растущими людьми. Тем не менее, перебирая в памяти пережитые ситуации, я, в полном соответствии с заветом классика, «строк печальных не смываю». Это тем более важно, что официальная педагогика не любит признаваться в неудачах и поражениях, по крайней мере она не стремится фокусировать на них свое внимание. К сожалению, поражения неизбежны, что предопределено вероятностным характером педагогических рекомендаций,

выполнение которых не гарантирует стопроцентного успеха. В этом педагогика сродни гораздо более оснащенной и точной, но также до конца не предсказуемой медицине. Но у наших коллег-медиков есть устойчивая традиция, которую и нам, педагогам, не грех позаимствовать. Там любой клинический случай, когда обойма испытанных методик и лекарств не привела к желаемому результату, подвергается детальному анализу и обстоятельному обсуждению, на основании которых делаются соответствующие выводы, полезные для будущей врачебной практики. Вот я и решил, рискуя, как выражаются сегодня, «подставиться», вынести на суд своих начинающих коллег целую серию «клинических» случаев, предоставив читателям возможность покритиковать автора и его педагогические методы, невзирая на чины и звания. «Разбор полетов» после чтения входит в сверхзадачу этой книги. Аналогия педагогики с медициной навеяна не только переплетающимися, а по сути дела, неразделимыми задачами врачевания души и тела. Человеку со стороны, попадающему в школу, она представляется весьма специфическим заведением. «Как вы здесь работаете? Это же сумасшедший дом», – достаточно частый сочувственный вопрос, который приходится слышать от посетителей, оказавшихся в разгар перемены на нашей суверенной территории. «Да, пожалуй, похоже, но это мой любимый сумасшедший дом», – отвечаю я в подобных случаях.

Ситуации – это те педагогические атомы, из которых соткана материя школьной жизни. Конфликт на уроке, разговор с ребенком на перемене, разбор провинностей ученика в кабинете директора школы – все эти разнообразные контакты, вне зависимости от того, где, когда и в какой обстановке они происходят, в конечном итоге не что иное, как ситуации, побуждающие педагога не только к оперативной реакции, но прежде всего – к размышлению. Между тем динамика школьной жизни порой ставит учителя перед необходимостью мгновенно реагировать на происходящее, не оставляя времени на рефлексию.

Опытный, закаленный в педагогических баталиях учитель в считанные минуты «разгрызает» крепкий орешек почти любой ситуации. Со стороны кажется, что он действует наугад: авось сработает. На деле это не так. Точность попадания, эффективность и результативность воздействий педагогического мастера на ребенка обеспечивается сверхпрочным сплавом мышления, интуиции и опыта. Оперативность действий предопределяется быстрым узнаванием ситуации: нечто подобное, правда в иных вариациях, уже случалось в практике учителя. Тогда, в своей прошлой педагогической жизни, он либо

нашел оптимальный выход из положения, либо не справился со своей задачей, но зато потом, мучаясь, размышляя, сожалея о случившемся, понял, как надо было поступить. Все это мгновенно «прокручивается» в голове опытного учителя. Повторяю, так действует мастер. Но что делать молодому учителю? Совершать свои педагогические промахи и накапливать опыт? Этот путь неизбежен, и каждый из нас поначалу наломал немало дров.

Проблема в том, что педагогические ошибки, как и медицинские, слишком дорого обходятся, поскольку влияют на всю дальнейшую жизнь человека. Совсем избежать их нельзя, но можно ли минимизировать? Здесь стоит присмотреться к опыту подготовки летчиков. Там проблема минимизации ошибок стоит еще острее: любой просчет пилота может стать последним в его жизни, послужить причиной гибели людей, за которых он отвечает. В этой рискованной профессии ждать, пока молодой специалист с годами приобретет опыт действий в нештатных ситуациях, абсурдно и преступно. Поэтому курсантов летных училищ обучают на специальных тренажерах, вырабатывая реакцию, формируя навыки поведения, доводя до автоматизма действия, например, в условиях турбулентности или попадания в грозовой фронт. Школьный лайнер также периодически попадает в нештатные ситуации. Его сотрясают конфликты, лихорадит от попадания в зону повышенной возбудимости родителей и детей, невротизированных современным ритмом жизни.

Предлагаемая книга – своего рода тренажер для молодых педагогов. Я уже говорил, что у мастера, принимающего быстрое решение, с годами выработался педагогический рефлекс узнавания ситуации. При всем разнообразии детских характеров, неповторимости их индивидуальности, места, времени и конкретных обстоятельств, в которых разворачивается ситуация, она обладает устойчивыми, повторяющимися, типологическими чертами. В ее основе лежит некая матрица поведения. Семь разгневанных матерей, которые врываются в мой кабинет с категорическим требованием перевести трудного ученика, мешающего обучаться их детям, в параллельный класс. В том или ином виде эта ситуационная коллизия повторяется. Не важно, вместе или поодиночке, движимые охранительным материнским инстинктом, женщины ставят этот вопрос ребром. Попытка суицида у девушки, вызванная неразделенной любовью к молодому учителю, первое приобщение подростков к Бахусу – подобные случаи не редкость в любой школе. Любопытно, что, когда я зачитывал некоторые из представленных в книге историй своим коллегам, директорам других школ, каждый раз получал похожую реакцию: «Признайся, старик, что эту ситуацию ты

списал у меня. Мы с тобой обсуждали ее в 1980 году. Ты забыл». Такой непосредственный отклик лишь подтверждает мою мысль о типичных, повторяющихся картинках школьной жизни. Возможно, в интересах науки следовало бы систематизировать их и представить в институтском учебнике педагогики.

Однако само перечисление ситуаций, без их подробного описания и разбора, включающего анализ мотивов действий учителя и ученика в реальных конкретных обстоятельствах, мало что даст начинающему педагогу. Поэтому в книге каждая ситуация разворачивается в историю, своего рода притчу. Передача смыслов и ценностей посредством притч придумана не нами. Данная «педагогическая технология» имеет тысячелетнюю историю. Достаточно открыть Библию, чтобы убедиться в этом.

Великая Книга человечества потому и является таковой, что обращена ко всем без исключения людям, а не только к высоколобым интеллектуалам. Симптоматично, что именно начитанные люди – книжники и фарисеи – встретили Новый Завет в штыки. Я бесконечно далек от нескромной попытки создать педагогическую библию, но воспользоваться великим педагогическим методом имею право.

Метод рассказа притч выручает в труднейших обстоятельствах, даже тогда, когда имеешь дело с людьми, далекими от педагогики, например с родителями сложного ученика, которые заранее видят в тебе врага, стремящегося расправиться с их ребенком. Историю матери, категорически отказавшейся от обследования сына, у которого на наших глазах развивалось тяжелое душевное заболевание, приведшее в конце концов подростка к преступлению, я рассказываю каждый раз, когда необходимо убедить родителей своевременно, не дожидаясь беды, обратиться к специалистам. Она впечатляет своим драматизмом, заставляет, отбросив страхи и недоверие к школе, задуматься о судьбе ребенка. Помимо прочего, этот способ воспитания взрослых снимает еще одну тонкую, деликатную проблему. Как педагог, я не имею права заставить родителей обследовать даже самого трудного ребенка, хотя его поведение вызывает вполне законные опасения, представляет реальную опасность для окружающих детей. Мало того, не будучи психиатром, я не смею заикнуться о возможном диагнозе, даже если проявленная симптоматика очевидна. Любое неосторожное слово немедленно приведет к взрыву возмущения и агрессии в адрес школы.

Чужая история помогает более трезво отнестись к собственной ситуации, какой бы драматичной она ни была, рождает психотерапевтический эффект снятия напряжения,

переводит разговор в практическое русло. Учитывая все эти моменты, я совершенно не возражаю, если какая-то из представленных в книге историй в случае необходимости будет использована моими коллегами как их собственная. Это будет тот самый случай, когда «ложь во спасение». Что поделать, и это средство продолжает оставаться в арсенале педагогики. В какой конкретной школе разворачивалась педагогическая ситуация – не имеет большого значения. Важно то, что ситуация подлинная, поучительная и при определенных условиях может быть использована в качестве инструмента влияния на людей.

Накапливая опыт администратора, постепенно, с годами я начал осознавать, что рассказанная история является эффективным способом управления. Во-первых, как уже неоднократно говорилось, это помогает выработать у начинающего педагога узнавание ситуации. Он взволнован, сбит с толку, столкнувшись с тем, чему не учили в институте, просит совета, как выйти из сложного положения. Не будешь же в такой обстановке читать ему академическую лекцию по проблемам конфликтологии и проводить с ним одним психологический тренинг. «Успокойтесь, коллега, ситуация не так драматична. Помнится, мы уже имели дело с чем-то подобным десять лет назад». Далее следует подробный рассказ о том, каким способом тогда вышли из трудного положения, какие совершили ошибки, их повторять сегодня нежелательно. Главное – в такой беседе педагог узнает, что его личная педагогическая драма не является уникальной. Одно это примиряет с действительностью, снимает стресс, заставляет взглянуть на сложившуюся ситуацию несколько со стороны. Кроме того, сопоставление собственной истории с ей подобными позволяет искать решение по аналогии, но с непременным учетом ранее совершенных просчетов, а также конкретных обстоятельств, связанных с личностными особенностями участников истории сегодняшнего дня.

Однако возможности рассказа историй как метода управления не ограничиваются сферой влияния на профессиональный рост молодого специалиста. Они значительно шире. Каждая уважающая себя школа имеет свой неповторимый дух, особую атмосферу, которая годами складывалась из традиций, стиля взаимоотношений в коллективе, совместно пережитых событий, оставивших яркий след в памяти людей, к ним причастных. Старожилы школы, среди которых учителя среднего поколения, наши же выпускники, хорошо помнят приезд в школу Булата Окуджавы. Еще при жизни поэта мы сделали спектакль на основе его биографии, по мотивам его произведений. Спустя десятилетия спектакль стал легендой, его

уже упоминают в своих книгах биографы поэта. Устные рассказы о том прекрасном вечере передаются в школе от поколения к поколению учеников, родители которых были непосредственными участниками тех волнующих событий. Грандиозный праздник, тридцатилетний юбилей нашей школы, разворачивался на арене цирка. Никакая иная сценическая площадка не могла вместить три с половиной тысячи выпускников. Я отдавал себе полный отчет в рискованности некоторых сценарных ходов праздника. И тогда, когда задолго до модного ныне шоу «Звезды на льду» поставил педагогов на коньки для исполнения педагогической ледовой сюиты. И тогда, когда сам скакал на коне и поднимался под купол цирка. Со временем все эти экстравагантные поступки также станут легендой, будут передаваться следующим поколениям педагогов и детей, даже тогда, когда, в силу естественных причин, мы сойдем с педагогической сцены. На таких легендах зиждется корпоративный дух учреждения, и его поддержание входит в задачу руководителя.

Между тем время берет свое, происходит неизбежная ротация кадров, в коллектив попадают люди, незнакомые с его традициями, не пропитанные его мифологией. Поэтому рассказ историй, отражающих прошлое школы, ее знаковые события, является управленческим инструментом сохранения и укрепления корпоративного духа. Как это часто бывает, осознав, наконец, необходимость и важность роли сказителя, я выяснил, что открыл управленческий велосипед. Оказывается, в западной управленческой теории и практике об этой роли написано достаточно много. Руководитель крупной корпорации должен постоянно рассказывать истории своим сотрудникам. Этот метод управления обозначается специальным термином telling stories, в буквальном переводе – рассказывание историй. Обидно, конечно, осознавать, что ты так долго и мучительно шел к выводам, которые были давно известны. Зато необходимость написания самих историй получает не только педагогическое, но и серьезное управленческое обоснование.

Забавные, грустные и драматические истории, которыми всегда переполнена школа, безусловно, дают пищу уму и сердцу педагога, оттачивают профессиональную остроту его взгляда и обеспечивают скорость реакций. Но не школой единой жив учитель. Педагог всего лишь посредник в культуре. В этом «всего лишь» нет ничего унизительного. Напротив, миссия посредника в культуре чрезвычайно почетна. Умение перевести на язык юношества ее ценности и смыслы – редкий дар, востребованный сегодня в информационном грохоте как никогда раньше.

Призванный укреплять молодых людей в поисках надежных

оснований жизни, учитель сам должен где-то пополнять свои духовные накопления. Ему, равно как и ученику, недостаточно одних книжных знаний. При всей важности правильного выбора круга чтения чрезвычайно ценно видеть перед собой живых образчиков достойной жизни. Помимо текстов, нам не менее важен их творец. И коль скоро судьба предоставляет редкую возможность наблюдать его непосредственно, общаться с ним, дышать одним воздухом, сверять свои мысли и поступки с человеком, уже оставившим свой след в культуре, то этой редкой возможностью грех не воспользоваться. Непосредственное влияние творца всегда благотворно.

Сказанное относится не только к писателям, музыкантам и художникам. Свой след в культуре оставляют священники и общественные деятели, ученые и педагоги. Убежден, что, если бы почти одновременно не ушли из жизни А. Сахаров и А. Мень, Д. Лихачев и Б. Окуджава, нравственный климат страны был бы иным. При них многие поступки и высказывания были бы недопустимы, вызывали бы жгучий стыд.

Автору этих строк повезло: он имел и до сих пор имеет возможность видеться с теми людьми, заслуги которых в культуре несомненны, чей высокий моральный авторитет неоспорим. Общение с ними я всегда воспринимал как волшебные встречи, те самые, благодаря которым педагог укрепляет себя, утверждаясь в том, что даже в самые неблагоприятные для культуры времена всеобщего смятения умов его усилия не напрасны.

На первый взгляд может показаться, что истории встреч с этими людьми не имеют непосредственного отношения к школе и потому выбиваются из контекста книги. На самом деле они во многом предопределили человеческую и профессиональную позицию автора, если угодно, его педагогическое кредо. В педагогике, как в музыке, очень важен камертон, помогающий взять верный тон. Люди, о которых пойдет речь, своего рода камертон, настраивающий на нужный лад. Их жизнь и судьба тому порукой.

И еще одно. Специфика нашей профессии такова, что многие ученики порой смотрят на яркого, неординарного педагога как бы снизу вверх, безгранично доверяя его взглядам и суждениям, копируя его интонации, воспроизводя манеру поведения и даже бытовые привычки. Все это не может не согревать душу учителя, но здесь же таится серьезная опасность: привычка к почитанию незаметно рождает ложное представление о себе как о неком демиурге, обладающем высшим правом лепить ребенка согласно своим представлениям. Дабы не поддаться этому соблазну, не «забронзоветь», педагогу полезно постоянно видеть перед собой

тех значительных людей, на которых он сам может смотреть с восхищением.

В меру сил и отпущенного таланта разные люди (молодые и зрелые) поднимаются по ступеням духовного развития. Важно лишь никогда не забывать, что «хотя лестница Якова высока, но с каждой ступени видны звезды» (Г. Померанц).

Теперь, кажется, я выложил все резоны, побудившие меня к написанию этой книги. Остается только несколько прояснить ее название. Оно было подсказано подростком-восьмиклассником. Явившись в библиотеку, он решительно потребовал книгу, название которой точно не помнил: то ли «Камасутра», то ли «Декамерон». Посмеявшись от души, я пришел к выводу, что те деликатные ситуации, в которых подчас оказывается педагог, в чем-то созвучны сюжетам известных произведений.

В книге собрано сто историй, не всегда совпадающих с рамками новелл. В некоторых новеллах «упакованы» две, а то и три истории. Рассказчики в классическом «Декамероне» были расположены слушать друг друга, поскольку вынужденно оказались в замкнутом пространстве. Вокруг бушевала чума, рождавшая страх и смуту в умах. Наша ситуация более благоприятна. Смута в обществе преодолена, что зафиксировано даже специальным государственным праздником. Отсюда следует, что выслушивание историй, предъявляемых автором этой книги, может быть только добровольным.

Времена не выбирают

Карась-идеалиаст

Они впорхнули веселой стайкой в кабинет директора школы: девочки-шестиклассницы, в чьих горящих глазах читалось намерение любой ценой доказать свою правоту.

– Мы решили выращивать в школе декоративных крыс, они такие симпатичные.

– Где вы собираетесь это делать?

– В одном из тех больших аквариумов, что стоят напротив школьного кафе в умывальной комнате.

Мгновенно представил себе нарастающее глухое недовольство технических служащих (элиты современной школы), изумление СЭС и другие далеко идущие последствия этого эксклюзивного детского проекта. На другой чаше весов – нечаянная радость педагога, наконец получившего реальное подтверждение того факта, что не все нынешнее поколение помешалось на компьютерах и видеоклипах. В памяти немедленно всплыли идиллические картинки расцвета движения юных натуралистов: юннаты со скворечниками под мышкой, направляющиеся в лес, детишки, выхаживающие сломавшего лапку ежика. Только позднее выяснилось, что ежиком, заблудившимся в тумане современной жизни, оказался сам директор.

Крысы так крысы! Одним словом, ощутив себя едва ли не А. Швейцером, исповедовавшим благоговение перед любой формой жизни, я решительно поддержал инициативу снизу.

Спустя два дня после исторического решения та же компания нарисовалась вновь.

– Для содержания животных нужен корм.

– Сколько?

– 50 рублей в неделю.

Невелика сумма, тем более на такое благое дело. И я недрогнувшей рукой субсидировал из собственного кошелька благородное начинание. Позже обнаружилось, что эти лапочки «развели на деньги», как принято говорить сегодня, и завуча – педагога с не столь романтическими представлениями о современной детской психологии. Но и у нее дрогнуло сердце...

Быстрое размножение крыс не новость в биологической науке. Но наш приплод превзошел все ожидания. Трогательная картина единения грызунов и детей несколько смягчала неприятный осадок, остававшийся от бесконечных ультиматумов техничек, требовавших немедленно убрать из школы дополнительный источник загрязнения.

Так продолжалось почти год. Весной проект лопнул из-за спора хозяйствующих субъектов. Выяснилось, что он коммерческого свойства. С самого начала детишки наладили бесперебойную сдачу крыс за деньги в ближайший зоомагазин. Но извлеченную прибыль необходимо было делить с учетом трудозатрат каждого из партнеров по крысиному бизнесу. А они, как это формулируют в специфических кругах, стали «крысятничать», что в данном конкретном случае придает известному жаргонизму вполне зримые очертания. Иными словами, мелочиться, уворовывать друг у друга основные фонды (все тех же крыс) и оборотные средства (корм и полученную выручку). Когда дело дошло до разборок, «стрелок» и драк, истина выплыла наружу. В итоге категорическим приказом живые источники раздора были розданы по домам, гуманистический проект прекратил свое существование, а убеленный сединами директор почувствовал себя карасем-идеалистом, на современном жаргоне – полным лохом.

Вторая история под стать предыдущей. За пару дней до окончания учебной четверти из учительской пропал журнал девятого класса. Что поделать? Случается в любой школе. Кто-то не спешил «порадовать» своих родителей итогами успеваемости. Но на сей раз пропажу удалось обнаружить по той причине, что заказчик и исполнитель не сошлись в цене. Девятиклассник нанял шестиклассника, который должен был выкрасть и сжечь компрометирующий документ за четыреста рублей. Выполнив первую часть заказа, шестиклассник заявил, что «за такие бабки пачкаться не собирается», и потребовал еще четыреста. Искомой суммы у организатора преступления не оказалось…

Размышляя над подобными коллизиями современной школы, не стоит посыпать голову пеплом, восклицая с патетикой: «О времена! О нравы!» Какие времена – такие и дети. Важнее задуматься над тем, не слишком ли суетливо мы принялись модернизировать содержание образования, дабы не отстать от этого, мягко говоря, не безупречного времени. Сегодня уже в начальной школе преподаются основы экономических знаний. Между тем исследования психологов обнаруживают, что введение подобных курсов коренным образом меняет шкалу ценностей ребенка. А как показывает жизнь, в рыночные отношения они втягиваются и без нашей помощи, давая фору в этих вопросах своим идеалистам-наставникам.

Self–made в российской версии.

Есть такой англоязычный термин «Self-made», обозначающий человека, который сам себя сделал, добился всего без посторонней помощи, начав с нуля. В свое время деятельные практичные американцы, не меньше нас озабоченные выработкой национальной идеи, вбросили в сознание социума мифологему об американской мечте, суть которой проста и оптимистична. Стоит только захотеть, проявить упорство, не отступить перед трудностями – и в нашей стране ты достигнешь всего, чего пожелаешь, в первую очередь богатства и всеобщего признания. Ты, и только ты – хозяин своей судьбы. Как водится, миф постепенно обрастал подробностями, красивыми сказками: например, о десятилетнем мальчике, который, купив небольшую партию спичек по цене один цент за коробок, выгодно перепродал их в розницу за два цента и тем самым сколотил стартовый капитал, заложив основу своего будущего благосостояния.

Разумеется, советская пропаганда с неподдельным энтузиазмом разоблачала эти небылицы, вскрывая их аморальную сущность. Произведенная ребенком финансовая операция четко подпадала под статью Уголовного кодекса о спекуляции и каралась сроком заключения от трех лет и выше…

И все же не зря в сознание нашего населения десятилетиями внедрялось: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Преодолев пространства и простор, сказка не так давно стала воплощаться и на отечественной почве. Но, как говорили прежде, «дьявол в деталях».

Я приметил его еще в девятом классе, на занятиях театральной студии. Смешной, лопоухий, низкорослый подросток, вдобавок наголо остриженный, чрезвычайно подвижный, с живыми глазами, отмеченными какой-то природной хитрецой. Одним словом, прекрасный персонаж для комического амплуа, например на роль Санчо Пансы, который, как известно, не знал ничего реальнее в жизни, чем кусок хлеба на ладони. Помимо актерских способностей, парень обладал светлой головой, позволявшей ему без особого напряжения учиться в специализированном физико-математическом классе. Да еще ходили слухи, что он поторговывает в школе книгами. Что с того, книги – не наркотики. Говоря современным языком, подросток подрядился мелким дилером в какую-то книжную компанию, что, учитывая его семейное положение (одинокая мать с низкой зарплатой), вызывало даже уважение.

За неделю до выпускных экзаменов он исчез. На тревожные

звонки классного руководителя мать неизменно отвечала, что в школе ее сын больше не появится, что же касается получения аттестата о полком среднем образовании, то иметь его или не иметь – решать семье. Сказала, как отрезала. Классному руководителю, однако, ее голос показался напряженным и неестественным. Как партизаны на допросе, молчали в кабинете директора его одноклассники. Наконец, один из завзятых театралов под большим секретом поведал, что его друг проиграл в бильярд астрономическую сумму в шесть тысяч долларов и в данное время ему естественно не до школы, поскольку вернуть долг – дело чести. «Не только, – возразил я ему. – Ты понимаешь, что твой приятель ввязался во взрослые мужские игры, где за невозвращение долга карают нещадно. А посему попытайся немедленно связаться с другом, пусть придет ко мне, и мы вместе будем искать выход из сложного положения: попробуем перезанять или найти спонсора, по возможности скинемся. Да мало ли что можно придумать. Не погибать же в самом деле из-за каких-то несчастных баксов». На том и расстались. На следующее утро мой конфидент ждал меня на пороге кабинета: «Он сказал, что помощь не требуется, проблему решит сам! И еще просил передать: пусть шеф не волнуется». И на том спасибо.

Мы встретились спустя год. Парень показал мне аттестат о полном среднем образовании, полученный через экстернат. И рассказал о том, что не только сполна расплатился за грехи молодости, но еще успел «раскрутить» свой небольшой бизнес, который позволил ему полностью оплатить обучение на два года вперед в одной из престижных финансовых академий и, таким образом, не висеть камнем на шее матери.

Когда за ним закрылась дверь, я вспомнил о том, что раньше документ о полном среднем образовании именовался аттестатом зрелости. Но кто из нас, зрелых педагогов, обладающих не только этим документом, но и иными, гораздо более весомыми дипломами, был бы сегодня в состоянии в сжатые сроки решить подобные проблемы, возникни они в жизни?

Какой дух в здоровом теле?

Пропаганда здорового образа жизни – привычный арсенал воспитания. Пропаганда, арсенал – согласитесь, сама лексика выстроилась как на плацу! А как же иначе, когда долгие десятилетия в сознание народа внедрялось: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» Парады физкультурников, пирамиды из мускулистых тел, ДОСААФ, ворошиловские стрелки и другие способы приобщения масс к здоровому образу жизни – все это, вместе взятое, готовило людей к суровым испытаниям, великим свершениям, поддерживало бодрый, оптимистический тон жизни. Справедливости ради следует отметить, что усилия идеологов тоталитарного режима не пропали даром и дали ощутимые результаты в годы Великой Отечественной войны.

Серьезное государственное отношение к физкультуре и спорту по инерции сохранялось (разумеется, в более вялом виде) все послевоенные годы, вплоть до развала империи. Победы в спорте оставались нашим последним идеологическим аргументом в борьбе с мировым империализмом.

Когда режим рухнул, быстро выяснилось, что российский человек, привыкнув рассматривать себя лишь как средство достижения великих целей, не слишком-то склонен «бесцельно» заботиться о собственном здоровье и на житейском уровне чаще действует в полном соответствии с анекдотической фразой: «Если бы физкультура и спорт были полезны, то в каждой еврейской семье было бы по два турника».

Эти и подобные мысли пришли в голову в тот неподходящий момент, когда, казалось бы, исполнилась едва ли не главная мечта моей жизни: всего в ста метрах от школы был открыт прекрасный плавательный бассейн.

Здесь необходимо сделать сугубо личные пояснения, проливающие свет на мое отношение к обучению плаванию. Случилось так, что через неделю после выпускного вечера утонул одноклассник, с которым я все годы учебы сидел на одной парте. Ровно через пять лет, на следующий день после окончания института в Серебряном Бору такая же трагедия произошла с моим однокурсником, накануне получившим красный диплом. Я вырос в переулках Замоскворечья. Мама-учительница, рано похоронившая мужа, не имела возможности отправлять ребенка летом к воде. Так что море я впервые увидел в восемнадцать лет, когда оказался в археологической экспедиции в Крыму. Потрясение, пережитое от первой встречи со стихией, несколько отравляло чувство унижения: все участники экспедиции, за

исключением автора этих строк, отменно плавали. Таясь от окружающих (в первую очередь от девушек) за крутой прибрежной скалой, по ночам, на свой страх и риск я упорно изживал свой комплекс неполноценности.

Стоит ли после сказанного объяснять, как возрадовался директор школы, получивший реальную возможность построить всех детей в колонну по четыре и стройными рядами повести их к воде. Соответствующий приказ, предписывающий ввести в учебные программы обязательное обучение плаванию, был подготовлен немедленно. Департамент образования обеспечил оплату аренды воды. Оставалось только ждать благодарности детей и родителей, у которых отпала необходимость возить своих отпрысков за тридевять земель и платить немалые деньги за еженедельные тренировки. Но не тут-то было.

С первых дней после принятия «исторического» решения я столкнулся со скрытым саботажем со стороны части старшеклассников и их родителей. (Вновь приходится прибегать к военному термину.) Доводы разума не работали, эмоциональные аргументы, почерпанные из туманной юности директора, не действовали. Пришлось пустить в ход излюбленный в нашей стране и потому единственно действенный административный ресурс.

На ковре у директора школы девушка – «уклонистка» и ее мама, кандидат медицинских наук (!). В руках у грозного администратора изобличающий документ: справка об освобождении старшеклассницы от занятий плаванием по состоянию здоровья, подписанная собственной матерью.

– Как же так? Государство тратит такие деньги, школа создает вам все условия, а вы идете на подлог, потакая ленивой дочери.

– Дело не в лени.

– А в чем?

Под тяжестью неопровержимой улики (фальшивой справки) они сдаются. Налицо женский сговор. Оказывается, на модную прическу девушки, с мелированием потрачено двести долларов, а в бассейне, сами понимаете, и доллары, и красота могут уплыть.

Когда за ними закрылась дверь, я, повернувшись, увидел в зеркале свою растерянную физиономию и прическу, которая, увы, уже давно не требовала мелирования. Что ж, не зря говорят: каждый возраст имеет свои преимущества. И плавать можно без ограничений, и деньги в кармане.

Богатые плачут, но их не жалеют

Старая, как мир, истина «не в деньгах счастье» в последнее десятилетие постепенно обретает все более зримые педагогические черты. Сужу об этом по общению со своими бывшими выпускниками, людьми солидными, успешными, многим из которых уже за сорок. Они сегодня на пике карьеры, по-прежнему энергичны, деятельны, но былого блеска в глазах не наблюдается. «Поверьте, – устало признался мне недавно один из таких бывших учеников, некогда тонкий, артистичный юноша, звезда всех театральных постановок, а ныне солидный, отяжелевший бизнесмен, – вся жизнь, с утра и до поздней ночи, проходит в офисе, в напряженном, но удручающе монотонном режиме: от контракта до контракта. А тут еще проблемы с собственными детьми». Не задаюсь целью вызвать сочувствие тяжкой доле состоятельных людей, ибо едва ли буду понят и поддержан большинством читателей, с трудом сводящих концы с концами. Реакцию большинства предугадать несложно: «У одних хлеб черствый, а у других икра мелкая». Среди большинства – педагоги, чье собственное материальное положение сегодня оставляет желать лучшего. На пересечении проблем детей из состоятельных семей с социальными проблемами самого учителя возникает новая психолого-педагогическая коллизия, требующая к себе внимания. Но обо всем по порядку.

Молодая пара, они привели ребенка шести с половиной лет для записи в первый класс. Мальчик капризен, легко возбудим, больше минуты не сидит на месте. Обследование специалистов показывает общее недоразвитие ребенка: бедность лексического запаса, несформированность произвольного внимания и коммуникативных навыков. Короче говоря, от возрастной нормы ребенок явно отстает и к обучению в школе не готов. Сообщаем об этом родителям, предлагая пройти предшкольную подготовку на базе нашего детского сада. Реакция отца: «Вот еще, будет он в ваш совковый сад ходить». Мама извиняющимся тоном (она по специальности педагог, но, разумеется, ни дня не работала в школе): «Он ведь у нас в деревне рос». Глаза отца наливаются кровью: «Что ты мелешь? Это «Баковка» для тебя деревня? Мой сын живет в особняке, и у него есть буквально все». Осторожно интересуюсь кругом общения будущего наследника крупного состояния. Выясняется, что малыш общался только с няней (образование пять классов), охранниками и гастарбайтерами из Средней Азии, обслуживавшими территорию огороженного участка, со сверстниками и более старшими детьми контактов не

имел. Стоит ли после этого удивляться общему недоразвитию физически и психически здорового ребенка? Родители сами загнали его в резервацию, а в нашу школу привели, польстившись на бренд. Узнав, что школа массовая, где учатся вместе дети родителей разных чинов и званий, обидевшись на честный диагноз актуального состояния ребенка, отправляются искать для него школу «покруче». Бог в помощь. Испепеляющий конфликт с отцом старшеклассника. Мы с ним давние приятели, поэтому не избегаем резких оценок и не стесняемся в выражениях. Он – из бывших военных, в новые времена стремительно поднявших свой бизнес. Требует для сына только положительных оценок. А я совершенно не собираюсь выкручивать руки учителям, заставляя их выводить четверки и пятерки явному бездельнику, прекрасно осведомленному о наших с отцом дружеских отношениях.

– На твоей школе свет клином не сошелся. Я заберу ребенка и найду ту школу, где ему поставят то, что мне нужно.

– Рекомендую не мучиться, а сразу купить в подземном переходе аттестат о среднем образовании, диплом престижного вуза и договориться с партнерами по бизнесу о месте представителя фирмы в теплой стране. Кому бизнес-то свой передавать будешь? Мозги парню надо напрягать, а не оценки выклянчивать.

Примирение невозможно. Он забирает документы сына. Дело происходит до дефолта. Далее следы их теряются. По слухам, парень получил хороший аттестат, поступил в одну из многочисленных негосударственных финансовых академий (они росли тогда как грибы после дождя – их открывали даже в помещениях бывших детских садов), которую закончил с отличием.

Спустя годы давний приятель вновь появился у меня в кабинете. Выглядел он уже не так уверенно, от былого лоска не осталось и следа. Разговорились. Выяснилось, что после дефолта его фирмы развалились, он теперь работает водителем у нового хозяина жизни. В такой ситуации я не собирался сыпать соль на старые раны.

– У меня к тебе просьба: помоги устроить сына на хорошую работу. Наверняка среди твоих бывших выпускников есть серьезные люди.

– Есть, конечно, но я не могу рекомендовать им кота в мешке.

– Да сын здесь, в канцелярии, поговори с ним.

Я не отношу себя к продвинутым экономистам и успешным менеджерам нового времени, но, как любой руководитель, занимаюсь финансовыми вопросами. В ходе короткого разговора с парнем выяснилось, что выпускник финансовой «академии»

имеет смутное представление о финансовых проводках, счетах-фактурах, с трудом сводит «дебит» с «кредитом». С каждым моим вопросом отец, в свое время затративший огромные деньги не на образование сына, а на беззаботное получение им диплома, все ниже опускал голову. Но человек пришел за помощью. «Знаешь что, – предложил я приятелю, – давай для начала пристроим его на курсы бухгалтеров». Отрицательной реакции отца на этот раз не последовало.

Сознаю, что в данной ситуации мое стремление помочь опиралось на давнее знакомство с отцом и сочувствие человеку, попавшему в трудные обстоятельства. Не уверен, что немедленно бросился бы выручать родителя (будь он посторонним для меня человеком), проявившего по отношению к школе высокомерие и снобизм, павшего заслуженной жертвой собственной недальновидности.

И тут самое время вернуться к началу разговора. Многие из сегодняшних так называемых деловых людей справедливо расплачиваются за свой образ жизни и презрительное отношение к педагогам, которых они зачастую рассматривают как работников сферы обслуживания. «Нам, конечно, обидно, зато им достается поделом», – таков примерно ход мысли педагога, слишком часто встречающегося сегодня с открытым или завуалированным хамством преуспевающих сограждан, решивших, что им позволено все. Но злорадно потирать руки – не слишком ли примитивная реакция на несправедливость жизни? Справедливость, разумеется, одна из высших ценностей, но не единственная, и, кроме того, Она не предполагает милосердия. Строго говоря, чудят родители, а расплачиваются дети, чья вина не очевидна.

Тринадцатилетний подросток идет вразнос: не выполняет домашних заданий, прогуливает школу, дерзит учителям. Отец с матерью в разводе, у отца новая семья, у мамы бойфренд, ребенок живет с бабушкой, которая не в состоянии его контролировать. Ситуация до предела банальная, если бы в ней не появился новый оттенок, в корне меняющий внутреннюю позицию учителя, мешающий проявить сострадание к несчастному, никому не нужному парню: у него состоятельные родители.

У каждого из нас, педагогов старшего и среднего поколения, и раньше хватало подобных пациентов. Бывало, приходилось срочно по тревожному звонку ребенка приостанавливать ночную репетицию спектакля и вместе со старшеклассниками на свой страх и риск врываться в квартиру соседнего со школой дома, где пьяный отчим гонялся с ножом за девушкой-девятиклассницей. Милиция не хотела влезать в это семейное дело, поскольку ее

мать категорически отказывалась свидетельствовать против своего нового мужа. У меня на памяти десятки случаев, когда педагоги самоотверженно боролись за ребенка из неблагополучной семьи, заменяя ему пьющего отца и гулящую мать, обстирывая его, принося одежду из дома, а порой поселяя в собственной квартире от греха подальше. Вырастая, эти некогда трудные дети были несказанно благодарны своим наставникам, становясь их преданными друзьями и помощниками на всю жизнь. Что с тех пор изменилось? Очерствели душой учителя? Почему? Во-первых, количество заброшенных детей возросло в разы, а растрачивать себя на всех нуждающихся – никакого сердца не хватит. Тем не менее, несмотря на эту печальную статистику роста социального неблагополучия, на беды таких детей педагоги еще как-то, в меру своих скромных возможностей, продолжают откликаться. И совсем другая реакция (это во-вторых), когда они сталкиваются с ребенком из неблагополучной, но обеспеченной семьи. Тут пепел Клааса начинает стучать в голову.

Беседую с классным руководителем того самого мальчика, о котором шла речь. Опытный педагог, на ее боевом счету не одна спасенная детская судьба, а здесь, что называется, заклинило. Не хочет она вкладывать душевные силы в этого ребенка.

– Вы думаете, я не понимаю, что парня надо пригреть, заменив ему родителей. Но я лучше потрачу силы на ребенка из семьи алкоголиков, чем на этого.

– Но мальчик не виноват в том, что его родители – обеспеченные люди.

– Я живу с мужем и двумя детьми в однокомнатной квартире. Прикажете взять к себе ребенка, которому не нашлось места в коттедже матери и особняке отца? Даже если и решусь на этот гражданский подвиг, чем я смогу его удивить?

Здесь она права: настоящее перевоспитание начинается с удивления. Ребенка, которого подняли с социального дна, изумляет многое: скромная, но чистая квартира, добрые, ровные отношения в семье, забота о нем, проявляющаяся в мелочах. Наш давний выпускник, чье детство было омрачено нищетой и пьянством родителей, рассказал мне, как был в то время потрясен подарком пожилой учительницы: она отдала ему тельняшку сына-офицера. Став взрослым, он неизменно, на каждый праздник приходит к ней с цветами. Таких детей можно обвинить в чем угодно, но не в избалованности и цинизме. Именно два последних качества характеризуют неблагополучных детей из обеспеченных семей. Богатые семьи несчастливы по-своему. Юноша, чью судьбу обсуждали мы с учителем, обут и одет по

последней моде, в его полном распоряжении дорогая электронная техника, включая навороченный ноутбук, о котором учитель не может и мечтать. От него, попросту говоря, откупаются, но он совершенно не чувствует себя несчастным, напротив, с удовольствием извлекает выгоду из своего промежуточного (между матерью и отцом) положения. Окажись он в квартире педагога, скорее всего, криво усмехнулся бы, увидев незатейливую обстановку, лишний раз утвердившись в мысли: «с трудов праведных не наживешь палат каменных». По большому педагогическому счету его жалко, но сочувствовать ему нельзя. Уславливаемся о жестком ежедневном контроле парня, включая утренний телефонный звонок учителя за час до начала занятий, чтобы не просыпал и вовремя приходил в школу, еженедельном его отчете в кабинете директора об итогах успеваемости и поведения. А что мы еще можем сделать?

Педагогический детектив

Заповедь «не укради», высеченная на скрижалях Моисея, поставила перед педагогами всех времен и народов воспитательную задачу, исполнение которой растянулось на тысячелетия. И сегодня, как и в начале истории человечества, мы сталкиваемся с детским воровством. Если бы только с детским. Но воспитание взрослых людей не входит в нашу прерогативу, поэтому сосредоточимся на своих прямых профессиональных обязанностях. Тем более что все, как известно, начинается с детства, включая приобретенный опыт краж. Исторический масштаб проблемы (от Ветхого Завета – до новейшего времени) не успокаивает, а неискоренимость этого человеческого порока не избавляет педагога от обязанности каждый раз оперативно реагировать на подобные эксцессы в школе. Попробуйте не отреагировать, когда перед вами плачущий ребенок, которому по причине исчезновения шубы из раздевалки не в чем возвращаться домой в мороз. Естественно, что через час появятся его глубоко возмущенные родители, которые, глядя на вас с презрением, дадут оценку всему вашему труду: «Чем же вы здесь занимаетесь, если в школе, которая является храмом знаний, воруют?» В смущении, опустив глаза, вы будете мямлить о том, что даже в самой плохой школе не учат воровать. Что у вашего друга украли кошелек в Эрмитаже, а сами вы оказались в такой же нелепой и унизительной ситуации в фойе Большого театра, но не стали из-за факта воровства ставить под сомнение смысл и пользу деятельности этих достойных учреждений. Все бесполезно, никакие ваши аргументы не действуют, пока пропавшая вещь не будет найдена и возвращена. Милиция, куда родители обратятся с заявлением, понимая всю бесперспективность уголовного расследования, скорее всего, переадресует их обратно в школу, которая должна возместить стоимость шубы из кармана директора (других материальных ресурсов не существует). Вывод очевиден: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Так педагогам в силу жизненной необходимости приходится на ходу осваивать смежную профессию детектива.

Что воруют дети? О, этот вопрос достоин специального социологического исследования, а также может быть положен в основу очерка нравов, дающего представление о смене потребительских приоритетов в новейшей истории отечества. В 70-80-е годы предметами вожделения подростков были джинсы, импортные дамские сапоги и дубленки. Еще зимние шапки из натурального меха. Наиболее отчаянные подростки срывали их

прямо с голов прохожих. Среди взрослых тогда тоже практиковались полукриминальные, но менее экстремальные способы добычи дефицита. В те годы любопытную историю поведал мне завхоз школы, в прошлом офицер охраны Кремля. Он рассказал ее в утешение директору, у которого из школьной раздевалки пропала ондатровая шапка одного из старшеклассников. «Да, не убивайся ты так, Александрович! Еще и не такое бывает. Во времена Хрущева я дежурил в Кремле на новогоднем приеме. Туда на банкет были приглашены секретари ЦК, министры, деятели культуры, передовые рабочие. Ни одного случайного человека. После приема солидный министр не нашел своей пыжиковой шапки. Вместо нее на полке лежал кроличий треух, а в нем деньги и записка: «Вам достать легче, чем мне». А тут детишки. Им тоже красиво жить хочется». В ответ я не слишком корректно поинтересовался: не эта ли история послужила причиной его увольнения из органов? Он улыбнулся и молча отправился чинить замок в ограбленной накануне раздевалке.

Исчезновение из нашей жизни дефицита товаров не сняло проблему детского воровства. Дефицит ушел, но ему на смену пришло острое социальное неравенство. И сегодня предметом неистребимой зависти подростков из малоимущих семей являются накрученные мобильные телефоны и плееры, а у малышей куклы Барби, чья цена равняется стоимости минимальной потребительской корзины пенсионера, и т. п. (В скобках замечу, что профессиональная необходимость постоянно думать о путях смягчения социальной зависти детей побуждает меня довольно терпимо относиться к производству контрафактной продукции. Я вижу прямую корреляцию между ее объемом на рынке и интенсивностью детского воровства в школе.) Помимо прочего, не до конца исследована проблема детской клептомании. Словом, детские кражи – явление, с которым рано или поздно придется столкнуться любому педагогу. Иногда они приобретают характер эпидемии.

В ту зиму мы буквально сбились с ног. Кража следовала за кражей. Исчезали мохеровые шарфы и импортные женские сапоги, зимние шапки и детские пуховые курточки. Завелся воришка, поймать которого никак не удавалось. Толпы разгневанных родителей осаждали кабинет директора, требуя компенсации похищенного. Милиция разводила руками, предлагая пойти по надежному, испытанному пути: завести в каждом классе информатора, который будет регулярно докладывать (попросту говоря, стучать) директору обо всем подозрительном. Я категорически отверг этот способ развращения

детей, но безупречная нравственная позиция директора не снимала проблемы продолжающегося воровства. Хуже всего было то, что в школе установилась взвинченная атмосфера взаимной подозрительности. Но нет худа без добра. Повышенная бдительность дежурных в конце концов помогла выявить злоумышленника, а точнее, злоумышленницу. Ею оказалась девочка-тихоня, пятиклассница. Не на шутку обозленные непрекращающимися кражами, дежурные старшеклассники заподозрили неладное, когда она с трудом забросила за плечи мешок якобы со сменной обувью. Обувь там действительно оказалась: три пары дорогих импортных сапог.

Она дрожала и плакала. К слову сказать, сколько потом ни видел воровок, все они, будучи пойманы, начинали с рыданий. Было очевидно, что никакой юридической ответственности за содеянное преступление ребенок нести не может. Во-первых, в силу возраста. Уголовная ответственность за кражу наступает с четырнадцати лет, а ей двенадцать. Во-вторых, потому что у девочки стертая форма олигофрении. Отсюда главная задача: выяснить, где находятся остальные украденные вещи, с тем чтобы попытаться вернуть их потерпевшим. Она не долго запиралась. Все вещи выносила из школы в мешке для сменной обуви и отдавала их дома маме. Это существенно меняло дело. Об этой женщине мне многое было известно. Воспитывает дочку одна, работает в автобусном парке посменно, в перерывах не гнушается самой древней профессией. Дама ловкая, изворотливая, голыми руками не возьмешь. А показания психически больного ребенка не могут явиться основанием для получения даже ордера на обыск, не говоря уже об обвинениях в суде. Как только девочка сообщит дома о том, что ее поймали с поличным, мать немедленно избавится от вещей (если таковые еще остались в квартире) и будет чиста перед законом.

Что же делать? Решаю: вместе с девочкой идти к ней домой для прямого разговора с ее матерью. Не особенно надеясь на успех операции, перед выходом из школы звоню в милицию. Прошу на всякий случай выставить у подъезда товарищей в штатском. Увидев меня на пороге собственной квартиры, мать быстро справляется с испугом. Узнав о цели визита, благодарит школу за то, что вовремя остановили ее несчастного ребенка, склонного к клептомании. Категорически отрицает наличие каких бы то ни было чужих вещей в квартире. Мол, случай первый и единственный. На взаимные препирательства уходит около двух часов. Как и следовало ожидать, ухожу ни с чем. У подъезда умоляю сотрудников милиции продолжить дежурство. Еще через два часа звонок: мать и дочь задержаны у подъезда с двумя

чемоданами. Просят срочно приехать в милицию, поскольку допрос ребенка можно вести только в присутствии педагога. С предчувствием близкой победы и торжества справедливости приезжаю в милицию. Но оказывается, что радоваться рано. Следователь сообщает, что чемоданы пусты. Хитрая женщина, заподозрив неладное, осуществила проверку, выйдя на улицу без украденных вещей. Допрос матери и дочери идет в разных кабинетах. Я, естественно, присутствую при допросе ребенка. Девочка довольно быстро признается в кражах. Мать стоит насмерть, не признавая ничего, объясняя признание дочери фантазиями не вполне здорового ребенка. В двенадцать часов ночи следователь отзывает меня в коридор. «Мы проиграли, я обязан их отпустить. Время позднее, разрешение на обыск мы в лучшем случае получим завтра, а за ночь вещи уйдут». За полночь втроем выходим из милиции. Уставший ребенок зевает, мать слегка улыбается. У меня перед глазами возбужденные лица негодующих родителей, которые осаждают кабинет директора. Решаюсь на отчаянный шаг, это мой последний шанс вернуть похищенное.

– Вы, конечно, женщина твердая, но и я пойду до конца. Завтра вечером я соберу общешкольное родительское собрание, где расскажу в красках об этой истории. Будьте уверены, мне поверят. После чего я назову ваш адрес и телефон. Представляете, какая жизнь после этого начнется у вас и вашей дочери? (Умиротворение на ее лице быстро сменяется тревогой.) Предлагаю отдать вещи не милиции, а лично мне прямо сегодня ночью. Даю слово не привлекать к этой истории органы.

– Поехали. Вам я вещи отдам.

Похищенное было спрятано на балконе. Пока она набивала чемоданы, я сообразил, что с моей стороны было бы неосмотрительно принимать вещи по описи без свидетелей. В микрорайоне школы жила завуч. Она в курсе завязки этой истории, но на дворе ночь. Звоню ей: «Ты, пожалуйста, не удивляйся, но прямо сейчас я вместе с воровкой приду к тебе. Будем принимать вещи...» Представил себе изумленную реакцию ее мужа.

С двумя чемоданами поднимаемся в квартиру заместителя. На пороге, бросив взгляд на злополучные чемоданы, она уверенно бросает: «Здесь не все!» Мошенница, опешив от такой проницательности, обещает через полчаса принести еще чемодан. Когда за ней закрывается дверь, я развожу руками.

– Ну, ты и Пинкертон!

– Не один ты, Ямбург, следователем работаешь. (Смеемся.) Наконец, приняв вещи по описи, с мужем заместителя тащим

чемоданы в школу. По дороге он отпускает шутки про быстрое овладение смежной профессией. На часах шесть тридцать утра. Возвращаться домой не имеет смысла.

Но если бы на этом детективная история окончилась. К вечеру следующего дня начинаю аккуратно раздавать вещи потерпевшим. Они счастливы, ибо, наконец, уверовали в эффективность воспитательной работы школы.

На пороге кабинета элегантная женщина, мать одной из пострадавших старшеклассниц. Она благодарит за возвращение пропажи, при этом, в свою очередь, ставит на мой стол дорогие французские сапоги.

– Не понял. А это откуда?

– Ну, как же. У нас взяли из раздевалки, и мы взяли, а теперь возвращаем.

Я буквально захлебываюсь от негодования.

– Как же так? Я понимаю, когда имею дело с социальным дном: алкоголичками, проститутками и т. п. Но вы же интеллигентный человек, кандидат юридических (!) наук.

Смотрит в высшей степени разочарованно, даже сочувственно, как на неисправимого, далекого от реалий жизни идеалиста.

– Зря вы так возмущаетесь. Мы еще честные, могли бы и не возвращать взятые в отместку сапоги. Тогда бы вы так ничего и не узнали.

После ее ухода долго не могу прийти в себя. К счастью, подходит время репетиций театральной студии. Там не место дурным мыслям...

Мотивы детского воровства крайне разнообразны. Они не сводимы только к одной причине, будь то социальное неравенство или неразвитое правовое сознание как взрослых, так и подростков.

В восемь утра в дверь кабинета постучали.

– Я к вам, – сообщила ранняя гостья и, не дожидаясь приглашения, уселась напротив меня. Джинсы, маечка adidas, выщипанные брови – словом, выражаясь языком наших старшеклассников, обычная «фирменная» девочка.

– Сапоги из раздевалки вашей школы украла я, – сказала она спокойно и, откинувшись на стуле, приготовилась наблюдать мою реакцию.

Именно наблюдать, изучать, рассматривать, ибо не было в ее глазах ни страха, ни сожаления, не загорелись от стыда щеки. Только интерес: что ты сейчас сделаешь – взорвешься в крике, вызовешь милицию?

– Где вы учитесь?

– В техникуме.

– Где работаете? Назвала место работы.

– Где сейчас сапоги?

Последний вопрос можно было и не задавать, так как только вчера старшеклассники из оперативного отряда «Дзержинец» (был и такой) задержали ее подругу Олю в этих злополучных сапогах-бахилах. Так что стояли они в соседнем кабинете, дожидаясь, когда сотрудники милиции оформят акт изъятия.

– Зачем вы это сделали?

– А для Оли. Она, видите ли, встречается с парнем небольшого роста. Так что сами понимаете, – девушка улыбнулась, приглашая участливо разделить проблему высокой девушки на высоких каблуках при низкорослом друге.

– И вы пришли на помощь? – это, собственно, был уже не вопрос, а прорвавшаяся злость.

Но она ответила спокойно, с вызовом:

– Хотела себя испытать: способна ли на такое?

Мы разговаривали как люди, живущие в разных ценностных системах. Подобные ощущения возникали у меня и раньше в окрестных барах и на дискотеках, куда не раз приходилось заходить с инспектором детской комнаты милиции в поисках очередного трудного подростка. Диковатые лица парней, кукольные, со стеклянными глазами – девушек. Взорваться и призвать к порядку – бессмысленно, вразумлять – смешно, повернуться и молча уйти – оскорбительно в человеческом и профессиональном смысле. В таких ситуациях главное – не опуститься до ненависти. Уж кто-кто, а я-то видел, как меняются эти лица, когда в их жизнь приходит настоящая беда, которую они, как правило, сами на себя и накликали. Так что же: правы сторонники обывательского тезиса «чем хуже – тем лучше»? Нет, есть и другой путь – возвышение потребностей подростков. О нем разговор впереди.

Каждый раз, встречаясь в школьной практике с правонарушениями, я естественно задавался вопросом о мотивах совершенного. Вот и сейчас в голову лезли объяснения из расхожего педагогического арсенала: потребительское отношение к жизни, привычка жить за чужой счет, узость интересов. Но при всей справедливости этих объяснений что-то важное оставалось недообъясненным.

С Володей Д. я встретился через пять лет после окончания им школы. Все у него благополучно: женат, работает фельдшером на «скорой помощи». Но я не забыл страшное комсомольское собрание, принявшее решение исключить этого парня из рядов ВЛКСМ. Так и не объяснил он тогда толком, почему участвовал в

краже дубленки. Все больше молчал, а после того, как сдал в райкоме комсомольский билет, шесть часов бесцельно ездил на метро.

– Володя, простите, что напоминаю о неприятных событиях, но помогите разобраться в мотивах того поступка.

– Понимаете, я только теперь могу дать оценку всему, что тогда произошло. Поверьте, выгода здесь играла очень незначительную роль. Вы, вероятно, помните: родители в карманных деньгах не отказывали, своя дубленка была, отец из командировки привез. Но мне было скучно.

– Вот так раз! Вы же работали в трудовом отряде, репетировали в школьной театральной студии главную роль. И вдруг – скучно?!

– Да, у меня тогда было все, кроме остроты ощущения жизни. Хотелось пройти по лезвию бритвы. Просто вы все нас здорово берегли.

– Вам нравится ваша работа?

Он, захлебываясь, начал рассказывать о группе интенсивной терапии – самом напряженном участке работы «скорой»...

Когда за Владимиром закрылась дверь, я набрал телефон знакомого психолога и задал ему вопрос:

– Всем ли подросткам присуща потребность в риске?

– Стремление попробовать себя, преодолеть свои слабости, в том числе и страх, – нормальная потребность ребенка. В самом деле, зачем-то ходят же они ночью на деревенское кладбище, а в городах – по карнизам домов, носятся по напряженным магистралям на велосипедах.

– Залезают в шахты лифтов, – вставил я.

И вспомнил возмущенное выступление представителя «Мослифта» на совещании директоров школ. По его словам, выходило, что педагоги плохо разъясняют опасные последствия подобных действий. Но мы-то в школах не один классный час посвятили разъяснениям.

– Что же с этим делать?

– Психология фиксирует закономерности развития психики, а конкретные воспитательные рекомендации дает педагогика, – изрек мой ученый знакомый.

И я в который раз вздохнул по поводу такого разделения труда.

Горе не от ума

Этот мальчик вызывал озабоченность учителей уже с первого класса. О таких детях привычно говорят: шило в одном месте. Во время урока он мог внезапно выскочить из-за парты, носиться по классу, срывать шторы. Сегодня такому ребенку, скорее всего, поставили бы диагноз: гиперактивный ребенок с синдромом дефицита внимания – и посоветовали бы обратиться к специалистам, психиатрам и нейрофизиологам. Но дело происходило двадцать лет назад, когда о подобных тонкостях мало кто имел представление. При всех отклонениях в поведении мальчик обладал сохранным интеллектом, неплохо учился, в изучении некоторых предметов даже опережая своих сверстников. У него были явные избирательные способности. Забегая вперед, скажу, что в восьмом классе он знал наизусть весь учебник металловедения для техникума и демонстрировал особые успехи в изучении химии. Но год от года его агрессивность нарастала, принимая все более одиозные формы. В третьем классе он уже беспрестанно колол девочек булавками, получая от этих «шуток» неизъяснимое наслаждение...

Мне повезло с коллегами. Мудрые, терпеливые педагоги, они делали все от них зависящее, чтобы этот ребенок продолжал обучение. Но как прикажете объяснять родителям других учеников, которые часто становились жертвами этого странного мальчика, его пребывание в классе? Не скрою, уже в те годы на полулегальных основаниях у нас в школе существовала психологическая служба. Но обследование ребенка без согласия родителей недопустимо по этическим соображениям и входит в противоречие с нормами права. На мое осторожное предложение обследовать ребенка в стационаре мать ответила категорическим отказом. Отчасти ее можно было понять. Поставить мальчика на учет в психиатрический диспансер – в те годы это было равносильно тому, что поставить крест на его будущей карьере. На деликатную просьбу разрешить провести обследование приватно, нашими специалистами с полной гарантией сохранения медицинской тайны, она отреагировала весьма бурно: «Не позволю из моего сына делать дурака!»

– При чем тут это? У мальчика сохранный интеллект, он хорошо учится. Нас беспокоит его поведение.

Никакие доводы не действовали. Как тигрица, она защищала собственного ребенка от... специалистов.

Гром грянул в конце восьмого класса. Подросток зажал в лифте второклассницу, раздел ее и исколол иголками.

Преступника быстро нашли и возбудили уголовное дело. Теперь уже мать со слезами на глазах обратилась ко мне за помощью.

– Немедленно требуйте психиатрическую экспертизу института Сербского, это ваше и его единственное спасение!

Откровенно говоря, нам все давно было ясно. У парня развивалась юношеская шизофрения, которая с трудом поддается лечению до четырнадцати лет. Подростку на момент заключения под стражу было тринадцать.

И был суд, по решению которого юноша получил принудительное лечение. Прямо в зале суда его мать, в сущности молодую женщину, разбил инсульт, и ее увезли на «скорой». Между тем парня подлечили, он окончил нашу школу в восемнадцать лет и благополучно поступил в институт, закончил его и работает инженером. С тех пор глубоко больная женщина ежегодно в День учителя звонит по телефону и заплетающимся инсультным языком поздравляет меня с праздником. Если бы в свое время она отнеслась к нам с большим доверием, горя можно было бы избежать...

Каждый раз, когда приходится убеждать родителей в необходимости обследования ребенка, вызывающего озабоченность школы, рассказываю эту и подобные ей истории, которых немало в директорской «копилке». Не всегда, но иногда помогает. Кое-кто соглашается.

Старые песни о главном

В начале перестройки, когда только пробивались первые бреши в железном занавесе, страна изрядно повеселилась. Во время телемоста с Америкой на «провокационный» вопрос из-за океана о том, как у нас обстоит дело с интимной сферой, последовал категорический ответ одной серьезной дамы: «У нас в стране секса нет». Между тем женщина, вызвавшая приступ хохота у миллионов телезрителей, была недалека от истины.

В свое время друг юности доверительно рассказал мне об исполненной комизма ситуации, в которой он оказался за рубежом. Умница, спортсмен, технарь от бога, лауреат премии ВЛКСМ за какое-то ценное изобретение, он был послан на обучение в аспирантуру в одну из капиталистических стран. В соседнем номере аспирантского общежития проживала красавица шведка. Как-то поздно вечером она не смогла попасть в свою комнату: сломался замок, а мастера в столь поздний час было не найти. Стоит ли говорить, что приятель блестяще справился с этой несложной технической задачей. В благодарность девушка пригласила его к себе и... немедленно стала раздеваться. Напомню, дело происходило в начале семидесятых. Это время пика сексуальной революции на Западе. Никаких чувств, кроме ужаса перед возможной провокацией, друг не испытал. В мозгу одновременно вспыхнули две мысли: «Из партии выгонят, за границу больше не пошлют». Пулей вылетел он из опасной комнаты. Проявив бдительность, не уронил чести – ни своей, ни державы.

В начале восьмидесятых я пригласил для выступления на общешкольном родительском собрании врача-сексолога. В те годы даже наименование его медицинской специализации вызывало у обывателей изумление. Приглашению предшествовала печальная медико-педагогическая история.

Мальчик-первоклассник страдал энурезом. Сверстники поголовно отказывались сидеть с ним за одной партой. Врачи терялись в догадках: никаких причин заболевания органического свойства они не находили. Проблема мальчика коренилась в психологии родителей. Поочередно беседуя с родителями, опытный психолог докопался до истоков. У супругов возникли серьезные проблемы в интимной сфере. Не смея себе признаться в этом, вытесняя проблему, они придумали ребенку энурез и поочередно дежурили по ночам у его постели, дабы периодически поднимать его в туалет. Вскоре навязанный ребенку невроз дал соответствующую органическую симптоматику.

После этого случая я пригласил сексолога. Представив врача, я скромно сел на последний ряд. Специалист повел речь о гармонизации сексуальных отношений, о технике взаимодействия партнеров. Сегодня на эту тему изданы сотни книг, доступных даже подросткам. А тогда... Впереди меня оказалась моложавая женщина средних лет. Во время лекции, повернувшись к подруге, она прошептала: «Господи, дожить до сорока лет, чтобы впервые услышать это!» Так тогда обстояло дело с сексуальным образованием взрослых, которые, в свою очередь, с такой «подготовкой» должны были просвещать детей.

На заре своей педагогической карьеры, будучи заместителем директора, я столкнулся с курьезной ситуацией. Возмущенная учительница физкультуры буквально втолкнула ко мне в кабинет двух злоумышленников. Мальчики второго класса подсматривали за девочками, раздевавшимися перед уроком. Учительница потребовала от меня раскрыть перед юными «эротоманами» всю глубину их падения и гордо удалилась. Откровенно говоря, она поставила меня в тупик: никаким опытом общения на эту тему с детьми столь нежного возраста я, начинающий педагог, тогда не обладал. И я решил пустить в ход тяжелую артиллерию, призвав на помощь более опытного, убеленного сединами заместителя.

Грузная пожилая женщина, смерив меня сочувственным взглядом, немедленно вступила в бой за нравственность подрастающего поколения. Драматургию этой беседы стоит воспроизвести в подробностях.

Завуч (грозным голосом): Вы что хотели там увидеть?! (Глаза мальчиков немедленно наполняются слезами.)

Первый мальчик, рыдая, но еще надеясь уйти от ответственности: Ни-че-го.

Второй мальчик (более честный), обращаясь к первому: Не лги.

Первый, облегчая душу чистосердечным признанием: Мы хотели увидеть глупости. (Так дети обозначают интимные части тела.)

Завуч, усиливая психологический нажим: Вы что, в музее не были? (Здесь педагог хитро переводит разговор на красоту человеческого тела, явленную в произведениях искусства.)

Оба радостным дуэтом: Вчера были. В музее Ленина!

С изменившимся от трудно сдерживаемого пароксизма смеха лицом ретировался я из кабинета своего опытного коллеги.

Таким же «удачным» следует признать мой первый опыт сексуального воспитания старшеклассников. С ними я чувствовал себя более уверенным, поскольку возрастная дистанция между воспитателем и воспитанниками тогда не превышала семи лет.

Психология старшеклассников представлялась мне ближе и понятнее.

Юноша и девушка – уже в десятом классе они жили вместе вполне взрослой жизнью. Разумеется, по школе поползли слухи, и я решил пойти с парнем на мужской разговор, неформальный характер которого должно было оттенить искусно избранное место беседы. (Мы прогуливались по лесопарковой зоне, примыкающей к школе.) По возможности деликатно, абстрактно, напрямую не касаясь данной конкретной ситуации, я повел речь о взаимоотношениях мужчины и женщины, возможных последствиях интимных отношений и об ответственности мужчины за любимого человека.

С пониманием выслушав столь яркий педагогический монолог, парень, сочувственно посмотрев на молодого, неискушенного педагога, заметил с мягкой улыбкой: «Да вы не переживайте. Мы умеем предохраняться».

До сих пор они муж и жена. Пару лет назад их уже второй ребенок окончил нашу школу. Но после того давнего случая я потерял охоту вторгаться в чужую личную жизнь.

А если это любовь?

Но кто же в самом деле не переживал школьные влюбленности? Давно канули в вечность те времена, когда влюбленные пары подвергались суровому общественному осуждению на комсомольских собраниях, а ханжеская мораль предписывала молодым людям тщательно скрывать от окружающих свои интимные чувства. Нынче дружеский поцелуй при встрече молодых людей противоположного пола – ритуальная форма приветствия, дозволенная прежде лишь генеральным секретарям дружеских компартий на братских встречах. А поцелуи недружеские, то бишь страстные, мы с некоторых пор научились спокойно наблюдать в кафе и на дискотеках, в общественном транспорте и даже в коридорах школы. Что поделать, сексуальная революция конца шестидесятых годов прошлого века с Запада, наконец, докатилась и до нашего целомудренного отечества. Как прикажете сегодня вести себя педагогу, застукавшему целующуюся пару под лестницей школы: подойти вплотную и грозным голосом потребовать прекратить безобразие? Смешно, не правда ли? Любопытно, что Запад, давно переживший подобное, уже дрейфует в противоположную сторону.

Мой приятель, профессор, недавно вернувшийся из Америки, был поражен типичной сегодня картиной общения американцев в вечернем ресторане. Там шла корпоративная вечеринка, участниками которой были преимущественно молодые люди. Никакого флирта, ни малейшего, даже шутливого намека на интимное продолжение вечера, предельная сдержанность в жестах и телодвижениях. Еще бы, под мощным влиянием эмансипированных дам там приняты драконовские законы, защищающие женщин от сексуальных домогательств мужчин. За невинный игривый поцелуй можно получить солидный тюремный срок. Нам бы так? Не думаю. Тот же профессор признался: «А знаете, мне их стало даже в чем-то жалко. Каким-то искусственным и натужным показался праздник, в котором отсутствовала эмоциональная включенность и непосредственность его участников. Это, конечно, лучше, чем наши «традиции», где, как известно, свадьба – не свадьба, если никто не перепил и дело не закончилось дракой, но тоже перегиб».

Однако вернемся на отечественную почву. Школьная любовь далеко не всегда приводит к свадьбам, а при толерантном отношении к ней нашего общества уже, слава богу, не рождает

острых эксцессов. Другое дело, когда предметом любви молодого человека становится педагог. Требуются величайший такт, осторожность и деликатность, дабы не довести дело до драмы. По молодости, когда, как сказал поэт, «еще моя походка мне не была смешна, еще подметки не пооборвались», и мне приходилось сталкиваться с подобными педагогическими коллизиями.

Эка невидаль, выпускница влюбилась в своего классного руководителя. Учитывая разницу в возрасте, всего в пять лет, а также живой нрав и артистические наклонности предмета ее тайного обожания, нетрудно было предвидеть такое развитие событий. С печальным лицом сидела она на каждом уроке, не сильно вникая в содержание учебного материала, что привело к резкому ухудшению успеваемости способной и склонной к гуманитарным наукам ученицы. Это не могло не обеспокоить классного руководителя выпускного класса. Соответствующие внушения не давали желаемых результатов. Единственной реакцией на призывы учителя ответственно подойти к грядущим экзаменам были огромные, наполненные слезами глаза девушки.

Она постоянно путалась под ногами, кстати и некстати оказывалась рядом, иными словами, всегда искала встреч. И «мудрый» педагог догадался, что плохая успеваемость – прекрасный повод для рандеву с учителем. Тогда я резко изменил тактику воспитательного воздействия на нерадивую ученицу: повел себя подчеркнуто холодно, официально, всячески избегал контактов, а в дальних походах и на экскурсиях практиковал педагогический флирт (не подумайте плохого: в это понятие входит рассказ смешных историй и розыгрыши, не более того) с кем угодно, только не с ней.

В тот день в этом классе по расписанию было подряд два урока истории по теме «Двадцатый съезд партии и преодоление последствий культа личности». После первого урока, на перемене я получил короткое послание в стиле письма Татьяны к Онегину. Совпадение моего и ее имени с именами героев пушкинского романа, казалось, придавало ситуации дополнительный комический оттенок. Бегло прочитав текст, я и думать забыл о нем, тем более что на следующем уроке предстояло раскрытие серьезной темы преодоления последствий культа личности. Я и не предполагал, что вскоре мне действительно станет не до смеха.

Ее нашли в кабинете школьного врача, где она упала без сознания, предварительно поведав доктору, каких таблеток она наглоталась. Зачем, решив уйти из жизни, прибежала к медику? В психологии это поведение именуется демонстративным суицидом. «Умру, но не до конца, в последний момент меня все-

таки спасут. И тогда он поймет всю глубину моих чувств и, наконец, ответит взаимностью», – такова эмоциональная «логика» девичьих попыток самоубийства. Но тогда я не знал всех этих психологических премудростей. Институтский курс возрастной психологии «деликатно» обходил эти неактуальные для советской молодежи темы. Впереди предстоял тяжелый разговор с директором.

– Вы осознаете, что случившееся – результат ваших педагогических просчетов?

– А что, собственно, я делал не так?

– Девушка давно и безответно влюблена в вас, об этом говорит вся школа.

– Прикажете теперь на ней жениться? Я в некотором смысле уже женат и имею ребенка. А если таких, как она, будет несколько, что же мне тогда гаремом обзаводиться во избежание несчастных случаев? (Идиотская острота, достойная сегодняшней «Смехопанорамы».)

– Ваша ирония в данном случае не уместна. Это вам не капустник, здесь дело серьезное. Мне уже звонили из больницы, слава богу, ей вовремя промыли желудок, и теперь опасности для жизни нет. Вечером ее привезут домой, и вам придется идти объясняться с ее родителями и успокаивать девушку.

– Чем же, по-вашему, я могу ее успокоить?

– Не знаю, но вы педагог и потому обязаны найти нужные слова утешения. Да, еще имейте в виду, что ее отец – военный следователь по особо важным делам военной прокуратуры.

– Час от часу не легче.

Поздно вечером на ватных ногах плелся я к дому жертвы безответной любви к бесчувственному учителю, судорожно подбирая, но совершенно не находя те самые, нужные, слова. Решение пришло внезапно, как только увидел ее виноватые глаза: «Слушай, а давай я почитаю тебе стихи...»

Что касается папы, грозного военного следователя, то, как выяснилось, его узкая специализация: изучение проблемы самоубийств в армии. В те годы основной причиной суицидальных попыток солдат была не дедовщина, а полученные ими из дома известия о том, что любимая девушка, не дождавшись жениха из армии, вышла замуж за другого. Мне было что спросить у этого серьезного профессионала на уютной кухне за бутылкой хорошего коньяка, который он предложил распить за благополучный финал этой истории.

Работа над ошибками

По природе своей все значительные педагоги – большие сказочники. Силой воображения они создают свой особый мир, а затем материализуют его, выстраивая гармонию отношений детей в соответствии с его неписаными законами. Строго говоря, сказанное относится к любому творчеству, не важно к какому: художественному или педагогическому. Этот способ бытия помогает творцу подняться над рутиной обыденной жизни, преодолеть автоматизм человеческого существования. Но между художественным и педагогическим творчеством, при их ощутимом сходстве, есть одно судьбоносное отличие. Поэт может себе позволить быть эгоцентриком (иных поэтов, похоже, и не бывает), ему полезно, даже предписано свыше, оторвавшись от грешной земли, жить в мире горнем, не отвлекаться на мелочи, не давать себя запутать в паутине человеческих отношений. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

(Б. Пастернак).

Иное дело, педагог. Стремясь к звездам и увлекая за собой детей, он не имеет права слишком отрываться от реальной почвы, рискуя, подобно художнику, оказаться в гордом одиночестве. Одинокой педагогики просто не бывает. Сложная амальгама человеческих отношений для него не досадная помеха, отвлекающая от диалога с вечностью, но тот самый материал, из которого возводится все здание педагогики. Из сказанного следует, что трезвый, даже ироничный взгляд на себя самого, свои ошибки, заблуждения, вольные или невольные прегрешения перед детьми и коллегами – необходимое условие педагогического творчества. Убежден, именно на этой границе – между небом и землей – открываются педагогические горизонты.

Давно мечтаю о коллективной монографии под названием «Работа над ошибками», в которой состоявшиеся педагоги предельно откровенно, не боясь предстать перед читателем в невыгодном свете, расскажут о своих первых шагах в профессии, сопровождавшихся неизбежными ляпсусами, глупостями и срывами. Что поделать, как говорят умудренные жизнью врачи, у каждого начинающего хирурга есть свое кладбище. Похоже, что пользы от такой книги было бы ничуть не меньше, чем от иного пособия по педагогике. Но кто-то должен начать, и потому с надеждой на поддержку маститых коллег бросаю в эту копилку первые взносы.

Мой первый год работы в школе, казалось, прошел триумфально. Молодой, начинающий педагог сразу получил

классное руководство в выпускном классе, который немедленно вознаградил его всеобщим обожанием (особенно этим отличалась его женская часть). Походы и вечера, капустники и экскурсии, разница в возрасте между классным руководителем и его подопечными всего в четыре года – все это не могло не сблизить с выпускниками, не придать уверенности в собственной педагогической непогрешимости. Как тут не летать по школе, с высоты положения слегка сочувственно взирая на коллег, большинство из которых стремительно приближалось к пенсионной черте.

С небес на землю меня опустил праздник «Последнего звонка». В той школе существовала давняя традиция: после официальной части праздника (с речами и приветствиями) выпускные классы торжественно обходили здание школы, совершая круг почета, предварительно пригласив в свои ряды учителей, обучавших их долгие годы. Позвали и меня. Не ведая сомнений, вдохновенный, перегруженный охапками цветов, я водрузился во главе колонны своего 10 «А» и с гордо поднятой головой важно продефилировал вокруг школы. На повороте успел заметить, как опустили глаза мои коллеги, оказавшиеся в хвосте этого шествия. На следующий день в учительской они отводили от меня глаза, а в отношениях повисла напряженность. Я терялся в догадках, пока ситуацию не прояснил пожилой педагог: «Пойми, ты в школе без году неделю. А они годами учили этих детей. Обаяние молодости – бесценный педагогический капитал, но он, к сожалению, утрачивается с годами. Став во главу колонны, ты, сам того не желая, совершил бестактность, одним своим победным видом рождая у коллег печальные мысли об исчерпанных педагогических возможностях и неизбежности скорого ухода из школы». Я залился краской стыда, но до сих пор благодарен умудренному коллеге за этот наглядный урок педагогической этики.

Вторая история чуть не кончилась трагически. В студенческие годы, пройдя через стройотряды и археологические экспедиции, я не без основания считал походы одной из самых действенных и эффективных форм воспитания старшеклассников. А потому в первый же год своей работы предложил директору, пожилой женщине, разрешить мне организовать общешкольный туристический слет. Непременно всей школы, на меньший масштаб мероприятия начинающий педагог был не согласен. Уступив молодому напору, она смирилась, но попросила приурочить его к очередному Дню здоровья. В те годы невиданной централизации управления сама школа не имела права произвольно назначать такие дни. Они проводились лишь

по распоряжению вышестоящих органов управления образованием.

В тот год День здоровья был объявлен в начале ноября, в канун революционного праздника. Понятно, что бабье лето, оптимальное для такого рода мероприятия, было безвозвратно потеряно. Но отказаться от светлой педагогической идеи? Ни за что! В напряженной дискуссии с директором был выработан компромисс. С ночевкой мне разрешено было вывести лишь старшеклассников – для предварительной разбивки лагеря, подготовки кострища и других работ, обеспечивавших проведение соревнований. Вся школа должна была прибыть на поляну на следующий день. Не ведая ни тени сомнений, я отважно взял в поход восемьдесят старшеклассников, а для педагогической поддержки – начинающую пионерскую вожатую восемнадцати лет от роду. Недавнему экспедиционному волку море было по колено. Но нам предстояло столкнуться с иной стихией средней полосы.

В тот день шел мокрый снег. Смеркалось даже по выходе из школы, а к моменту прибытия группы на поляну сбора было уже темно. Громким командным голосом я распорядился ставить палатки и разжигать костер, но, похоже, мало кто собирался исполнять приказ. Большая часть группы растворилась в темноте, прячась под деревьями от дождя со снегом. И лишь специфические звуки, исходящие от стеклотары, свидетельствовали о том, что народ принялся согреваться старым дедовским способом. А чего же следовало ожидать, если горе-руководитель заранее не распределил обязанности: не назначил костровых, ответственных за установку палаток, не проверил укладку рюкзаков и т. п. К чему эти «мелочи жизни»? В археологических экспедициях и дальних походах, через которые я прошел в студенческие годы, никого ни о чем не приходилось просить, тем более приказывать, каждый знал свои обязанности, а выполнив их, немедленно приходил на помощь остальным. Но там были взрослые, опытные люди, а здесь...

С трудом сколотив группу энтузиастов, я принялся устанавливать палатки и разжигать костер под проливным дождем. Накормив незадачливых туристов горячей кашей, к часу ночи мы с пионерской вожатой загнали их спать. В пять часов утра она растолкала обессилевшего руководителя и сообщила, что народ покидает лагерь и направляется к железнодорожной станции. Что было вполне естественно, поскольку под утро прекратили действовать искусственные источники согревания, принятые накануне. Пулей вылетев из палатки, едва успев набросить на плечи эффектную кожаную комиссарскую куртку, я построил лагерь и произнес пламенную речь, суть которой

сводилась к тому, что непростительно проявлять трусость и пасовать перед трудностями. В ответ получил вполне заслуженную реакцию. Один из старшеклассников вышел вперед и задумчиво изрек: «Лучше один раз быть трусом, чем десять лет инвалидом. Вы как хотите, а мы пошли». Нет, не все предали своего учителя, с ним остался его любимый 10 «А», где он был классным руководителем. Они-то и успели подготовить поляну для туристического слета. Спрашивается, зачем было тащить в поход остальных, плохо знакомых и малоуправляемых учащихся? Неудавшиеся туристы, растянувшись, как французы во время исхода из Москвы, медленно и печально брели к станции.

Тем временем на это битое педагогическое поле уже вступала вся школа во главе с директором. С ног до головы оглядев педагога с подмоченной, в прямом и переносном смысле, репутацией, она отреагировала мудро: «Только не говорите, что это последний поход в вашей жизни». И оказалась права. В тот день я не удостоился даже выговора.

Как я прослыл махровым антисемитом (комедия положений)

Людям старшего поколения нет необходимости объяснять, сколь много в нашей прошлой жизни значил пресловутый пятый пункт. Молодежи стоит напомнить, что за пятой графой в анкете скрывалась национальность. В единой дружной семье советских народов все нации и народности были, разумеется, равны, но, как справедливо заметил еще Оруэлл, некоторые были равнее других. Пятый пункт мог открыть или, в зависимости от национальной принадлежности, закрыть путь в науку, искусство, влиял на допуск к информации, гарантировал или сдерживал карьерный рост. О да, он тогда значил для успеха в жизни человека несравненно больше, нежели членство в партии. Если даже Б. Пастернак, по свидетельству современников, доходя в ответах на вопросы анкеты до пятого пункта, немедленно запинался и отвечал смущенно: «Национальность?.. Словом, неправильная».

Поэтому пожилые люди, испытавшие на себе все прелести такого пролетарского интернационализма, склонны фиксировать внимание на унизительных ограничениях, явная причина которых никогда не произносилась вслух. Она постоянно негласно подразумевалась, как теми, кто озвучивал отказ, например в приеме на интересную работу, ссылаясь на отсутствие вакансий, так и теми, кто его смиренно принимал, заведомо зная, что вакансия, конечно, есть, но не про нашу честь. На мой взгляд, жертвы той советской дискриминации не вполне правы в своих оценках. И дело не только в том, что открытая межнациональная вражда, пролившая потоки крови, оказалась намного страшнее по своим чудовищным проявлениям, нежели фальшивое и лицемерное единство. Рискую заметить, что в обществе, в котором процветает ложь и фарисейство, где главным условием успеха и благополучия является полная покорность властям и обязательное публичное участие в аморальных акциях, карьерные и прочие ограничения благотворно влияют на личность. Лишают избыточных иллюзий, гасят чрезмерное тщеславие, уберегают от того состояния души руководителя, которое М. Е. Салтыков-Щедрин именовал административным ражем. Другими словами, как пелось в известном фильме «Айболит-66»: «Это очень хорошо, что пока нам плохо». В справедливости этой утешительной мысли мне довелось убедиться в самом начале директорской карьеры.

Образование всегда было пятым колесом в телеге Советского государства. (Четвертым – сельское хозяйство.) Не космос, не

оборонка, не госбезопасность, сферы, где должны были работать люди, облеченные особым доверием, а всего-навсего обучение детей. Поэтому в образовательной отрасли допускались определенные кадровые послабления: должности руководителей школ тогда часто занимали способные люди «неправильной» национальности. Осознавая всю шаткость своего положения, они, вне зависимости от личных убеждений, в идеологических вопросах обязаны были быть святее папы римского. (Неукоснительно выполнять все предписания, безоговорочно воспроизводить положенные ритуальные формы жизни и т. п.)

В один из дней я, тогда молодой, перспективный директор, был приглашен для беседы в высокую партийную инстанцию. С тяжелым сердцем ехал я в казенный дом на площади, по дороге напряженно перебирая в памяти все свои вольные и невольные прегрешения. Но прием оказался неожиданно радушным. Рослый функционер с открытым лицом секретаря райкома из хрестоматийного советского фильма улыбнулся и затряс мою ладонь в энергичном партийном рукопожатии. Несколько общих вопросов о делах в школе, ответы на которые были выслушаны с неподдельным вниманием. А затем его лицо приобрело выражение особой значительности. «Вам, молодому руководителю, оказана невиданная честь, – он выдержал паузу. – Есть мнение, что вы уже дозрели до того, чтобы в числе известных педагогов подписать новый почин партии в области образования». В ту же минуту я содрогнулся от сделанного предложения и судорожно стал искать предлог, дабы обоснованно, не наживая себе и школе могучих врагов, уклониться от такой чести. На размышление было отведено меньше минуты – пауза, когда хозяин кабинета мог любоваться моим замешательством, относя его к состоянию потрясения, вызванного оказанным высоким доверием. Для молодых здесь необходимо сделать еще одно пояснение. В те годы партия для поддержания народного энтузиазма периодически выдвигала разные почины, содержавшие не столько новые идеи, отвечавшие меняющимся задачам развития страны, сколько звонкие бессодержательные лозунги, реализовать которые на деле не представлялось никакой возможности. Например: «Каждого школьника научить учиться, жить и работать по-коммунистически!» Изготавливались подобные документы на идеологической кухне ЦК КПСС, но представлялись они широкой общественности как плод размышлений и зов сердца самого народа в лице его лучших представителей: известных ученых, знатных рабочих, именитых деятелей культуры. Подпись под почином, опубликованным в «Правде», свидетельствовала о

неограниченном кредите доверия власти, открывала возможности для стремительного карьерного роста. Между тем к началу семидесятых в стране, порядком уставшей от демагогии и фальши официальной пропаганды, к починам уже сложилось ироническое и раздраженное отношение. Предписанная необходимость откликнуться на почин оформлением бессмысленных стендов и плакатов, тоннами пустых отчетов действовала на нервы, вызывала досаду за бездарно растраченное время, которого всегда не хватало на решение действительно важных, насущных вопросов. Люди, поставившие свою подпись под подобным документом, выглядели либо идеологически зомбированными глупцами, либо циниками и беспринципными карьеристами. Страшно не хотелось пополнять их список. И я, наконец, решился:

– Безмерно благодарен за высокое доверие, но... (он в удивлении вскинул глаза). Но неужели не нашлось человека с русской фамилией?

Теперь настало время изумиться хозяину кабинета. Тяжелым взглядом властного человека, не привыкшего получать отказ, он смерил молодого субтильного директора. А затем в его глазах запрыгали чертики. По-простонародному, как и положено кадровому партийцу, он хлопнул себя ладонью по лбу и, вскочив из-за стола, выпалил:

– А, черт! Как же мы это сами не сообразили?!

Соблюдая этикет, поднялся и я. А он, в свою очередь, сделав решительный шаг навстречу, второй раз за время аудиенции затряс мои руки в восхищении и благодарности:

– Спасибо. Признаться, не ожидал. Большую зрелость проявили и полное понимание специфики как внутренней, так и международной обстановки. Мы вам этого не забудем, можете всегда рассчитывать на поддержку.

С облегчением покидая кабинет, я возблагодарил судьбу, даровавшую от рождения пресловутый пятый пункт, а также очень своевременное обострение кризиса на Ближнем Востоке. На этот раз пронесло, как гласит поговорка, удалось «и невинность соблюсти и капитал приобрести». Параллельно ехидная память подсказала еще одно народное присловье: «сколько веревочке ни виться...» Действительно, если уж тяготеть к фольклору, то сколь долго удастся вести авантюрное существование свежеиспеченному директору, этакому румяному Колобку, уходя по очереди то от бабушки, то от дедушки, рискуя рано или поздно попасть в лисью пасть? Такие, прямо скажем, невеселые мысли одолевали меня на обратном пути в школу. Главное, решил я, не терять бдительности и постоянно быть готовым к любым

неожиданностям.

И новый сюрприз не заставил себя ждать. Он появился на пороге кабинета, спустя месяц, в обличье седовласого благообразного старика, грудь которого украшали ордена и медали.

– Мой внук потерял аттестат зрелости. Помогите получить дубликат.

– Нет проблем. Пусть парень напишет заявление в милицию об утере документа, получит соответствующую справку, а затем...

– Есть проблема, – прервал меня пожилой человек, – он не может написать заявление в милицию.

– ?

– Он с родителями переехал на постоянное место жительства в Израиль. Очень прошу, помогите! Документ потерялся при переезде, а без него внук не может поступить в университет. Я, как видите, не только инвалид войны, но и пятого пункта.

Последнее уточнение было произнесено с грустным юмором.

Я немедленно связался со спецотделом своего ведомства, от которого получил соответствующее внушение: «Порядок одинаков для всех. Без справки из милиции вы не имеете права выдавать дубликат аттестата, а мы – предоставить вам чистый бланк документа строгой отчетности. Тем более документ собираются переправлять в страну, с которой у нас нет дипломатических отношений».

– Но что же делать? Дед – заслуженный человек, ветеран войны.

– У нас нет соответствующих инструкций. По столь серьезному вопросу советуем обратиться в партийные органы.

Делать нечего, пришлось ехать в райком партии. Инструктор, выслушав меня с подчеркнуто отстраненным лицом, поставил вопрос ребром:

– Вы понимаете, что будет, если наш документ попадет в чужую страну?

– Откровенно говоря, не очень. Это же не чертеж подводной лодки.

– Аполитично рассуждаете. Впрочем, это не наш вопрос, решайте его в своем ведомстве.

– Но они послали меня к вам.

– Не послали, а рекомендовали посоветоваться. Улавливаете разницу?

Что я прекрасно уловил, так это нежелание функционеров брать на себя ответственность в решении столь сложного вопроса исключительной политической важности. Как же прорвать этот замкнутый круг? И я посоветовал деду написать на меня жалобы

во все мыслимые и немыслимые инстанции. Так, мол, и так, бюрократ директор, вдобавок явный антисемит категорически отказывает ветерану войны в решении элементарного вопроса, проявляя формализм, черствость и т. п. Ровно через две недели (предельный срок, отведенный на рассмотрение жалоб населения) на меня обрушился шквал звонков. Последовавшие телефонные переговоры не отличались разнообразием и проходили по одной схеме:

– Почему вы не решаете вопрос?

– Но я же обращался в ваше учреждение и получил отказ.

– Вы руководитель и должны решать проблемы самостоятельно.

– Научите как. Ведь не могу же я самостоятельно изготовить бланк государственного документа.

– Надо было как-то успокоить деда, отговорить его от этой глупой затеи.

– Его затея продиктована естественным желанием внука поступать в университет.

– Пишите объяснения. Мы обязаны закрыть жалобу.

– Моими объяснениями?

– Не умничайте. (Короткие телефонные звонки на том конце провода.)

Решение вопроса пришло из неожиданной инстанции. Дело в том, что хитроумный дед обратился с жалобами на меня не только в советские и партийные органы. В пылу борьбы с системой он направил копии своих заявлений на западные радиостанции. И когда один из вражьих голосов поведал миру об этой трагикомической, достойной пера писателя Войновича истории, разразился международный скандал. Впрочем, с благоприятным для всех заинтересованных сторон исходом. Дед в мгновение ока получил желанный документ, я – сочувствие властей (в качестве жертвы западных клеветников), мировое сообщество – подтверждение кадровой политики партии, назначающей на должности руководителей школ махровых антисемитов.

Мир перевернулся (два визита)

В кабинет вошла стройная девушка, чье лицо показалось мне знакомым. Обладая неплохой памятью на лица, до сих пор легко узнавая даже тех выпускников, кто оканчивал школу тридцать лет назад, поражая их тем, что при встрече всегда называл год выпуска, я тем не менее никак не мог вспомнить ни ее, ни год окончания ею нашего учебного заведения. Подумалось: видимо, годы берут свое. Она понимающе улыбнулась.

– Не трудитесь вспоминать. Я окончила школу в 1999 году. И теперь мне необходимо поменять свидетельство о полном среднем образовании.

– Неужели спустя столько лет в документе обнаружилась ошибка? И почему вы не обращались в школу раньше?

– Нет-нет, не волнуйтесь, ошибки в аттестате не было. Но тогда я была мальчиком.

Увидев мое перевернувшееся лицо с весьма бессмысленным выражением, она пояснила «тормозящему» директору: «Я поменяла пол и теперь должна привести все документы в соответствие». Любопытная складывалась ситуация. То, что сегодня такое возможно, разумеется, не явилось для меня неожиданностью. СМИ переполнены информацией на эту тему, но в нормативно-правовой базе образования подобные случаи не предусмотрены. Мы имеем право выдать дубликат аттестата лишь в случае его утери или порчи. В данной ситуации речь шла не о дубликате, а о выписке нового документа (бланк строгой отчетности) задним числом на новое (женское) лицо. Но это лишь одна, казуистическая, часть вопроса, который в конечном итоге, спустя месяц, был решен. Гораздо важнее другая, внутренняя, ментальная сторона проблемы, касающаяся личности самого директора. Искренне считая себя человеком современным и толерантным, впервые столкнувшись на практике с новой реальностью, я, к своему немалому удивлению, поймал себя на том, что мне физически неприятно общаться с этим человеком.

Второй за утро визит не предвещал неожиданностей. Напротив, это был тот редкий случай, когда родитель пришел в кабинет директора не решать сложные проблемы, а поблагодарить школу за воспитание дочери. Она заняла призовое место на престижной международной олимпиаде. На благодарность я, как положено, отвесил встречный комплимент, восхитившись ролью отца, который один, без жены, смог вырастить такую прекрасную дочь.

Их отношения действительно вызывали белую зависть. Отец и

дочь были, что называется, не разлей вода. Их связывали не только родственные отношения, но настоящая дружба и общность интересов. Не было такого вернисажа или театральной премьеры в Москве, где бы они не оказывались первыми. Отец неизменно встречал дочь, которая часто допоздна задерживалась на репетициях театральной студии. Красивая, ухоженная девушка одевалась дорого, со вкусом. Летом они обычно путешествовали вместе, объездив полмира. Не каждая мать в состоянии так заботиться о ребенке, а тут отец-одиночка. Вероятно, я где-то перегнул в оценках героического отцовства своего посетителя. В ответ он улыбнулся и поведал мне свою историю.

«С женщинами мне, знаете ли, не везло. Первых два брака рассыпались один за другим. Довольно скоро я понял, что дело не в бывших женах, а во мне. Не наделен я, видимо, талантом любви. При ежедневном общении с женщинами слишком многое в них меня начинает раздражать. О ребенке мечтал всегда, но, как известно, в одиночку эту мечту не осуществить. Стремясь реализовать свое желание, я выбрал женщину, женился, добросовестно прожил с ней три года. Она родила мне дочь, после чего мы развелись». «И что, – прервал я своего визави, – женщина спокойно оставила вам ребенка?» «Я же знал, кого выбирал. Кроме того, моя бывшая супруга успешна в бизнесе, владеет несколькими фирмами и платит нам с дочкой весьма приличные алименты. Я ведь и это должен был предусмотреть: девушку надо прилично одевать и показывать ей мир. А на мою зарплату скромного доцента это было бы нереально».

После того как за ним закрылась дверь, я второй раз почувствовал себя не в своей тарелке. Не слишком ли много для одного утра?

Не покраснев, лица не износишь

Хочу коснуться крайне болезненной и неприятной темы. Она постоянно присутствует в нашей педагогической жизни, но ее предпочитают стыдливо обходить стороной, а если и учитывают, то, что называется, по умолчанию. У любого, даже самого блистательного учителя – свои провалы. От них не застрахован ни один педагог. Имеются в виду не обычные педагогические коллизии: неудачный урок, сорванный классный час, детская драка и т. п. Речь совсем о другом. Бывает так, что никакие педагогические усилия не дают желаемого результата. В работе с подростком педагог натыкается на глухую стену, преодолеть которую не представляется возможным. Уже упомянутые медики, предвидя летальный исход и извещая об этом родственников, говорят вполне определенно: наука бессильна. Вот так: наука, разработанная гораздо в большей степени, чем педагогика, оснащенная современной диагностической аппаратурой, обладающая огромным спектром методов воздействия на пациента (медикоментозных, хирургических, радиоактивных и т. п.), в определенных случаях честно признает свое бессилие. А мы, чьим инструментом является только наблюдение, а методом воздействия всего лишь слово, почему-то стесняемся вслух произнести эти жестокие по сути, но верно отражающие действительность слова. В итоге, вынуждаемые обстоятельствами, краснея и переминаясь с ноги на ногу, мы все-таки вымучиваем из себя тяжелое признание, после чего не спим ночами, терзаемые укорами совести.

В какой мере справедливы наши претензии к самим себе? Вопрос отнюдь не праздный. Для холодного ремесленника или просто уставшего от жизни учителя он, разумеется, не актуален. В самом деле, нельзя же обостренно реагировать на все. В большом потоке детей, с которым имеет дело учитель в массовой школе, при работе с кем-то из них получается больше, с кем-то меньше, а с некоторыми не получается ровным счетом ничего. Так стоит ли надрывать свою душу в бессмысленном самокопании? Если даже мудрый Я. Корчак, врач и педагог, трезво признавал ограниченность своих возможностей: «Я не знаю, какие гробы шевелятся за этим ребенком». Он имел в виду испорченную генетику, влияние которой на судьбу ребенка, как врач, не преуменьшал. Старый доктор знал, о чем говорил. Он не только понимал значение этого вопроса, но буквально выстрадал его собственной судьбой. В его роду были душевнобольные, поэтому Я. Корчак не мог позволить себе жениться и иметь детей.

Возможно, в силу этой, глубоко личной, причины его любовь пролилась на детей чужих, которым он остался верен до последнего вздоха в газовой камере.

Помимо генетики, существует еще среда, которая способна искалечить ребенка на всю оставшуюся жизнь. Все эти очевидные факторы, влияющие на развитие ребенка, разумеется, не новость в науке. Проблема в другом: какой из факторов (воспитание, среда или генетика) перевесит, станет определяющим в судьбе растущего человека? Ответа не знает никто. Отсюда – тягостные раздумья, бесконечные сомнения, больная совесть неравнодушного педагога.

С ним долгие годы мучилась вся школа, начиная с классного руководителя, кончая директором. Парень был запущен едва ли не с рождения. Классическая картина: пьющая мать, сидящий в тюрьме отец, сомнительные компании. Словом, дитя улицы. Глядя на него, на память немедленно приходил комический персонаж Аркадия Райкина, который глубокомысленно изрекает: «Вот говорят: дитя улицы, дитя улицы. Но что поделать, если кругом одни улицы?» Что только мы с ним не делали, чем только не помогали, входя в его бедственное положение. Классный руководитель одевала в вещи подросшего старшего сына. Завуч школы кормила в столовой за свой счет и приносила деликатесы из дома. Парень вечно был голоден. Он был абсолютно лишен артистических способностей, но я, всеми правдами и неправдами, включал его в спектакли хотя бы в массовке. Лишь бы как можно дольше был на глазах, а не на улице. Организатор внеклассной работы лично раз в три дня мыла ему голову специальным мылом, безуспешно борясь с его педикулезом. А когда в год всемирной олимпиады от греха подальше мы вывезли его в лагерь труда и отдыха, она откачивала его, перепившего, за палаткой и стирала запачканную после рвоты одежду. Родная мать не сделала бы большего. Тем более такая, какая была у него. Между тем мать он любил до самозабвения. Бывало, поднимет ее из грязи, пьяную, и ведет, не вяжущую лыка, до дома, приговаривая: «Мамочка, мамочка...» Нестерпимо было наблюдать эту душераздирающую картину, и мы отворачивались. Подойти и помочь довести до дома пьяную женщину – значило бы еще больше унизить парня своим сочувствием. Да он и без нас справлялся со своей задачей. Нес свой крест молча.

О лишении родительских прав при такой любви не могло быть и речи. Тем более что периодически она «завязывала» и тогда бежала в школу и со слезами на глазах каялась, но затем опять срывалась. Нет, он не был монстром, просто от рождения ему не повезло с родителями. Входя в его тяжелейшее положение,

мы окончили за него девятый класс и выдали свидетельство, намереваясь устроить юношу в училище, где бы он смог приобрести профессию. Ничто не помогло. После девятого класса он сел в тюрьму за ограбление, и его следы затерялись.

Когда в кабинет вошел высоченный, под два метра, красавец в кожаном пальто, я не сразу и с большим трудом разглядел в нем черты нашего давнего подопечного.

– Вы меня помните, Евгений Александрович?

– Еще бы, такое не забывается.

– Я, в общем, того, отсидел, взялся за ум. И теперь у меня все в порядке. Нормально, одним словом.

Таков был его краткий отчет о проделанном после окончания девятого класса жизненном пути. Но он и в детстве не отличался многословием.

– Я тут вот, принес... (Он показал на большой прозрачный пакет, из которого просвечивали бутылки с шампанским и огромный торт.) Хочу отметить с завучем и классным руководителем. Можно?

– Давай, они у себя.

– А вы подниметесь?

– Не откажусь, раз предоставляется такая редкая возможность выпить за счет своего непутевого ученика.

– Да вы не сомневайтесь, у меня все путем.

У меня нет избыточных иллюзий по поводу роли школы в его дальнейшей судьбе. Бог ведает, кто сыграл в его жизни ключевую роль: школа, тюрьма, а быть может, криминальные авторитеты. Как выяснилось, он содержит магазин. На какие средства? Где, когда, при каких обстоятельствах он их заработал?

Не мне судить. С тех пор, как мы расстались, прошла целая вечность. Не только он изменился, страна стала другой. Но одно то, что человек помнит добро и не забывает о своих хлебнувших с ним лиха наставниках... Согласитесь, не так мало для характеристики его личности. Следовательно, какой-то скромный кирпичик в ее фундамент заложили и мы. И потом, кто сказал, что созревание личности происходит в строго очерченные временными рамками школы сроки? Один становится зрелой личностью уже в десятом классе, а другой не успокоится до тех пор, пока родную мать не загонит в гроб. Об этом читаем в прекрасной, забытой ныне повести И. Грековой «Вдовий пароход». А еще через год он забежал в школу показать свадебные фотографии. На них изумительно красивая пара.

Его привел в школу старший брат, солидный человек, успешный бизнесмен. Разница в возрасте между братьями была

такова, что с некоторой натяжкой старшего брата можно было счесть за отца младшего. Да так оно и было. По сути дела, старший брат добровольно взвалил на свои плечи отцовские обязанности, чем сразу же вызвал мою симпатию.

– Понимаете, он у нас в семье поздний ребенок. Вскоре после его рождения отец скончался, и мальчик рос только с моей уже немолодой мамой, – пояснил посетитель обстоятельства, которые привели его ко мне. – Сами понимаете, я здесь, в Москве, а они там (он назвал один из южнорусских городов). Парень совсем отбился от рук, и я, чтобы облегчить жизнь матери, решил забрать его к себе. Буду делать из него человека здесь. Поможете?

– А можно чуть более обстоятельно рассказать о проблемах ребенка? Как и при каких обстоятельствах он отбился от рук?

– Понимаете (гость замялся и с тревогой посмотрел на меня, боясь потерять союзника)... он свихнулся на национальной почве.

Я вздрогнул, вспомнив, что у меня в школе уже был один такой, сын активного члена патриотического общества «Память», наделавшего много шума в самом начале перестройки. Его отец, очень приличный телережиссер, был моим давним приятелем. Человек, влюбленный в российскую историю, горячий защитник памятников старины, которые подвергались систематическому уничтожению в годы советской власти, он с началом перестройки перешел на позиции православного фундаментализма. Поэтому я несколько удивился, когда он привел сына в нашу школу.

– Может быть, с учетом твоих новых взглядов, отдать сына в православную гимназию? – засомневался я.

– А у тебя учат лучше.

Его ответ меня позабавил. Оказывается, когда речь идет о собственном ребенке, идеология уходит на второй план.

Многое в нашей школе раздражало юношу, рождая острый идеологический протест. Почему в кабинете директора висит портрет еврея Я. Корчака, а, к примеру, не Дмитрия Донского и т. п. Я дал установку педагогам, в первую очередь учителям истории и литературы, «не поддаваться на провокации». Иными словами, терпеливо относиться к его «детской болезни правизны», постепенно снимая агрессию и переводя его в режим спокойного диалога. В результате стиль и уклад жизни школы незаметно сделали свое дело. Парень отогрелся, стал участвовать в дальних историко-краеведческих экспедициях, во время которых наши учащиеся, помимо прочего, устанавливали православные кресты на месте разрушенных храмов. Одно дело – нарочито декларировать свою любовь к отечеству и вере и совсем другое – в течение года под руководством специалиста, в соответствии со старинными канонами, изготовить четырехметровый крест,

доставить его на берег Волги и установить так, чтобы он был виден во всей округе.

Суровая идеология уже не мешала ему принимать участие в веселых школьных капустниках и театральных постановках. После окончания школы он поступил в МГУ и стал профессиональным историком. Уже будучи взрослым человеком, пришел извиняться за свое неадекватное поведение в молодости. Мы посмеялись, вспоминая его, говоря образно, закрытую боксерскую стойку тех лет. Передо мной сидел абсолютно спокойный, вменяемый, не замученный болезненной подозрительностью человек.

Вся эта история мгновенно пронеслась в мозгу, пока посетитель рассказывал о «подвигах» своего младшего брата. Тот уже успел вступить в скинхеды и поучаствовать в акциях устрашения людей с иным цветом кожи и разрезом глаз, которые «понаехали тут». Дело зашло так далеко, что местные органы правопорядка настоятельно порекомендовали старшему брату кардинально решить проблему и сменить обстановку: попросту говоря, убрать парня из города. Что он и сделал. Прослушав эту одиссею, я пригласил юного экстремиста в кабинет. Его первый вопрос меня не удивил, а, памятуя рассказанную выше историю, даже вызвал улыбку: «А кто это у вас на портрете?» Рассказав о жизни и трагической гибели старого доктора, я не прочитал в его глазах ничего, кроме холодного презрения: иметь возможность спастись и добровольно пойти с детьми в газовую камеру – неслыханная глупость.

С приходом этого парня на стенах школы стали появляться свастики. Никакие беседы и наши педагогические ухищрения не помогали. «Свинья грязь всегда найдет». Грешно применять эту пословицу по отношению к молодому человеку, но она соответствовала ситуации. Не находя поддержки и отклика среди сверстников в школе, он пустился во все тяжкие за ее пределами. Неоднократно задерживался милицией за участие в беспорядках, в том числе и на Манежной площади после поражения нашей футбольной команды.

Я долго думал, почему в том, первом случае мы справились с ушибленным идеологией парнем, а здесь терпим полное фиаско. Болезнь-то ведь одна, и, следовательно, способы лечения должны быть примерно одинаковы. Болезнь-то одна, да пациенты разные. Даже элементарную простуду люди переносят по-разному, в соответствии с особенностями своего организма. Один легко и на ногах, а для другого она кончается летальным исходом.

В первом случае мы имели дело с горем от ума. Молодой человек искренне пытался разобраться в драматических

коллизиях отечественной истории и современности, самоопределиться в том хаосе мнений и оценок, который возник на закате советской империи. Благодаря хорошему интеллекту, скептическому складу ума, обращаясь к добротной исторической литературе и первоисточникам, с нашей помощью он вышел из шовинистического стопора.

Во втором случае мы имели дело с глубокими ментальными эмоциями. Первобытные пещерные инстинкты, страхи и фобии на фоне среднего интеллекта оставляли его глухим к любым доводам разума. Вдобавок парень получил опыт «упоения в бою», хмелящего возбуждения от предстоящей расправы и консолидированной силы толпы.

В день всех влюбленных, когда в школе работает специальная почта, разносящая признания в любви, среди прочих посланий я получил письмо, содержание которого меня нисколько не удивило, хотя оно было омерзительным. Оно не было подписано, но авторство не вызывало сомнений. Еще бы, и Валентин не наш святой, и дети, наряженные чертиками, разносящие по школе «валентинки». Одним словом, сплошной подрыв национального самосознания, вызывающий ненависть и презрение у патриотически «мыслящих» шизофреников. Я показал это адресованное мне послание, где грязная ругань соседствовала с антисемитскими пассажами в стиле доктора Геббельса, старшему брату и развел руками. Тот все правильно понял и на следующий день забрал родственника из школы. Мы ничем не смогли ему помочь.

Меня всегда удивлял знаменитый эпиграф повести В. Каверина «Два капитана»: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Звучит красиво, но странно. Коли ты уже нашел, то о сдаче не может быть и речи; радуйся себе на здоровье, празднуя победу. Лишь позже я узнал, что фразу эту В. Каверин заимствовал у Ромена Роллана, но существенно ее переиначил. У французского писателя она звучит по-другому, гораздо более драматично: «Бороться и искать, не найти и не сдаваться». По-моему, и в человеческом, и в педагогическом плане это единственно возможная взрослая, трезвая и мужественная позиция.

Семь разгневанных матерей

Делегация взбудораженных мам буквально ворвалась в мой кабинет.

– Мы требуем, чтобы Володю К. немедленно перевели в другой класс! Он травмирует наших детей физически и нравственно. Дерется, нецензурно выражается, рассказывает ужасные вещи!

– Неужели восьмилетний ребенок способен терроризировать целый класс?

– Представьте себе. Мы не можем быть спокойными, пока этот мальчик будет учиться с нашими детьми.

Тон задает очень возбужденная женщина, глаза ее горят гневом (через несколько лет нам еще предстоит встретиться по весьма печальному поводу).

– Хорошо, я разберусь. Только почему вы считаете, что перевод в параллельный класс решит проблему?

– Это уже ваша забота, ваши трудности! Мы же отстаиваем интересы своих детей. Вы должны нас понять. В классе дети из приличных семей...

Лучше бы она этого не говорила... Чувствую, закипают во мне раздражение и неприязнь, но положение, что называется, обязывает. Тем более что взывать к здравому смыслу тех, в ком говорит лишь слепой охранительный родительский инстинкт, бесполезно. И все-таки делаю еще одну попытку.

– Неужели вы надеетесь все десять лет продержать своих детей в искусственной стерильной обстановке?

И вижу: именно надеются, собираются! Им и в голову не приходит мысль о том, что на каком-то этапе по тем или иным причинам и ребенок из «приличной семьи» может оказаться той самой овцой, которая портит стадо. Не сдаюсь, снова спрашиваю:

– А что прикажете делать с детьми из «неприличных» семей? Ведь есть еще семьи, где родители пьют или где отца давно след простыл...

– Мы вас предупредили, – слышу в ответ. И совсем уж категорично: – Если не примете меры, будем разговаривать в другом месте!

На том и прощаемся. Вызываю классного руководителя.

– Как все случилось? За что Володю ненавидят в классе?

– Понимаете, мальчик агрессивный, физически заметно сильнее других. По любому поводу вступает в драку...

– Что вы предприняли?

– Говорили с ним на классном активе. Класс очень дружный.

Дети приняли решение: если Володя будет продолжать так себя вести, перестать с ним общаться совсем. И сейчас с ним стараются не разговаривать, чтобы не нарываться на грубость. Теперь вот что: после того как на родительском собрании я рассказала о сложившейся ситуации, члены родительского комитета побывали у Володи, поговорили с его матерью.

Учительница работает первый год, ребятам она по душе, и нам, ее коллегам, со стороны видно, что дело у нее пойдет. Но вот с Володей – серия педагогических ошибок. Не попытавшись как следует понять причины агрессивности ребенка, уже противопоставила его классу. Класс ей кажется дружным, но сплоченность всех против одного – самый низкий уровень сплоченности. Далее: сама ни в чем не разобравшись, разрешила действовать родителям, которые знали еще меньше. Можно представить, сколько говорили во всех семьях об этом мальчике. И конечно, в присутствии детей, его одноклассников.

Все-таки в чем же причина Володиной агрессивности? Выясняется, у мальчика неправильный прикус. Для его исправления на зубах стоят металлические пластинки. Кто-то в классе обозвал его «саблезубым». С этого все и началось. Мальчик оказался болезненно самолюбивым и на словесные оскорбления стал отвечать кулаками. Позавчера в столовой бросился на обидчика. Учительница с трудом его остановила. Естественно, родители встревожились. Ситуация возникла острая.

Коль скоро речь зашла о мальчике и мальчишеских взаимоотношениях, мы вместе с педагогом решили призвать на помощь мужчин. Собрали совет отцов этого класса. В разговоре с ними пришлось признаться, что школа допустила ошибки. И мужчины все поняли, проявили выдержку и спокойствие, обещали поговорить серьезно с детьми. В результате конфликт удалось погасить, и отношения в классе полностью наладились. Я вспомнил эту историю, чтобы показать: ставшие традиционными взаимные обвинения школы и родителей бесплодны и опасны. Надо выходить из этого замкнутого круга. Это непросто, для этого требуются известная трезвость и реалистичность мысли, а главное – самокритичность. Ведь в приведенной ситуации не на высоте оказались обе стороны.

Я говорил уже о наших ошибках. Теперь хочу заострить внимание на стереотипах родительской реакции. При разбирательстве больших и малых конфликтов, которые нет-нет да и возникают в школе, педагоги то и дело сталкиваются со стремлением пап и мам прежде всего уберечь своего ребенка от «дурного» влияния. Бесконечные просьбы пересадить за другую парту, запретить дружить с «плохим» мальчиком или девочкой, а

в старших классах – попытки разрушить юношескую любовь. Не знаю ни одного случая, когда карательные акции могли бы что-то исправить. Напротив, преодолевая мощное родительское сопротивление, укрепляются самые «крамольные», на взгляд мам и пап, отношения.

Так не лучше ли, убеждаем мы родителей, обратить во благо святое чувство ребячьей привязанности. Пусть даже друг вашего ребенка не вызывает особых ваших симпатий, все-таки стоит пригласить его домой, постараться создать ребятам условия для совместных занятий и отдыха, заинтересовать их чем-то: чтением, коллекционированием, спортом, театром. Нельзя забывать, что так называемые трудные подростки, как правило, становятся такими от того, что им не хватает семейного тепла.

Конечно, это хлопотно, это обуза. Как-то я предложил одному отцу такую линию поведения, а он воспринял это как попытку школы переложить решение воспитательных проблем на плечи благополучных семей: «Вы за это деньги получаете, вот и возитесь со шпаной, а я уж со своим сыном как-нибудь справлюсь». Но ведь растить ребенка изолированно от множества влияний невозможно, и нет иного пути уберечь сына или дочь от нежелательного воздействия, как создать вокруг ребенка благотворное поле педагогического общения, распространяющееся на все его ближайшее окружение. То есть родителям надо включиться в нашу педагогическую работу. Я уж не говорю о том, что у взрослого нет лучшего способа сохранить доверие своего ребенка, чем стать другом его друзей. Нет иного способа избавиться от опасности дурных влияний на ребенка, кроме одного: воспитывать не только своего, но и того, кто рядом с ним.

Кстати, о той маме, что, помните, решительно требовала убрать Володю из класса. Вторая встреча с ней произошла через четыре года, когда ее сын-шестиклассник «позаимствовал» кошелек с деньгами из портфеля учителя. Сбылось пророчество пожилой нянечки с первого этажа, которая, сталкиваясь с несправедливостью, каждый раз ворчливо повторяла: «Бог не Ермошка – видит немножко».

– Не могу прийти в себя! Сам он не мог до этого дойти. Учится без троек, спортсмен, музыкальная школа...

Я поинтересовался, что же она собирается предпринять.

– Хочу перевести сына в другую школу. Здесь о нем пойдет дурная слава. Да там, говорят, и контингент получше. Вокруг – кооперативные дома...

Увы! Она так ничего и не поняла. Она – нет! Но мы, педагоги, обязаны научиться, преодолевая предубеждения, вскрывать

скрытые пружины, выводить ребенка из любых конфликтных ситуаций.

Просто так

Принято считать, что опытный педагог способен читать душу ребенка как открытую книгу, а после прочтения, тщательно сверяя свои действия с научными рекомендациями, осуществлять благотворное влияние на воспитанника. Воздействия эти мыслятся чем-то вроде таинственных, врачебных манипуляций, после успешного применения которых у больного наступает мгновенное облегчение, а затем полное выздоровление. Почти как в военно-полевой медицине, где главная задача – быстрое возвращение бойцов в строй. Случись беда с ребенком, даже те, кто достаточно скептически относится к педагогической науке, ждут, нет, требуют от педагога немедленно явить миру чудо исцеления. С полной ответственностью заявляю: чудеса случаются, но крайне редко. Чаще, почти всегда, на исправление заблудшей души уходят месяцы, а то и годы кропотливой, изматывающей работы – рутинной и обыденной. Быстрые результаты в педагогике – всегда обман, сказка для взрослых.

Ее привел в школу дед, замечательный писатель, человек бывалый, вдобавок прошедший через сталинские лагеря. С ним нас связывали давние дружеские и деловые отношения, общие редакционные проекты. «Девочка совсем отбилась от рук, в восьмом классе окончательно потеряла интерес к учебе, начала прогуливать уроки, – сообщил он мне упавшим голосом. – Ни в грош не ставит родителей. Словом, помогите, вы же все можете». Устраивая внучку в школу, и этот многое повидавший в жизни пожилой человек, как все, надеялся на мгновенное волшебное преображение ребенка. Просил он, ни много ни мало, о зачислении внучки в специализированный гимназический класс с повышенным уровнем обучения, наивно полагая, что среда интеллигентных сверстников сама по себе, автоматически привьет ребенку вкус к учебе.

Какой там гимназический класс, о нем не могло быть и речи. В простейшем проверочном диктанте она сделала восемнадцать ошибок. Продемонстрировав деду, писателю, этот шедевр орфографии и пунктуации, я предложил для начала зачислить девушку в класс педагогической поддержки, где у нас учатся дети, испытывающие временные трудности в учебе, преодолев которые они имеют полное право переходить на более высокий уровень обучения. В таких небольших по численности классах, где обучаются максимум десять – двенадцать человек, есть все возможности для компенсации пробелов в знаниях и коррекции отставания в развитии.

Мое предложение, ударив по самолюбию любящего деда, вызвало его резкую болезненную реакцию. Назревал скандал. Мобилизовав весь свой лагерный опыт политического зека, отстаивающего в бараке свое достоинство в схватке с уголовниками, он пошел на меня в решительную атаку.

– Просто так, взять и поместить девушку из интеллигентной семьи в отстойник?

– С чего вы взяли, что класс поддержки – отстойник? Там учатся обычные нормальные дети, у которых, как и у вашей внучки, в силу разных обстоятельств возникли проблемы.

– Знаем мы эти проблемы: пьющие семьи, гулящие матери, криминальные отцы. Нет, это же надо догадаться, просто так взять и сломать судьбу девочки из культурной среды, направив ее прямиком в штрафной изолятор! И это мне предлагает опытный педагог?

Откровенно говоря, меня крайне разозлило назойливое вторичное напоминание о культурном слое, в котором взросло это чудо в перьях. Дело в том, что за годы работы у меня накопились немалые претензии к интеллигентскому оперению детей, вырастающих в богемном окружении. Будучи рано допущены во взрослую утонченную среду, участвуя на равных в так называемом рафинированном общении, они легко снимают сливки культуры, пренебрегая ее черным хлебом. Такой ребенок при поступлении в первый класс, демонстрируя невиданную для его возраста эрудицию, блеснет почерпнутыми из разговоров взрослых сведениями о геноме человека, стрекательных клетках и звездных галактиках, но требуются огромные усилия педагога, чтобы заставить его выучить таблицу умножения. Скучно, рутинно, требует не фантазии, а всего лишь зубрежки.

Все это, воспользовавшись давними неформальными отношениями, на повышенных тонах со всей большевистской прямотой я выложил разгоряченному деду. Разговор явно заходил в тупик, каждый из нас упорно настаивал на своем. Между тем за взаимной перепалкой мы чуть было не забыли об одушевленном предмете нашего ожесточенного спора.

– А давайте пригласим девочку, и пусть она сама примет решение, «быть или не быть» ей в нашей школе, – предложил я.

– Просто так отдать важнейшее судьбоносное решение в руки подростка?

– Да, да, да, именно так просто, и нечего усложнять. Ей самой предстоит строить свою жизнь, а мы с вами не вечны, – сказал я, выразительно посмотрев на деда.

Сознаюсь, уже с первого взгляда, при знакомстве (еще до написания злополучного диктанта) девушка произвела на меня

самое благоприятное впечатление. Живая, подвижная, с пытливыми глазами, она явно обладала лидерскими качествами и здоровым честолюбием, на котором и предстояло сыграть. Заводила, атаманша, способная повести за собой даже мальчишек, она, пока мы препирались с дедом, уже успела облазить всю школу, познакомиться с дружескими шаржами на учителей, изучить в канцелярии куклу, изображающую директора. Кроме того, из кабинета до нее наверняка доносились грозные раскаты обсуждения ее персоны.

Приняв грозный вид, я пригласил девушку в кабинет, сразу же, с порога обрушив на нее каскад упреков: «Это по твоей милости столкнулись два заслуженных, уважаемых человека. Как могла девушка из такой семьи (я выразительно посмотрел на деда) довести себя до такого плачевного состояния?» Далее, потрясая ее диктантом, испещренным красными пометками учителя, я еще некоторое время метал громы и молнии, в красках предсказывая неотвратимые зловещие последствия такой вопиющей безграмотности. Устав быть оракулом, я вытер пот и подытожил свое педагогическое внушение: «Только в класс поддержки, и ни в какой другой, кто бы за тебя не просил». Я вновь обернулся на деда.

– Я подумаю.

– Тебе решать.

Дальше все развивалось по обычному сценарию пьесы, а точнее, телесериала длиной в четыре года. Она, разумеется, пришла в предложенный класс, в первый же год став его старостой, железной рукой помогая классному руководителю приводить в порядок не очень организованных мальчишек, которые в этом классе доминировали. Через два года успешно сдала экзамены в элитный лицейский класс. А окончив его, играючи поступила в солидный вуз, где и учится в настоящее время. Когда сияющий от гордости за успехи внучки ко мне в кабинет с букетом цветов буквально ворвался ее дед, я не смог отказать себе в удовольствии:

– А помните наш первый нелицеприятный разговор?

– Да будет вам. Я же не со зла, я просто так, от волнения. Кстати, там, в канцелярии, мой второй внук. Возьмете?

Как я стал основоположником туалетного движения

История сохранила комический эпизод из жизни восходящего солнца русской поэзии. Перед выпускным экзаменом из Лицея дрожащий от волнения юный Пушкин встречал в сенях Г. Р. Державина: небожителя, пиита, вельможу. Распахивается дверь, появляется раскрасневшийся с мороза Гавриил Романович. Его взгляд падает на восторженного лицеиста. «А где у вас, братец, нужник?» – следует житейский вопрос, от которого Пушкин вспыхнул в смущении и едва не зарыдал, страшно разочарованный и оскорбленный в своем высоком, неземном представлении об идеальном Державине.

Высокое и низкое, земля и небо – как далеки они друг от друга, но именно на их пересечении рождается линия горизонта. Эта метафора, на мой взгляд, в значительной мере отражает реальную картину воспитания человека. Культура не делится на высокую и низкую, бытовую и интеллектуально рафинированную. Не верю я в невероятные взлеты духа на уроках в школах, где, простите за подробности, плохо пахнет из туалетов, к слову сказать, по состоянию которых я всегда безошибочно определяю уровень воспитательной работы школы.

Утвердиться в справедливости такого, прямо скажем, не вполне традиционного подхода к оценке воспитания мне дано было в начале девяностых в Историческом музее города Йорка, где я с изумлением увидел любопытную экспозицию, посвященную истории унитазов Англии. Согласитесь, что в наших музеях мы чаще встречаем экспонаты, демонстрирующие развитие и совершенствование технологий уничтожения человека: мечи, доспехи, пулеметы и т. п. А тут такое. Чуть впереди меня оказалась английская пара, возраст которой определить было затруднительно. Не зря М. Жванецкий шутит, что эти иностранцы в гробу выглядят лучше, чем мы на выпускных фотографиях. Так вот, указав на один из экспонатов – до боли знакомое нам деревянное «очко», она с удивлением обратилась к мужу: «Я не понимаю, как этим пользовались в двенадцатом веке». Чертыхнувшись про себя, я подумал: «Приезжай ко мне на дачу, я покажу, как мы этим пользуемся в конце двадцатого».

Так весомо, грубо, зримо почувствовав наше цивилизационное отставание, я принял непреклонное решение: во что бы то ни стало ликвидировать хотя бы в одной отдельно

взятой школе этот разрыв. Первый евротуалет, благоухающий дезодорантами, был оборудован, естественно, для девушек. В свободное от их присутствия время он стал объектом экскурсий юношей, предметом их зависти. Напомню, что туалетное движение в нашей школе зародилось в начале девяностых, когда редкие семьи могли позволить себе подобную роскошь. Но стоит только начать. Через некоторое время, идя навстречу пожеланиям масс мужского пола, евроремонт был произведен и в комнатах с обозначением «М». Как ни покажется странным, постепенно эти места, среди прочего, стали визитной карточкой школы. И я без тени смущения начинал любые конференции и семинары для педагогов и управленцев из других регионов страны с экскурсии по нашим «заповедным» местам. При этом не переставая повторять: «Если театр, как утверждал К. С. Станиславский, начинается с вешалки, то школа – с туалета».

Прошли годы, и теперь в какую бы школу я ни приехал, зная мое слабое место, коллеги первым делом ведут меня – понятно куда. Некоторые из них, демонстрируя новые дизайнерские решения, не без гордости добавляют: «Покруче ваших будут». Что ж, может быть, в этом и есть мой скромный вклад в культуру?

Правило трёх «Н»

За годы директорства я выработал правило трех «н», которому по мере сил стараюсь следовать в своей практической деятельности. Суть его в трех заповедях руководителя школы: не отчаивайся, не впадай в панику, не опускай руки. Правило это – своего рода сжатая инструкция по технике психологической безопасности директора и педагога. Слишком часто возникают ситуации, когда ты бьешься в буквальном смысле слова как рыба об лед, решая насущные вопросы, улучшая жизнь окружающих тебя людей, а в ответ вместо элементарной благодарности получаешь новые серьезные проблемы. Добро б еще, если бы речь шла только о судьбоносных решениях, ломающих привычные каноны воспитания и обучения, переворачивающих сознание родителей, детей и педагогов. Тут естественно ожидать непонимания и сопротивления. Так ведь нет, даже в элементарных вопросах (где, казалось бы, все очевидно и ничто не требует предельного напряжения мысли и воли) порой наталкиваешься на стену. Доходит до смешного. Но обо всем по порядку...

Школу часто сравнивают с кораблем, бороздящим океан знаний. Метафору стоит обновить, не только по причине затертого образа, штампа, но еще потому, что школа сегодня не слишком похожа на ослепительный океанский лайнер. Скорее на лодку, которая, слава богу, пока еще держится на плаву усилиями самоотверженной команды, обходящей бесконечные мели и рифы, по большей части искусственного происхождения. Малое водоизмещение судна позволяет сосредоточиться на бытовых мелочах, на время оставив в стороне глобальные вопросы перспектив развития образования в целом. В самом деле, обвинять во всех случаях начальство или обстоятельства жизни есть «умственная и нравственная лень, рудимент рабской психологии». На сей раз стоит честно поговорить о нас самих.

В Москву, наконец, пришло лето. В скверах и на проспектах расцветают цветы. Дети с учителями не отстали, украсив клумбы и вазоны близ школ. Излишне говорить, что посадочный материал обходится недешево, но красота того стоит. Наблюдаю из окна своего кабинета идиллическую картину: в школьном дворе гуляют бабушка с внуком-дошкольником. Мальчик зачарованно смотрит на юных наездниц, гарцующих на лошадях. Воспользовавшись занятостью внука, пожилая женщина с ведерком и совочком решительно направляется к клумбе и начинает выкапывать цветы. Пулей вылетаю из кабинета.

– Как же так? Это посадили ваши же дети!

– Подумаешь. У вас цветов много. Что случится, если я возьму пяток на дачу?

Поразительно, но убеленная сединами женщина действует совершенно открыто, не усматривая в том никакого криминала. Внук, отвернувшись от лошадей, с интересом наблюдает за нашей перепалкой. Бабушка для него, бесспорно, авторитетнее налетевшего на нее постороннего дяди. Мальчику интересно происходящее. А происходит буквально следующее: с младых ногтей, почти на ментальном уровне, у ребенка закладывается неуважение к чужой собственности. Про бабушку все понятно. Она выросла в эпоху, когда при Брежневе только ленивый не тащил у государства, вне зависимости от статуса и социального положения: слесарь – гайки и инструменты с завода, интеллигент – бумагу и ручки из НИИ. Грехом это не считалось, поскольку внутренне оправдывалось нищенской несправедливой зарплатой. Ныне дети этих бабушек ездят на иномарках, с пеной у рта отстаивая священную собственность (свою!). Но въевшиеся в плоть и кровь поколений привычки по-прежнему дают о себе знать.

Поворачиваю голову в сторону школьной конюшни. Рядом, дело житейское, сборник навоза. Между прочим, то, что там накапливается, по нынешним временам, скромный коммерческий продукт, востребованный на дачных участках. Реализовав его, можно приобрести сено или овес для тех же лошадей. Такое вот получается безотходное производство. Жаль, таким элегантным способом нельзя подкормить учительство. Их отходы не подлежат утилизации. Комизм ситуации заключается в том, что, оставив попытки вразумить пожилую женщину, беспомощно наблюдаю, как в пятидесяти метрах, на другом конце школьного подворья, в иномарку тайком спешно загружают мешки с нашим драгоценным органическим удобрением. Подержанная иномарка, нагруженная ворованным навозом, – дурно пахнущий символ переживаемой эпохи. Разумеется, всеми этими мелкими ракушками, налипающими на днище школьного челна, можно было бы пренебречь, когда бы не одно важное обстоятельство. Элементарная бытовая непорядочность взрослых мгновенно обесценивает упорные попытки педагогов привить детям и «дум высокое стремленье», и навыки жизни в правовом благоустроенном государстве. Так школьная лодка любви разбивается о быт…

Быстро, разумеется без отпуска, проходит лето, безраздельно отданное укреплению материальной базы школы и подготовке к новому учебному году. На этот раз будет чем поразить

воображение учеников и педагогов, вернувшихся после каникул. Еще бы, сбылась «вековая» мечта, и на тридцатом году существования школы на школьном стадионе кладут дорогое искусственное покрытие футбольного поля. Пока я с нескрываемым наслаждением наблюдаю процесс укладки, ко мне притирается не вполне трезвый абориген, житель близлежащего дома.

– Мужик, ты директор?

– Я, а что?

– Дай отрезать два метра газона. Тут, понимаешь, серьезное дело. У тещи на могиле трава не растет.

Да уж, серьезнее некуда, придется ставить усиленную охрану.

Терпенье и труд всё перетрут?

В планах модернизации российского образования нет и намека на трудовое воспитание учащихся. А еще совсем недавно, в советскую эпоху, воспитанию трудом придавался почти сакральный смысл, его влияние на развитие личности ребенка считалось безграничным. А тут – ни слова. Почему? Думается, тому есть свои причины.

Предшествующая эпоха обладала удивительной способностью к выхолащиванию смыслов и превращению даже здравых идей в собственную противоположность. Так, взяв за образец опыт А. С. Макаренко, власть огнем и мечом принялась внедрять его в педагогическую практику, вне зависимости от реальных условий. Тем школам, у которых шефами были крупные производства, организовать осмысленное трудовое обучение не представляло большого труда. Польза от этого была очевидна. (Вспомним, что Макаренко в тридцатые годы производил в своей колонии самые современные фотоаппараты «ФЭД».) Остальные школы вынуждены были имитировать этот процесс. У нас шефствующим предприятием был Университет дружбы народов им. П. Лумумбы. При всем желании на такой «производственной» базе можно было наладить лишь производство метисов или мулатов. Но приказ есть приказ, приходилось брать копеечные заказы со стороны. Например, по надеванию резинок на пипетки (полторы копейки штука) или по производству чугунных пальцев для снегоочистительных машин. Это когда из толстой чугунной трубы вручную напильником делалась небольшая деталь необходимого диаметра. Что, спрашивается, кроме аллергии и ненависти, у детей и педагогов могла вызвать такая постановка трудового обучения?

Тем временем развалилось государство рабочих и крестьян, вслед за его обрушением легли набок некогда мощные производства. А замученные псевдотрудовым воспитанием педагоги с превеликим удовольствием отказались от выполнения этой действительно важной, если не доводить ее до абсурда, воспитательной задачи. Тем более что наступили иные времена.

Эту трогательную картину показали все СМИ. Президент Б. Н. Ельцин выходит из машины и направляется к подростку, в разгар учебного дня торгующему пивом на обочине правительственной трассы: «Молодец, ты уже вступил в рынок!» Хотелось рвать и метать. В итоге совокупными усилиями мы добились своего. Сегодня даже элементарные формы самообслуживания детей вызывают сопротивление определенной части родителей: они

опираются на распоряжения Минобра, запрещающие отвлекать детей от учебного процесса. Им легче нанять уборщицу, чем приучить своих чад ежедневно убирать за собой класс. Ситуация типична не только для столичных городов. Недавно делегация директоров школ одного из шахтерских регионов, увидев, как наши старшеклассники дежурят в школьном кафе, озадачила меня вопросом: «Как вам это удается? Родители наших детей категорически против и заявляют, что отправляют своих детей учиться, а не подметать пол».

– Вы учите детей олигархов или депутатов?

– Нет, экскаваторщиков.

Поразительно, но сегодня даже в сельских школах (где учатся дети, которые, казалось бы, с раннего детства должны быть приучены к участию в трудовом цикле) директора встречаются с сопротивлением родителей, протестующих против детского самообслуживания. Такая вот складывается ситуация. Остается надеяться, что терпенье педагогов и труд перетрут и ее.

Это новое слово «портфолио»

Педагогика, и та, к счастью, не стоит на месте. При всем ее, казалось бы, оправданном веками существования консерватизме в педагогический язык и обиход постепенно проникают новые понятия, среди которых – «портфолио», т. е. портфель личных достижений учащегося. Суть его заключается в том, что педагоги должны оценивать не только академическую успеваемость ученика, но в первую очередь его личностный рост, фиксировать успехи ребенка во многих сферах жизнедеятельности, включая те, что напрямую не связаны с освоением основ наук. Мысль во всех отношениях справедливая, хотя и не такая новая, какой представляется на первый взгляд в связи с появлением импортного термина. Умение видеть и оценивать ученика целостно, а не только с позиции освоения своего предмета всегда отличало настоящих педагогов от ремесленников. Другое дело, что рутина школьной жизни, именуемая учебным процессом, исподволь, незаметно затягивает учителя, постепенно превращая его в автомат по перекачке знаний в ребенка. Вдобавок вся система оценки профессиональной деятельности педагога высокими проверяющими инстанциями нацелена исключительно на проверку обученности детей. Тесты, тесты и еще раз тесты – они сегодня превращаются едва ли не в новый символ педагогической веры. Тем важнее не забывать о подлинном предназначении педагога, коренящемся в самой этимологии: ведь «педагог» в буквальном переводе – ведущий ребенка.

Завершается очередная премьера школьного капустника. В главной роли – блистательный комический актер, которому рукоплещет переполненный зал. Он же – посредственный ученик, который не радовал успехами своего учителя биологии. Строгий бескомпромиссный биолог, вытирая слезящиеся от смеха глаза, произносит: «Жаль, что спектакль прошел в конце года, посмотрела на него другими глазами. И что я приставала к нему со своей дизоксирибонуклеиновой кислотой, носителем генетической информации? Мне бы к его генетике присмотреться. У парня другое предназначение». И она недалека от истины.

Тридцатилетие школы мы праздновали на арене Большого цирка на проспекте Вернадского. В ярком трехчасовом шоу, проходившем на трех сменных аренах, на равных участвовали учащиеся и выпускники, профессиональные артисты цирка и педагоги. Одна из клоунских реприз завершалась прямым обращением к учителю: «Анна Моисеевна, вы меня помните? Я Сережа С. из вашего 3 «Б». Это вы много лет назад

предопределили мою судьбу, на одном из уроков назвав меня клоуном! И я им стал». Учитель давно на пенсии, на следующий день после праздника она сокрушалась перед коллегами: «Господи, за что обидела мальчика!» В данном случае не обидела, а разглядела его призвание. Что называется, попала в точку. При этом научила писать и считать. К счастью, в те далекие годы еще не было единого государственного экзамена по тестам. И у меня нет уверенности в том, что очаровательный рыжий ковёрный с успехом прошел бы через это суровое испытание.

Юноша с ярко выраженными способностями художника. Его натюрморты и пейзажи до сих пор украшают интерьеры школы. Прекрасная семья: с давних лет я хорошо помню его родителей, сидевших на одной парте. Школьную любовь они пронесли через всю жизнь. Казалось бы, все замечательно, но у парня серьезная проблема: ярко выраженная дисграфия. Она тянется еще с начальной школы. За годы работы с ним, ценой титанических усилий дефектологов и педагогов, количество ошибок в его диктантах и сочинениях сократилось втрое: с тридцати до восьми-девяти. Налицо положительная динамика развития ребенка. Но ее, что называется, к делу не пришьешь. По нормам выставления оценок, тридцать ошибок или девять – это все равно «два». По всем остальным предметам у юноши нет проблем. Помимо живописи, он увлекается историей и литературой. Внутри школы, отслеживая динамику развития ребенка, понимая, что его безграмотность не вина, а беда, связанная с особенностями мозговой деятельности, педагоги, вопреки формальным критериям оценок, переводили парня из класса в класс. Иного пути не было. Страшно даже представить, как бы сложилась его судьба, займи они «принципиальную» позицию. Второй год для такой тонкой художественной натуры – ни с чем не сравнимое унижение, ужасный удар, чреватый непредсказуемыми последствиями, вплоть до суицида. Но если в школе по отношению к этому ребенку между педагогами было возможно своеобразное конвенциональное соглашение, то как быть с его поступлением в вуз? Выручил совмещенный экзамен, запрещенная ныне форма приема в вузы, когда в специализированных классах выпускной экзамен совмещается с приемным. Прямым текстом объяснив председателю приемной комиссии, с каким случаем мы имеем дело, я попросил создать условия для успешной сдачи первого экзамена. Откровенно говоря, мы пошли на должностное преступление, в совершении которого я нисколько не раскаиваюсь. Желанная четверка по сочинению была получена, все остальные экзамены юноша абсолютно самостоятельно сдал на «отлично». Его сегодняшние

победы в отечественных и международных конкурсах, экспонирование работ на многочисленных выставках – неоспоримое доказательство нашей педагогической правоты.

Перебирая в памяти десятки подобных случаев, поневоле задумываюсь над тем, что в новомодном термине «портфолио» заключена старая, как мир, педагогическая идея целостной оценки ребенка – во всей полноте его особенностей и даже отклонений в развитии, избирательных способностей и склонностей. Жаль только, что вся существующая государственная система оценки результатов обучения толкает учителя в противоположную сторону, заставляя его идти на риск, хитрить и изворачиваться каждый раз, когда конкретный ребенок заведомо не вписывается в стандартные рамки.

Казнить, нельзя помиловать

Наша неистребимая любовь к детям в последнее десятилетие поистине не знает границ. Веду здесь речь, разумеется, не о реальной жизни, где статистика фиксирует десятки тысяч случаев страшных издевательств и насилия над детьми со стороны собственных родителей, не о вопиющих примерах учительского бездушия. А о попытках противопоставить этим жутким явлениям призывы и, что особенно трогательно, распоряжения, предписывающие обеспечить личностный подход к каждому ребенку. Что в переводе с административного языка означает указания педагогам: делать все от них зависящее, чтобы всеми силами и средствами избегать любых конфликтов со своими воспитанниками. В этом есть резон, поскольку ненависти и агрессии в обществе хватает и без нас. Кто спорит – ребенка надо любить. Другое дело, что любовь эта не должна быть слепой, а личностный подход к ребенку не сводится только к поглаживанию, но предполагает, помимо прочего, необходимость и возможность, если потребуется для развития его же личности, идти с ним на обострение отношений. Не верю я в бесконфликтную педагогику (по раннему доктору Споку). Именно по раннему, поскольку зрелый доктор отказался от своих прежних воззрений, когда увидел, сколько невротиков получило американское общество. Заласканные по его психосберегающим методикам дети, став взрослыми, мгновенно ломались от столкновения с жестокими реалиями жизни. Держать удар их не научили. Между тем мы, игнорируя этот опыт, продолжаем с неистребимым упорством повторять благополучности типа «Ребенок всегда прав!». А в предложении, вынесенном в заголовок этих заметок, запятую ставим исключительно после «нельзя».

Нет, не все на свете можно прощать. Об этом и пойдет речь.

Более чем за четверть века работы директором я лишь дважды подписал приказ об исключении из школы и недрогнувшей рукой выдал личные дела. Примечательно, что оба случая пришлись на истекшее пятилетие.

Жаркий май. Выпускники сосредоточенно пишут репетиционное сочинение, до начала экзаменов остаются считанные дни. В помещении душно. По просьбе товарищей старшеклассник раскрывает окно и тут же получает отпор от девушки:

– А мне не жарко, закрой немедленно!

– Но большинство ребят просит открыть.

– Не мои проблемы.

Подчиняясь просьбе большинства, парень все-таки распахивает окно под аккомпанемент ее шипения: «Ты еще об этом пожалеешь...»

Ничем не примечательная девушка: заурядная внешность, весьма скромные результаты в учебе. Отсутствие зримых успехов на фоне огромных амбиций. Она – дочка крупного военного чиновника. К школе ее подвозят на черной служебной машине. За рулем солдат. Ему и предстоит сыграть роковую роль в этой истории. На следующий день после оконного инцидента по распоряжению начальственной дочки водитель избил ее строптивого одноклассника, перехватив его по дороге в школу. Реакция класса была однозначной: мы не пойдем на занятия до тех пор, пока вы не уберете ее из школы. Тяжелый разговор с отцом заказчицы преступления. К его чести, человека, прошедшего огонь и воды, горячие точки, мы находим трудное взаимопонимание. Подписанию приказа об исключении предшествует ее публичное извинение перед парнем. До выпускных экзаменов остается неделя...

Вторая история под стать предыдущей. Девушки из девятого класса интенсивно обменивались между собой косметикой, аксессуарами и прочими дамскими радостями, давали поносить друг другу модные кофточки и иные детали туалета. Для меня всегда оставалась загадкой спокойная реакция родителей на внезапное появление чужой вещи в доме. Их почему-то успокаивает простое объяснение: мне это подарили. Но не зря народная мудрость гласит: простота – хуже воровства. Как это часто бывает, запутавшись во взаиморасчетах, подруги приступили к выяснению отношений. Жертвой стала девушка, вернувшая взятую в аренду дорогую блузку с заметными пятнами. Кроме того, она оказалась должницей и по части парфюма. При договоренности об использовании только половины флакона употребила весь, без остатка.

Расправа была жестокой. Горя праведным гневом, подружки подкараулили незадачливую должницу в лесу, на окраине которого стоит школа, скрутили, повалили на колени и заставили лизать сапоги у кредитора. Девичья жестокость, подчас превосходящая мальчишескую, не новость в психологии. Но на сей раз она перехлестнула через край. Процедура возмездия снималась на цифровой телефон. На следующий день эти кадры демонстрировались по всей школе в назидание остальным. Но участницы судилища просчитались: вместо восхищения «крутизной» они вызвали отвращение и гнев товарищей. Административная реакция была немедленной и беспощадной: людям, получающим наслаждение от унижения товарища, не

место в коллективе. В тот же день на линейке был оглашен грозный приказ директора. Излишне говорить, что я не считал этих девушек закоренелыми преступницами. Но в педагогике, как и в медицине, не всегда можно довольствоваться лишь терапевтическими методами. Масштаб содеянного требовал хирургического вмешательства. Только таким способом им можно было преподать урок на всю жизнь, ибо есть грани, которые нельзя переходить никогда, ни при каких обстоятельствах. Дети не были выброшены на улицу. По предварительной договоренности, их подобрал директор соседней школы, у которого, в свою очередь, я забираю подростков в подобных ситуациях. Так мы обмениваемся пациентами.

Счастье просить прощение

Учитель всего лишь человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Будучи сам не безупречным, он призван вести к совершенству ребенка. Задумываюсь об этом каждый раз, когда по долгу службы или в прессе сталкиваюсь с фактами учительских срывов, результатом которых всегда является унижение ребенка. Но можно ли требовать от униженного нищенской зарплатой (сам министр образования недавно квалифицировал ее как позор нации) и задерганного бесконечными перестройками системы образования учителя неиссякаемого добросердечия и мудрости? Должно, ибо эти качества личности, вопреки всем неблагоприятным условиям, остаются альфой и омегой профессии. Больного не интересует зарплата врача, ее низкий уровень не может являться причиной, оправдывающей отказ в помощи страждущему. И хотя педагог не давал клятву Гиппократа, его служение ребенку сродни поприщу медика. Ошибки и срывы, к сожалению, неизбежны, тем более в наших стесненных обстоятельствах. Другое дело, как с честью выходить из периодически вспыхивающих конфликтов.

В самом начале педагогической деятельности мне, молодому педагогу, повезло работать рядом с умудренными интеллигентными коллегами. Среди них учитель словесности Наталия Васильевна Тугова. Однажды она поведала мне, как, сорвавшись и несправедливо отругав ребенка, на следующее утро нашла в себе силы извиниться перед ним при всем классе. А через день она получила записку следующего содержания: «Первый раз в жизни встречаю учителя, имеющего мужество признать свою ошибку. Снимаю перед вами шапку. Корней Чуковский». Ребенок оказался внуком великого детского писателя.

Вспомнил об этом при грустных обстоятельствах. Ученик, не реагируя на неоднократные справедливые замечания учителя, вывел его из себя. Дело житейское, если бы не одно обстоятельство. Учитель позволил себе оценочную реплику по поводу горячего национального темперамента нарушителя дисциплины, чем вызвал бурную реакцию всего класса. Что, к слову сказать, характеризует этот детский коллектив с положительной стороны. Двусмысленный намек учителя, по сути дела, ничем не отличался от известной обывательской реакции: «понаехали тут...» К чести для себя, педагог нашел силы поправить положение. На следующий день, извинившись перед классом за бестактность, он зашел ко мне в кабинет и, оценивая свой просчет, тут же допустил новый: «Я виноват, поскольку

опустился на уровень торгашей». Час от часу не легче. Принося извинения, он походя унизил всех без разбору работников сферы обслуживания. Трудно удержать себя в рамках, когда в обществе повсеместно нарастает высокое напряжение. Тем не менее выход есть всегда – вовремя одуматься и извиниться. Заявляю ответственно, у всех без исключения педагогов в их практике были такие случаи и ситуации, когда они выглядели не самым лучшим образом. Унизить юного человека достаточно легко, особенно когда в руках учителя такое грозное оружие, как ирония...

По молодости мы не отказываем себе в удовольствии блеснуть эрудицией, продемонстрировать собственное остроумие, не отдавая себе отчета в том, что нет большой доблести самоутверждаться за счет заведомо слабого оппонента, который не в состоянии парировать твой выпад. Как-то, после неудачного ответа старшеклассника, я позволил себе реплику: «Не зря английский историк Тен считал, что нет ничего опаснее, чем большая мысль в малой голове». Класс взорвался смехом, и я увидел, как побелело лицо у самолюбивого парня. Необходимо было немедленно поправлять ситуацию, найдя изящную форму извинения. «Впрочем, – продолжил я, – этой цитатой меня щелкнул по носу профессор после неудачной защиты моей первой курсовой работы. Он меня, я вас, а вы, в свою очередь, передадите эту шутку своим ученикам, если рискнете стать учителем». И вновь смех в классе, но гораздо более добрый, примиряющий, не унижающий ничьего достоинства.

В другой раз я сорвался, когда ознакомился с рефератом, плодом коллективного труда. На титульном листе работы стояли две фамилии: юноши и девушки. Девушка – прирожденный гуманитарий с прекрасными знаниями и интуицией исследователя. Парень – скромный троечник. Их связывали тонкие чувства. Но какое это имеет отношение к делу, если подлинный автор очевиден? Последовала язвительная реакция учителя: «Историк В. И. Ключевский утверждал, что если в математике две половинки составляют единицу, то в жизни два полоумных никогда не составят одного умного». Девушка задохнулась от возмущения, но промолчала. На перемене она ворвалась в мой кабинет.

– Какое вы имели право так унижать моего соавтора?

– Я прекрасно вижу, чей это текст, и не люблю нахлебников. Дружба дружбой, а служба службой.

– Текст писала действительно я, но Сергей ездил по музеям, собирал и описывал материалы. Кроме того, он готовил компьютерную презентацию доклада.

И она швырнула мне на стол дискету. Я призадумался. Сам же призывал к коллективной, командной работе над проектами. На следующий день пришлось публично извиниться. Но при этом попросил в следующий раз в конце текста указывать личный вклад каждого автора. Девушка получила пятерку по истории, парень по информатике. С коллегами я договорился.

Судьба оказала мне высокую честь участвовать в последней прижизненной передаче с З. Е. Гердтом. Уже после эфира он почему-то сказал: «Вы даже не представляете, какое это счастье – просить прощение». Кого уж там мог сильно обидеть этот солнечный человек? Педагогам такое счастье пока доступно.

Тем временем

У педагогов сложные отношения со временем. Давний ученик, а ныне солидный успешный бизнесмен заезжает в школу повидаться, а заодно представить свою красавицу жену с параметрами фотомодели. В облике грузного, рано облысевшего человека с трудом просматриваются черты изящного курчавого юноши, некогда блиставшего на подмостках школьной сцены. Желая сделать приятный сюрприз молодоженам, я ставлю старую видеокассету. Увиденное поражает воображение прекрасной дамы. И, посмотрев на мужа новыми глазами, она произносит: «Боже, какой же ты раньше был красивый!» На что он, еще в школе отличавшийся невероятной находчивостью и импровизационным даром, молниеносно реагирует: «Зато теперь я умный». Да, видно есть еще порох в пороховницах, и мы дружно смеемся над его остроумным ответом.

Юная супруга отправляется осматривать школу, мы остаемся вдвоем.

– Ты серьезный человек, ведущий сложный бизнес. Скажи откровенно, что в твоей нынешней жесткой, прагматической жизни предопределено тем временем?

– Состояние души. Вы не поверите, но многие мои деловые успехи от веселья духа. Наши школьные праздники и спектакли раскрепощали, расширяли пространство внутренней свободы, учили поднимать настроение себе и людям.

– А как же рэкет, выбивание долгов, наезды силовиков и прочие «прелести» нашего дикого рынка?

Он улыбнулся и продолжил с той щадящей интонацией, с которой опытная учительница начальной школы объясняет первоклассникам азы грамоты.

– Разумеется, всякое случалось. Пару лет назад даже пришлось провести полгода в камере предварительного заключения. Конкуренты постарались. Слава богу, мы с ними разобрались. Но вот что я вам скажу: главное в бизнесе – уметь общаться с людьми.

– Только в бизнесе?

– Вот и я про это. В тюрьме ваши уроки артистизма тоже оказались не лишними.

Вошла жена, и мы быстро сменили тему. В завершение была совершена бартерная сделка. Он выпросил у меня видеокассету с записями старых школьных спектаклей, а в обмен презентовал диск, где запечатлена его последняя премьера. Да-да, у себя на фирме он создал любительский театр и вовлек в него своих

сотрудников. Просмотрев запись, я белой завистью позавидовал роскошным профессиональным декорациям от модного дорогого художника-постановщика и шикарным театральным костюмам. Что ж, у богатых свои возможности, а у нас свои… тоже, как выясняется, не такие уж малые.

Нет, в самом деле, чем-то ведь школа притягивает к себе состоявшихся, успешных выпускников, казалось бы, давно изживших детство и юность, ведущих напряженную взрослую жизнь, наполненную бездной забот и множеством проблем. Возможно, именно тем временем, когда их ценили и любили не за шелест купюр в карманах или положение в обществе. Если формулировать в рыночных категориях, притяжение это диктуется дефицитом бескорыстия, искренности и прямодушия. По мере взросления люди думающие ощущают его все больше. И дело не только в ностальгии по утраченной юности. «Фирма процветает, бизнес набирает обороты. Но такое впечатление, что вся жизнь проходит в офисе, от сделки до сделки. А у меня уже нет сил даже радоваться успехам», – признался мне еще один сорокалетний выпускник. Где еще, кроме школы, он может позволить себе такую роскошь: предстать человеком слабым, в погоне за успехом потерявшим ощущение полноты бытия и потому рано утратившим вкус к жизни. На фирме и в семье он обязан демонстрировать уверенность и излучать оптимизм. Таковы законы жанра и специфика избранных ими социальных ролей. И лишь одно амплуа, бывшего ученика, позволяет хотя бы на короткое время встречи освободиться от тяжкого бремени и, как точно формулировал Э. Фромм, «быть, а не казаться». Бог им в помощь.

Тем временем в жизнь вступают новые поколения, а герои недавних историй преподносят очередные сюрпризы. Подросли участники крысиного бизнеса, но предприимчивости им по-прежнему не занимать. Сегодня они готовятся к поступлению в специализированный класс старшей школы, для чего необходимо посещать факультативные занятия. Но зачем, скажите на милость, тратить драгоценное время на подготовку к экзаменам всем без исключения учащимся? Есть оптимальный вариант: отрядить на факультатив пару старательных учениц, которые тщательно запишут лекции преподавателей, а затем, размножив их на принтере, предложат готовые тексты конспектов остальным, разумеется за умеренную плату. А что? Где есть спрос – там всегда будет предложение. По нынешним временам вполне интеллигентный малый бизнес. Попробуйте оспорить его легитимность.

Оканчивает финансовую академию азартный бильярдист, в

свое время самостоятельно вернувший огромный по тем временам долг. За истекший период он умудрился купить землю в тридцати километрах от Москвы и построить скромный двухэтажный коттедж, где и проживает с мамой. Теперь у него новая серьезная проблема: «Решил жениться, но вы же понимаете, как сегодня сложно найти серьезную неизбалованную девушку. Где гарантии, что ее буду интересовать я, а не моя недвижимость?» Гарантий, действительно, никаких.

Меняется время, а с ним и школа. Но так ли непроницаемы границы между тем и этим временем? Однажды на борту терпящего бедствие самолета я услышал поразившую меня фразу. Принадлежала она моему мудрому восьмидесятипятилетнему другу Г. С. Померанцу, философу, культурологу, человеку, прошедшему фронт и сталинские лагеря: «Жизнь представляется мне скрипучей пластинкой, но одни все время слышат только скрип, а другие сквозь скрип умудряются все-таки услышать музыку». Мысль, высказанная в таких обстоятельствах, в то томительное время, когда счет шел на минуты и никто не гарантировал благополучной посадки лайнера, дорогого стоила. Попытаемся же и мы расслышать музыку сквозь грохот и скрежет переживаемой эпохи.

Риск – дело серьёзное (лирический триллер)

На следующий день после светлого праздника Восьмого марта раздался тревожный звонок из милиции. Грозный голос инспектора по делам несовершеннолетних сообщил: «Ваш ученик (ФИО) задержан вчера в шесть тридцать утра за хулиганские действия. Мало того, вместе с ним проведено задержание двух сотрудников вашего учреждения». Металл в голосе инспектора усилился, давая понять директору беспрецедентность случившегося: совместного преступления ученика и его педагогов. «Они, как выяснилось, действовали по предварительному сговору».

– А могу я узнать, где произошло задержание?

– На крыше высотного здания, что выходит на правительственную трассу.

Слова «правительственная трасса» инспектор произнес с особым нажимом, подчеркивая политический подтекст совершенного преступления.

– Где сейчас задержанные?

– Пока они выпущены под подписку о невыезде.

Откровенно говоря, названный дом и фамилия злоумышленника из десятого класса мгновенно проясняли мотивы «преступления», Но каким боком там, на крыше, в столь ранний час оказались молодые педагоги нашего Центра дополнительного образования? Это еще предстояло выяснить. Через полчаса с виноватым видом и явными следами успешной милицейской операции на лице он предстал перед директором школы. Дожидаясь взрослых участников инцидента, я успел восстановить в памяти все, что было связано с любовными приключениями десятиклассника, предшествовавшими этому событию.

Парень был давно и безответно влюблен в девушку из параллельного класса. Но между ними пролегала грандиозная социальная и культурная стена. Она – дочка большого начальника (кооперативная квартира в доме на правительственной трассе!). Он – ребенок из простой семьи, которого воспитывает одинокая мать, уборщица в поликлинике. Она – тонкая гуманитарная натура, обучаясь в лингвистическом классе, неплохо владеет двумя языками, окончила музыкальную школу. Он академическими успехами не отличается, зато мастер на все руки. Учится в классе художественных ремесел,

преподаватели отмечают его способности в кузнечном деле. Словом, каждый из них обладал несомненными достоинствами, но представлял собой совершенно разные, несовместимые миры.

Дело происходило в восьмидесятые годы прошлого века. И когда сегодня, взывая к нашему светлому прошлому, мне говорят о трагедии возросшего социального неравенства, я, при всем своем стаже и опыте, не могу припомнить ни единого случая, когда бы во времена развитого социализма сын генерала, к примеру, женился на доярке, пусть даже она была трижды отличницей коммунистического труда. Но попробуйте прочертить влюбленному парню запретную границу. Как пелось в шлягере тех лет: «Пусть говорят, он (она) мне не пара... А он (она) мне нравится, нравится, нравится, и для меня на свете парня (в данном случае девушки) лучше нет...» Одним словом, необходимо было любой ценой завоевать ее расположение. Для этого наш Ромео выбрал весьма нетривиальный способ. Девушка жила на восемнадцатом этаже. Ночью, обманув бдительность консьержки, забравшись на крышу ее двадцатидвухэтажного дома, огромными метровыми буквами он вывел масляной краской имя любимой на фасаде здания, чем существенно испортил благопристойный вид, открывавшийся с правительственной трассы. К сожалению, первый подвиг произвел большее впечатление не на девушку, а на руководство кооператива, вынужденного выделить значительные средства для приведения в порядок испорченного фасада. Имея представление о доходах его матери, технички, я, сославшись на неосведомленность, тогда не сдал виновника преступления. Председатель кооператива, разумеется, не поверил в мое неведение и пообещал в следующий раз привлечь к расследованию компетентные органы. Я же, в свою очередь, провел конфиденциальную профилактическую беседу со злоумышленником, раскрыв перед ним предельный идиотизм такого способа привлечения к себе внимания предмета тайного обожания. Помнится, в конце беседы, подытожив разговор, я заметил: «Ты же мастеровой человек, и тебе ли не знать, что такое тяжелый физический труд маляра, который теперь будет вынужден ликвидировать твои художества с риском для жизни на огромной высоте. Лучше бы ты своими руками изготовил для нее что-нибудь такое, чего не купишь ни за какие деньги».

И он, оказывается, послушался. Целых полгода тайно, как ему казалось, ковал для нее прекрасную розу, пусть не золотую, как в повести К. Паустовского, а металлическую, но какое это имеет значение для любящего сердца мастера? Но все тайное рано или поздно становится явным. И однажды его молодые преподаватели застали творца врасплох и, восхитившись изделием, предложили

выставить розу на выставке. А он, категорически отказываясь от предложенной чести, вынужден был сознаться, что собирается привязать розу к балкону возлюбленной рано утром в день Восьмого марта. Понимая, что парня не удержать никакими силами, молодые преподаватели, имевшие специальную оснастку и солидный альпинистский стаж, решили, от греха подальше, страховать его с крыши. Бдительная бабушка, страдающая бессонницей, в шесть часов утра, увидев фигуру неизвестного в проеме своего окна, в ужасе позвонила в милицию. Хорошо еще, что в порыве героической самообороны от воров она не схватилась за ножницы, дабы перерезать канат, как это делает заяц в известном мультфильме «Ну, погоди!». Всю компанию на месте преступления (крыше) задержала милиция, которая в мгновение ока оказалась там по звонку из такого дома. Все эти подробности удалось выяснить у непосредственных участников событий, пока мы дожидались инспектора милиции.

Тем временем в кабинет директора уже решительно входил капитан милиции женского пола, гордо держа в руках вещественное доказательство с балкона потерпевшей. Предложив ей сесть, мягко улыбаясь, я спросил: «А вам в юности кто-нибудь дарил Восьмого марта такое чудо?» По ответной смущенной улыбке молодой женщины, но тем не менее находящейся при исполнении служебных обязанностей, я понял, что возбуждения уголовного дела о хулиганских действиях моих подчиненных на этот раз, вероятно, удастся избежать.

Конфликт ценностей

Истекший век со всей беспощадностью обнажил одну из драм, определяющих трагизм человеческого существования: конфликт ценностей. К примеру, справедливость – высшая ценность, но она не предполагает милосердия. А свобода, дарованная волкам, оборачивается смертью для овец. Да что там ценности, заповеди конфликтуют друг с другом. В одном месте Евангелия читаем: «Не мир вам принес, но меч»; в другом: «Если ударят по правой щеке – подставь левую». Неискушенные люди видят в священном тексте неистребимое противоречие. В Книге книг нет инструкций на каждый жизненный случай. Но именно этим она отличается от морального кодекса строителя коммунизма, который по историческим меркам не так давно висел в каждом классе. Богу не угодны духовные автоматы, способные лишь к выполнению жестких предписаний. Посему Он и даровал человеку неотделимую от ответственности свободу, позволяющую самостоятельно решать, в каком случае взять меч, а в каком – подставить щеку.

Подобные «отвлеченные» размышления приходят в голову каждый раз, когда сталкиваешься с ситуацией, чреватой огромными издержками, неоднозначной, но требующей небезупречных практических решений (похоже, что безупречных решений не бывает).

...Начало девяностых. Недавняя выпускница проходит по уголовному делу о сбыте наркотиков. Постепенно из свидетеля она превращается едва ли не в одного из главных обвиняемых. Девушка-студентка из профессорской семьи, никогда прежде ни в чем подобном не замеченная, попадает в переполненную камеру, падает там с нар, ломает ногу. В тюремной больнице использованной иглой ей вносят гепатит В.

Родители в шоке, обращаются за помощью. Первая задача – перевести ее в не столь населенную камеру, вторая – добиться освобождения под подписку о невыезде до суда. В те теперь уже далекие годы вопрос тюремной прописки решался отнюдь не на официальном уровне. Камеру на солнечную сторону предоставляли, как бы это мягче выразиться, неформальные структуры. (Хочется верить, что сегодня ситуация изменилась.) Пришлось обратиться напрямую к ним. Люди, вызвавшиеся решить проблему, выдвинули ответную просьбу: взять ребенка одного из «авторитетов» в школу. Избранную мной форму согласия на своеобразный бартер следует признать наиглупейшей: сын за отца не в ответе. Но «высокие»

договаривающиеся стороны полностью выполнили взятые на себя взаимные обязательства. К слову сказать, ребенок, попавший в школу таким своеобразным путем, оказался вполне воспитанным, способным учеником. А то обстоятельство, что люди, чье могущество и финансовые возможности произрастают из криминала, не желают повторения своей судьбы в детях и пристраивают их в приличные школы, между прочим, внушает сдержанный оптимизм.

Но вернемся к героине нашей истории. Постепенно выясняется, что истинная причина свирепости следствия – отказ в сотрудничестве с органами. Она дружит, да что там говорить, живет гражданским браком с парнем, который действительно сбывает наркотики. Подпиши она показания на приятеля, наиболее тяжкие обвинения в ее адрес тотчас будут сняты. Мы пьем кофе в моем кабинете незадолго до суда. Под подписку о невыезде ее все-таки отпустили.

– Но ты же понимаешь, что, как говорил герой фильма Глеб Жеглов, «наказания без вины не бывает». Я бы сам недрогнувшей рукой расправлялся с теми, кто отравляет наших детей наркотиками.

В ответ на мои доводы, поверяя в подробностях свою скорбную историю, девушка произносит решающую фразу: «А как потом я буду с этим жить, предав любимого человека?» Кто возьмется быть судьей в подобных вопросах? И она не безвинна, поскольку надо быть разборчивее в связях. И органы, используя свои методы, должны пресечь деятельность наркодилера… Но в результате тяжелого внутреннего диалога молодой человек делает свой выбор и готов нести за него ответственность.

Вторая история чуть менее драматична по последствиям, но на ту же тему конфликта ценностей.

С первого класса и все девять последующих лет они сидели за одной партой. О таких приятелях говорят: не разлей вода. Первый – мальчик из вполне благополучной интеллигентной семьи. Отец военный – он всегда внушал сыну святое отношение к мужской дружбе, призывал к взаимовыручке в трудных обстоятельствах. Словом, воспитывал сына как настоящий полковник. Второй – безотцовщина, мать и младшая сестра – инвалиды.

После девятого класса их пути разошлись. Первый продолжил обучение в лицее, а после окончания школы поступил в престижный университет. Второй, получив основное образование, ушел в ПТУ. Надо было приобретать специальность, чтобы как-то кормить семью. Пути разошлись, но дружба не прервалась, напротив, окрепла благодаря тяжелым обстоятельствам. Второй участвовал в ограблении палатки и

попал на зону. Первый, будучи студентом дневного вуза, устроился на ночную работу, чтобы материально поддерживать мать и сестру попавшего в беду друга!

Однажды оттуда пришло отчаянное письмо. Приятель умолял купить и переправить на зону наркотик. Без этого паханы не дадут ему жизни. А чтобы «не всучили липу», просил обязательно попробовать товар на язык. Во имя святой дружбы первая часть поручения была выполнена. Но парня повело, и он был немедленно задержан в ближайшем подземном переходе...

Я благодарен следователю, который, внимательно выслушав предысторию, не стал возбуждать уголовного дела. Сегодня дети этого порядком полысевшего фигуранта преступления учатся у нас в школе.

«Нам не дано предугадать…»

История, которую я собираюсь поведать читателю, строго говоря, выходит за рамки педагогической ситуации. Ситуация – это, как правило, конкретное обстоятельство, событие в жизни ребенка. Подчас непростое, неоднозначное, заставляющее педагога принимать быстрое решение, предварительно, в сжатые сроки, обдумав его возможные последствия. Здесь же речь пойдет о неожиданной связи двух событий, дистанция между которыми более десяти лет.

Бывают в жизни странные пересечения, такие, что, если бы кто-нибудь посторонний поведал мне о них, я бы точно не поверил и, скептически улыбнувшись, сказал: «Ну, прямо как в романе». Тем не менее все, что будет рассказано дальше, – чистая правда, и тому есть документальное подтверждение и свидетели, а точнее, к счастью, живой свидетель, узнаваемый и признаваемый сегодня всей страной. Но обо всем по порядку.

Первое событие – школьный спектакль. Обычное дело. Ни одна уважающая себя школа не живет без самодеятельного детского театрального коллектива. Наша – не исключение. Нет нужды доказывать, какую благотворную роль на юношество оказывает участие в школьных спектаклях: снимает комплексы и поднимает самооценку, позволяет по-настоящему почувствовать магию слова, пропустить через сердце текст, иначе его не донесешь до зрителя, получить отзвук в зрительном зале и т. д.

В 1985 году на подмостках школьной сцены мы поставили инсценировку повести А. И. Приставкина «Ночевала тучка золотая» о судьбе мальчиков-близнецов, по воле отца народов оказавшихся в 1944 году вместе с детским домом в Чечне, откуда к тому времени были только что депортированы коренные жители. Пронзительная история, повествующая об общей трагедии русских и чеченцев. Когда появилась книга, люди читали ее в буквальном смысле с полотенцем на плече, утирая слезы.

Я написал сценарий, и началась подготовка спектакля, которая длилась целый год. Повесть автобиографическая. Писатель не отказал во встрече. С пристрастием расспрашивали мы Анатолия Игнатовича Приставкина о мельчайших подробностях быта беспризорников тех лет. Он сам – один из тех пацанов, кто попал в тот страшный переплет. Старшеклассники попросили его пропеть блатные песни сороковых годов. А как иначе воссоздать на сцене подлинную атмосферу той далекой эпохи? Кинорежиссер Саламбек Мамилов помогал юным актерам

в освоении произношения чеченских слов...

На одном дыхании в абсолютной тишине три часа без перерыва шел тот памятный спектакль. В самом финале, когда на фоне печальной чеченской мелодии зазвучали колокола православных церквей, а автор повести поднялся на сцену, зал отблагодарил актеров шквалом аплодисментов. Среди участников спектакля, вышедших на поклоны к зрителю, был и яркий, талантливый мальчик Сережа Брилев. Сегодня он звезда, популярный телеведущий программы «Пятая студия». Спектакль стал событием не только школы. Как-никак – первая в истории театральная инсценировка знаменитой повести. Он даже удостоился доброй рецензии в центральной печати. А в зале Приставкина, что был открыт в Грозном, вывесили большие фотографии, запечатлевшие наиболее яркие мизансцены нашей постановки.

Как часто приходится употреблять сакраментальную фразу «Прошли годы». Но что поделать, если это действительно так. Начался кошмар первой чеченской войны. Выпускник школы Сережа Брилев стал постоянным корреспондентом «Вестей» в горячей точке. Однажды боевики захватили съемочную группу. Но кто-то из них узнал Сергея по фотографиям спектакля. Трудно поверить, но журналистов отпустили. Давний школьный спектакль спас ему жизнь. Сам Сергей рассказал об этом случае в интервью журналу «Карьера».

Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, – И нам сочувствие дается, Как нам дается благодать...

Хрестоматийные, известные каждому школьнику стихи Федора Ивановича Тютчева. Но жизнь вновь и вновь наполняет чеканные поэтические формулы вполне реальным содержанием.

Благодарность вместо выговора

В одной из соседних школ произошло несчастье, от которого сегодня не застраховано ни одно учебное заведение. Девочки-семиклассницы после занятий отправились на квартиру одной из подруг. В разгар рабочего дня родителей, естественно, не было дома. Там они решили понюхать некое вещество, которое, по словам более «опытных» подростков, вызывало «кайф». Одной из девочек сразу же стало плохо, и она потеряла сознание. Испугавшись, подруги вытащили ее из квартиры на воздух, на аварийную лестницу дома, но девушка не приходила в сознание. Растерявшись, они струсили и разбежались. В результате, пролежав без помощи несколько часов на черной лестнице, девочка скончалась.

Каковы педагогические выводы из этой трагедии? Профилактикой алкоголизма, наркомании и токсикомании вынуждена по необходимости заниматься каждая школа. За детей сегодня страшно. Вместе с тем опытные педагоги отдают себе отчет в том, что организованные наилучшим образом лекции, просмотры фильмов и беседы не гарантируют от эксцессов, в том числе и с трагическими последствиями. Последствия эти часто возникают не столько в результате алкогольной или иной интоксикации, сколько вследствие неадекватной реакции подростков на нештатную ситуацию, в которую они попадают. Страх наказания зачастую оказывается сильнее стремления оказать помощь товарищу, попавшему в беду.

«На ковре» у директора стайка подростков. Понурив головы, они ожидают разноса и неизбежных репрессий, поскольку вчера по полной программе отпраздновали день рождения одноклассницы. В школе для этого есть все условия: уютное кафе с баром, именно кафе, а не столовая (пресловутая точка общепита). Там современный дизайн, боковое освещение, музыка – одним словом, все условия для культурного отдыха. Но школьное кафе обладает одним неустранимым недостатком: там отсутствует спиртное. Компенсируя этот изъян школьного сервиса, подростки решили продолжить банкет на черной лестнице одного из близлежащих домов. Как водится, быстро нашелся взрослый «доброхот», который по просьбе девятиклассников купил им две бутылки водки. Водка – она, конечно, символ взрослости в отечестве нашем, но без привычки ее в себя не вольешь. Поэтому для облегчения первого в жизни приобщения к нашему неофициальному национальному символу на вполне законных основаниях подростки приобрели в магазине

большое количество газированной пепси, чем и предопределили дальнейшее неизбежное развитие событий.

Первой отключилась виновница торжества. Никакие попытки привести девушку в чувство результатов не дали. К счастью, на сей раз разбежались не все. С ней остался парень, который и вызвал «скорую помощь», сопроводив пострадавшую до больницы, где и был составлен положенный в таких случаях протокол. Так о произошедшем инциденте стало известно в школе. Формально попались двое. Проще всего прижать парня и под тяжестью неопровержимых улик заставить его назвать остальных участников попойки. Но делать этого категорически нельзя, поскольку такими методами дознания мы неизбежно сформируем омерзительный опыт предательства. А молодой человек, которому одному из всех хватило мужества не бросить подругу в беде, получит наглядное подтверждение тому, что проявленное благородство всегда выходит боком, ибо в конечном итоге за него приходится платить низостью.

Применяю административный ресурс: испытанное в подобных случаях средство – директорский шантаж. Через классного руководителя передаю учащимся, что в случае неявки с повинной всех участников второго отделения банкета их одноклассник будет немедленно исключен из школы. Теперь они уже во второй раз поставлены перед моральным выбором: спасать свою шкуру или выручать друга. В первом случае подростки сплоховали, разбежавшись в панике, они, по сути дела, предали друзей. Тем более необходимо предоставить им шанс набраться мужества и, переступив через страх наказания, восстановить уважение к себе. Это исключительно важно, ибо человек, лишенный самоуважения, становится легким объектом для манипуляции со стороны порочных сверстников, преступных сообществ и даже государства. Именно так тоталитарные режимы строили свою психологическую атаку, направленную прежде всего на подавление самоуважения личности. Стоит один раз подписать подлое коллективное письмо, проголосовать на собрании, осуждающем невинного коллегу, перейти на другую сторону улицы, завидев дочь арестованного товарища, и дамба порядочности прорвана, человек, прошедший через предательство, готов и в дальнейшем идти по пути измен. Первый шаг на этой гибельной дороге – измена самому себе.

Я не ошибся в ребятах, ультиматум возымел действие (уже маленькая педагогическая победа): компания злоумышленников явилась с повинной в полном составе. К слову сказать, такой результат совсем не был предрешен. Вполне возможна ситуация, когда подростки могли занять иную позицию: «Черт с ними,

попавшимися по собственной глупости, а мы подставляться не собираемся. Каждый сам отвечает за себя». Вероятно, на их окончательное решение повлияла врожденная порядочность (такая бывает) и авторитет «шефа», своими предшествующими действиями в сходных ситуациях доказавшего, что он исповедует принцип: «повинную голову меч не сечет». Как бы то ни было, все участники этой истории предстали перед директором, который обязан провести с ними «разъяснительную работу».

С чего начать? С прописных истин о вреде алкоголя для неокрепшего юношеского организма? Едва ли они не слышали об этом раньше. Тем более что передо мной медицинский класс, ребята, избравшие своей будущей профессией медицину и потому получающие углубленные знания по химии и биологии. Однако ни профессиональная ориентация, ни будущая гуманная профессия сами по себе не избавляют от известного порока. Приятель, известный хирург, признался как-то, что после пяти операций в день обычно снимает стресс известным дедовским способом. «Поэтому средняя продолжительность жизни людей нашей профессии сорок пять лет», – печально констатировал он, затянувшись крепкой сигаретой.

Начинаю с откровенных издевательств. В ход пускаются ирония, сарказм, язвительность: «Смешивать водку с газированным напитком – на это способны только идиоты. И это учащиеся медицинского (элитного!) класса, которые, как выясняется, не имеют элементарных представлений о процессах всасывания в кровь спиртов. Позор! На что я, директор, трачу силы и средства?» Опускаю продолжение язвительных вариаций на ту же тему интеллектуального недоразвития медицинской элиты школы. Здесь необходим некоторый педагогический комментарий.

На первый взгляд, складывается парадоксальная ситуация, которая с позиции человека, не искушенного в подростковой психологии, выглядит по меньшей мере странно. Вместо того чтобы калеными железом выжигать само стремление молодых людей к спиртному, убеленный сединами директор упрекает их в неправильной технологии его употребления. Но, во-первых, именно такую реакцию взрослых людей подростки и ожидают, а следовательно, заранее готовы к ней психологически. Вслед за мной те же набившие оскомину банальности дома, разумеется, повторит каждый из отцов провинившихся подростков. (Они здесь же и пока молчаливо присутствуют при «разборе полетов».) А во-вторых, нетрудно предвидеть тот скепсис, с которым они отнесутся к нашим не вполне искренним антиалкогольным инвективам. Положим, директора школы в домашней обстановке

они не наблюдают, но родной отец, который при каждом семейном торжестве, как водится, поднимет чарку-другую с гостями, а в кабинете директора обрушивает на сына праведный гнев, выглядит малоубедительно.

Поворот разговора на технологию пития для подростков неожидан и поэтому взламывает подготовленную психологическую защиту, а саркастические упреки в интеллектуальной ущербности бьют по самолюбию больнее, чем общие правильные слова. Действительно, обидно дожить аж до четырнадцати лет и не знать элементарных вещей. И наконец, в неожиданном для подростков повороте разговора заложена еще одна педагогическая хитрость. Нет ни малейшего сомнения в том, что происходящее в директорском кабинете быстро станет достоянием гласности и будет обсуждаться в молодежных компаниях: что говорил шеф, за что ругал, какие меры принял. Отбросим ханжество и признаем тот неоспоримый факт, что в отечестве нашем любой подросток рано или поздно попробует запретный напиток. Не секрет, что приобщение к спиртному у нас является своеобразным обрядом инициации: символическим переходом во взрослое состояние, а первая провокация на эту тему обычно звучит так: «Пей! Ты что не мужик?» Пусть даже из всего разноса запомнится и будет передано остальным, ожидающим окончания этой истории, одно: взрослые мужики водку с пепси не смешивают. Уже бед будет меньше. Тем более что без соответствующей привычки невозможно влить в себя большое количество горькой жидкости, не подсластив пилюлю. Назвался взрослым – не тянись за сладкой газировкой.

Тем временем разговор переходит в иную плоскость. Ироническая тональность сменяется праведным гневом, направленным в самое уязвимое место этой компании. На данной стадии «разбора полетов» приходится до отказа нажимать педаль газа. «Вы выбрали профессию врача, предполагающую клятву Гиппократа. Как же так случилось, что большинство из вас бросило беспомощного человека? Но даже если бы вы избрали иное поприще, нет ничего более омерзительного, чем предательство». Далее, не стесняясь, без скидки на возраст бью наотмашь. «Струсили. Чем рисковали? Максимум – исключением из школы. А на кон была поставлена человеческая жизнь. Таких людей на войне называют шкурниками». Отец одного из «героев» этой истории – боевой офицер, прошедший горячие точки. Он здесь же, в кабинете, лицо его при этих словах наливается краской. По всему видно, что дома предстоит серьезный мужской разговор. Трусость и предательство, которым нет и не может быть оправдания, безусловно, со всех точек зрения центральная точка

разговора. И с прагматической позиции страхования рисков. Вспомним трагическую историю гибели девочки из соседней школы. Но еще в большей степени она важна в контексте современной жизни и истории. Тема предательства – центральная тема двадцатого века. Добавим к этому, что в подростковом возрасте на нее откликаются наиболее чутко. Между прочим, вскользь замечаю, что именно алкоголь искажает подлинно человеческие реакции на возникающие сложные жизненные ситуации, открывая дорогу низменным инстинктам, которые и предопределили в данном конкретном случае их панику и бегство. Иными словами, были бы трезвыми – повели себя по-другому.

Тут меня легко поймать на противоречии: не были бы пьяными – не возникла бы сама эта ситуация. Что ж, если такая светлая мысль посетит их неокрепшие головы, она будет их собственным выводом, полученным на основе анализа гневной речи директора, у которого концы с концами не сходятся. Судя по тому, как они переглядываются между собой, прием сработал. Я «подставился», продемонстрировав несовершенство логического мышления, подростки получили удовлетворение оттого, что мыслят глубже шефа. Даже при «избиении «младенцев» – способа воздействия, без которого, увы, не обходится и никогда не обойдется педагогика, необходимо оставлять в сознании подростков спасительные островки, необходимые для сохранения чувства самоуважения личности. С человеком опущенным, плюнувшим на себя почти бессмысленно вести воспитательную работу. Унижение достоинства, а именно этим, если отбросить изощренную педагогическую эквилибристику, я в данный момент занимаюсь, вскрывая низость их поведения, называя вещи своими именами, – оружие обоюдоострое, переборщить с его применением опасно.

Первый спасительный пас, посланный подросткам, уже принят. Наступает время второго, после которого пора выруливать на меры наказания. Говорю о том, что, несмотря на тяжесть содеянного, безмерно рад, что у них хватило мужества добровольно прийти к директору, не совершив тем самым второго предательства. Этим поступком и предопределяется мера наказания. Учитывая двойной непрофессионализм, проявленный будущими медиками (незнание процессов усвоения спиртов организмом и неоказание помощи больному), со всех на полгода снимается статус лицеиста с правом последующего восстановления. Всем, кроме одного, доставившего девушку в больницу, объявляется выговор, а ему – устная благодарность за адекватные действия в сложившейся ситуации. Почему устная?

Об этом спустя час, с ним наедине. От классного руководителя знаю, что он влюблен в эту девушку. Поэтому, естественно, и не бросил ее в беде. Неизвестно, как парень повел бы себя, окажись на ее месте безразличный ему человек. Собственно говоря, вся беседа с ним состоит из одного вопроса, на который он не обязан давать ответ: «Надеюсь, ты понимаешь, что оказывать помощь человеку, попавшему в беду, необходимо вне зависимости от сложившихся с ним личных отношений?» На том и расстаемся.

В промежутке между коллективной промывкой мозгов и беседой с «последним героем» произвожу «разбор полетов» с родителями. До сих пор они довольствовались ролью молчаливых статистов на моноспектакле директора. Объясняю, почему никому из них не предоставил слово. Во-первых, коллективный напор взрослых спровоцировал бы групповое сплочение подростков по возрастному признаку: они (устаревшие и нудные) и мы (молодые, откликнувшиеся на рекламный призыв «возьми от жизни все»). Во-вторых, нескоординированные действия возмущенных и шокированных поведением собственных детей родителей свели бы разговор к выяснению второстепенных подробностей: кто и сколько выпил, ушел до обморока девушки или после и т. п. Естественно, что каждого из собравшихся пап и мам в первую очередь интересует поведение собственного ребенка. Здесь действительно важны детали, но их выяснение и обсуждение – предмет домашнего разговора, о котором мы и уславливаемся. Его стилистика и тональность предопределяются спецификой каждой семьи, ее конфигурацией (полная семья или ребенка воспитывает одна мать), профессией и индивидуальным жизненным опытом родителей. По-своему свой разговор с сыном построит боевой офицер, прошедший горячие точки, и совсем по-другому одинокая мать, врач «скорой помощи». Все необходимые зацепки (предпосылки) для этого у них имеются.

После ухода родителей думаю о том, что, какие бы изощренные педагогические ходы мы ни изобретали, окончательное решение проблемы при наших вековых традициях пития невозможно. Если верить летописцу, то вопрос «пить или не пить?» не в последнюю очередь повлиял даже на выбор вероисповедания. Уже совсем в другую эпоху, Горбачева – Лигачева, могучее государство со всем его административным ресурсом не справилось с поставленной задачей отучения населения от злоупотребления спиртным. Что в таких условиях может школа? В корне переломить ситуацию не удастся, но это совсем не означает, что в каждом конкретном случае следует опускать руки. Сколько их было и сколько еще будет – подобных случаев...

Ровно два месяца спустя у меня в кабинете отец, бывший выпускник, и сын-восьмиклассник. Сын «отличился» на каникулах, о чем повествует в своеобразном документе, который привожу с некоторыми сокращениями, изменив имя и фамилию автора.

Документ чести от Иванова Сергея

04.11.06 вместе с классом я поехал на экскурсию в Новгород. Приехав на место, мы с ребятами (втроем) скинулись по 100 рублей и попросили ближайшего прохожего купить нам одну бутылку водки. Потом мы купили колу и в одиннадцать часов вечера открыли бутылку. Я выпил больше всех, и, что было с 11 вечера до 6.40 утра, я не помню. Забирал из больницы меня отец, и мы благополучно вернулись домой.

Прервем на время изложение парнем событий. Нетрудно догадаться, что было в том временном промежутке, когда он отключился: шок классного руководителя, вызов «скорой помощи», ночной звонок отцу, который, естественно, бросив все, наутро примчался в другой город. Досталось всем.

Обращает на себя внимание типичность ситуации: взрослый доброхот, покупающий водку мальчишкам, кола – словом, классика.

В разговоре с парнем есть за что зацепиться: он любит и безмерно уважает отца. Поэтому накануне визита отца в школу сознательно давлю на больную мозоль мальчика: не жалея красок, живописую, со слов классного руководителя, испуг и смущение отца, вынужденного многократно извиняться за обормота-сына. Центральная тема – честь семьи, которую он запятнал. В результате этой беседы родился «Документ чести», в котором парень подробно излагает события, анализирует их и дает «обещание и мужское слово, что подобных случаев не повторится». Не скрою, что сознательно натолкнул его на мысль в письменной форме сформулировать выводы из происшедшего. И теперь они вместе с отцом положили мне на стол продукт еще одной бессонной ночи. Но игру нужно доиграть до конца.

Обращаясь к подростку, замечаю: «Твой отец таким не был, он один из тех, кем гордится школа». При этих словах лицо папы, моего бывшего ученика, покрывается пятнами. Мы-то с ним знаем, что сказанное отвечает действительности только отчасти. Добросовестный ученик, блистательный актер школьной театральной студии, ныне успешный руководитель крупной фирмы, он хорошо помнит, как много лет назад со своими друзьями подставил директора под выговор.

Начало восьмидесятых. Недавно умер В. Высоцкий. Мы со старшеклассниками решаем сделать спектакль, посвященный его

памяти. На представление собралась чуть ли не вся Москва, приехала мама Владимира Семеновича, его дети и жена. В те годы такой вечер был вызовом властям, замалчивавшим творчество опального поэта. Нужно отдать должное юным актерам, играли они блистательно. Зал стоя аплодировал их честной работе. Но после спектакля группа его участников решила отметить успех традиционным российским способом: купили спиртное и расположились на опушке леса напротив родной школы. Там их и прихватила милиция. Компетентные органы сразу отметили связь между сомнительным, с их точки зрения, спектаклем и его аморальными последствиями. А директор школы, проявивший политическую близорукость, посмевший возвести алкоголика Высоцкого в ранг национального поэта, получил строгий выговор, что по тем временам было милостью, ибо первоначально вопрос стоял об отстранении от должности. Этот выговор стал для меня бесценным педагогическим инструментом антиалкогольного воспитания. Я бросил его им в лицо, заявив, что такие предатели недостойны даже моего наказания. Достаточно того, что наказание за их художества понес сам директор, он же по совместительству режиссер спектакля.

Месяц после этой истории я не разговаривал ни с одним из них, не подавал руки при встрече. А затем… А затем началась подготовка к новому спектаклю, и, когда они робко просочились в мой кабинет, почувствовав, о чем пойдет речь, я ответил на их немой вопрос строкой из песни В. Высоцкого «Дорожная история»: «Я зла не помню – я опять его возьму».

Спустя годы с полысевшим героем той истории обсуждаем безобразное поведение его сына.

Всегда ли стоит беречь их психику?

Трагедия смерти. Оберегать ли ребенка от прямого столкновения с ней, щадя его еще не окрепшую психику, или, напротив, ничего не утаивая, уже в раннем возрасте обнажить перед ним финал человеческого существования? Разумеется, общих рецептов здесь нет. Все зависит от того, что это за ребенок, каковы особенности его психики и душевной организации. И все-таки от поставленного вопроса не уйти, прежде всего потому, что жизнь порой не оставляет времени на раздумья, а жестко ставит перед обозначенной дилеммой.

В воскресенье погиб второклассник. Мальчик перебегал широкий проспект и попал под колеса проходящей машины. Несчастные родители обратились ко мне с просьбой разрешить подвезти гроб к школе, для того чтобы его друзья-одноклассники могли попрощаться с товарищем. В таких просьбах не отказывают. Но я слишком хорошо понимал, какой неоднозначный резонанс это решение вызовет среди родителей второклассников. И не ошибся. Посыпались звонки. Часть родителей выразила возмущение необдуманными действиями директора, которые могут привести к психологической травме их детей. Другие папы и мамы, напротив, считали это решение единственно правильным, ибо дети имеют право и обязаны достойно проводить своего товарища в последний путь. Кое-кто не погнушался, обойдя директора, обратиться прямо в вышестоящие инстанции с жалобой на самоуправство администрации школы, нарушающей плавное течение образовательного процесса. Словом, ситуация выплеснулась за пределы школы и была поставлена под контроль. К чести родителей, большинство из них было на моей стороне. Но такие вопросы не решаются голосованием. Суть принятого решения была такова. Прощание произойдет в назначенный день и час. Но те родители, которые считают процедуру прощания травмирующей для своих детей, могут в этот день не пускать ребенка в школу. О чем по телефону их накануне предупредил классный руководитель. На церемонию прощания не пришло всего пятеро детей.

Позже мысленно я не раз возвращался к этой истории. Ничуть не осуждаю тех родителей, которые заняли по отношению к своим детям охранительную позицию. Бог им судья. У меня просто другой личный опыт. Я рано, в шесть лет, потерял отца и благодарен маме за то, что она взяла меня на его похороны. Высококвалифицированного рабочего, слесаря-лекальщика

восьмого разряда, хоронил весь завод. На траурном митинге присутствовали сотни людей. Будучи шестилетним ребенком, я, разумеется, был не в состоянии уяснить себе смысл произносимых тогда речей. Но чувство уважения к отцу, к его рабочим заслугам, о которых говорили и директор завода, и инженеры (мама-учительница даже в такой ситуации объяснила ребенку, кто они такие), возникло и в том нежном возрасте и сохранилось на всю жизнь.

Но если по отношению к маленьким детям вопрос о том, беречь до поры их психику или открывать все, как есть, все-таки остается открытым, то в подростковом и юношеском возрасте ответ однозначен. Никаких поблажек. Растущий человек должен готовиться к мужественному принятию жизни во всех, даже самых трагических, ее проявлениях.

В подростковом возрасте впервые пронзает мысль о конечности человеческого существования. Переживается она остро и болезненно, но вне осознания неотвратимости конца невозможна постановка вопроса о смысле человеческой жизни. Культ наслаждения, повсеместно навязываемый сегодня юношеству, сформулированный в рекламе «Возьми от жизни все», обезоруживает человека даже перед лицом мелких неприятностей, не говоря уже о подлинных трагедиях.

Часто, слишком часто в последние десятилетия мне приходилось хоронить своих выпускников. Первый золотой медалист школы Игорь Адамов погиб в Афганистане в 1985 году. Блестящий знаток восточных языков, он студентом четвертого курса МГУ был послан переводчиком при советском военном советнике. В школьном музее установлен его бюст. С тех пор многое изменилось, и мы живем уже в другой стране. За эти годы кардинально поменялись оценки той войны: от выполнения интернационального долга до международной авантюры. Но чем виноват молодой человек мирной профессии, до конца выполнивший свой долг? Даже в условиях перегрузки школы и катастрофической нехватки учебных помещений мы не демонтировали музей, хотя был период, когда мода на них прошла.

После гибели юноши его родители уехали на родину в Белоруссию, где и похоронили сына. Будучи уже немолодой женщиной, его мама нашла в себе силы родить второго ребенка. А два года назад раздался звонок из Минска: «Евгений Александрович, я хочу привезти к вам Илюшу, показать ему место, где помнят его старшего брата которого он никогда не видел. Илюше уже восемнадцать лет».

По милости судьбы

Природа щедро одарила Максима Ж. Его блестящие способности к иностранным языкам дополнялись природным артистизмом и врожденной музыкальностью. Вдобавок он писал вполне приличные стихи. Грех было не использовать его возможности в нашей театральной студии. Родители? Обычная советская семья времен начала перестройки: отец – военный, мать – директор одной из соседних школ, педагог старой закалки. Она, решительным шагом войдя в мой кабинет, потребовала запретить посещение ее сыном театральной студии.

– Он у меня впечатлительный мальчик. По ночам во сне выкрикивает ваше имя, бормочет обрывки ролей и тексты песен.

– У нас добровольный принцип работы в творческих коллективах. Так сказать, свободный вход и выход. Если парню тяжело даются репетиции, он спокойно может оставить это дело. Никто его не осудит.

– Ну, он-то как раз горит этим делом сомнительной идеологической ориентации, – она выразительно посмотрела на меня и с явным нажимом резюмировала: – Именно вы должны запретить ему посещать ваши, как бы это помягче сказать, диссидентские репетиции. Не забывайте, мальчик идет на медаль, ему поступать в МГУ, писать сочинение, которое могут проверять люди других взглядов. Не надо морочить ему голову.

– Не считаю себя вправе запретить взрослому человеку заниматься тем, чем он хочет.

Тогда мы не договорились, а между тем наступали новые времена. На дворе уже был 1985 год. Несмотря на опасения матери, юноша окончил школу с медалью, блестяще поступил в МГУ на сложнейший факультет восточных языков. Через год в свет вышел его первый поэтический сборник, и он был принят в молодежную секцию Союза писателей. Для полноты картины добавлю, что парень успел сняться в эпизодической роли в фильме «Наш бронепоезд». Словом, его жизнь заладилась сразу во всех направлениях. И я искренне радовался тому, как интенсивно взрастают зерна, брошенные школой.

Беда пришла с неожиданной стороны. На пороге кабинета та же, еще недавно суровая, мать. Но сейчас это совсем другой человек. Волосы растрепаны, глаза переполняют слезы, дрожит.

– Что случилось?

– Сын попал в беду. Он арестован. Помогите, на вас вся надежда!

Постепенно из сбивчивого рассказа матери, которая

периодически кляла перестройку, прорыв железного занавеса и тлетворное влияние Запада (эти три компонента, по ее мнению, и привели сына к трагедии), вырисовывалась относительно полная картина.

Место действия Арбат. В начале перестройки он стал чем-то вроде московского Гайд-парка. Там витийствовали политические ораторы, собирались поклонники В. Цоя, выступали молодежные ансамбли. Здесь же наш герой пристроился петь под гитару свои, авторские, песни. Вокруг него неизменно собиралась толпа восторженных слушателей. Однажды в такой толпе оказалась семья американских туристов: папа, мама и красавица дочка. Юная американская леди первой подошла к нашему уличному барду и выразила восхищение. Как помните, у парня не было проблемы с иностранным языком. Завязалась беседа, они начали встречаться. Короче, он влюбился. Позже, в разговоре со мной, он так определил свое состояние: «Я сам себе завидовал!» Но подошел к концу срок пребывания в стране этой американской семьи. Они уехали, но любовь, как известно, не знает границ. Теперь она изливалась в письмах. Зная о литературном таланте нашего героя и его больших способностях к языкам, легко представить себе, как читались за океаном эти послания. Девушка ответила взаимностью и в ответных письмах умоляла его приехать к ним в Америку.

Легко сказать – приехать. А где взять деньги на билет? И парень решил немедленно заняться бизнесом, здесь же, не отходя от Арбата. Он подрядился продавать иностранцам матрешки за доллары. Но уголовная статья о валютных операциях, предусматривавшая строгие наказания, вплоть до высшей меры, тогда еще не была отменена. Она исчезнет из Уголовного кодекса ровно через полгода после описываемых событий.

Парень успел продать всего две матрешки, стоимостью по двадцать долларов каждая, тут же был задержан милицией и препровожден в соседнее отделение. Вот судьба: буквально в течение одного месяца стать членом молодежной секции Союза писателей, увидеть фильм со своим участием, только что вышедший на экраны, и оказаться в кутузке.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали десять тридцать утра. Времени, для того чтобы вытащить парня, оставалось в обрез. Имея достаточный опыт взаимодействия с органами правопорядка, зная их традиционный стиль работы, я понимал, что решение о привлечении к уголовной ответственности на основании составленного протокола будет приниматься не ранее двенадцати часов. Но и не позднее.

Проконсультировавшись по телефону с выпускниками-

юристами (что бы я без них делал?!), я ринулся к месту содержания арестанта. В кармане у меня уже была развернутая характеристика личности подозреваемого с подробным описанием всех его несомненных достоинств и творческих достижений. А также ходатайство о взятии его на поруки и передаче дела в товарищеский суд. Этот хитроумный ход мне подсказали юристы. Сегодня даже пожилые люди с трудом припомнят о существовании этого сугубо общественного органа правосудия. Родился он в начале шестидесятых годов прошлого века при Н. С. Хрущеве. Страна семимильными шагами шла к коммунизму, а при коммунизме, как следует из марксистско-ленинской теории, государство должно отмереть. Его функции, в том числе и судебные, постепенно должны перейти к общественным организациям. Тогда-то и были созданы товарищеские суды: по месту жительства в ЖЭКах, в клубах и на производствах. Рассматривали они преимущественно незначительные правонарушения: мелкое хулиганство, бытовые ссоры, недостойное поведение в пьяном виде и т. п. Максимальная мера наказания, на которую они имели право: штраф и общественное порицание. По мере того как развеивалась иллюзия о быстром построении коммунизма, они постепенно прекращали свою некогда активную деятельность. А к середине восьмидесятых годов их попросту не существовало в природе. Но в действовавшем тогда Уголовном кодексе возможность апелляции к ним сохранилась. Учитывая незначительную сумму незаконной сделки (сорок долларов), за это можно было зацепиться.

Перед тем как войти в кабинет начальника милиции, я для солидности нацепил на грудь все имеющиеся знаки отличия и правительственные награды. Надо же, пригодились! А я-то долгие годы с легкой руки ироничной актрисы Ф. Раневской считал их всего лишь похоронными принадлежностями. Начальник оказался на удивление милым, внимательным человеком.

«Я знал его еще ребенком...» Так, в стиле дореволюционной писательницы Чарской начал я повесть о детстве, отрочестве и юности героя. Не забыл упомянуть о его многообразных дарованиях, с выражением цитировал наиболее удачные стихи, сослался на только что вышедший на экраны фильм, в лицах описал романтическую историю первой любви, которая толкнула парня на преступление закона. Закончил леденящим душу прогнозом: «Человек с такой тонкой нервной организацией в сложившейся ситуации может дойти до суицида. И нам с вами придется за это отвечать». Мое красноречие, видимо, возымело действие. Начальник, осторожно заметив, что не все вопросы

находятся в его прямой компетенции, согласился отпустить парня под подписку о невыезде, предварительно подшив в дело все заготовленные мной ходатайства и характеристики.

В ту ночь он ночевал у меня дома. Об этом попросила меня его мать, которая в такой ситуации уже перестала опасаться моего тлетворного влияния на ребенка. Напротив, она сказала, что ей будет спокойнее, если ее сын, в тревожном ожидании решения своей дальнейшей судьбы, проведет ночь с человеком, которому он бесконечно доверяет. Так неожиданно я удостоился признания своих профессиональных заслуг от коллеги по цеху.

Мы проговорили с ним до утра. В какой-то момент, стремясь отвлечь парня от мрачных мыслей, я пошутил: «А чем, собственно говоря, ты так расстроен. Ты же поэт, а настоящий поэт в России обязательно должен посидеть в тюрьме. Зато после отсидки появится замечательный цикл стихов». Глаза его немедленно наполнились слезами, и я понял, что шутка не прошла.

Судьба была к нему милостива, парень остался на свободе. Ровно через неделю после его счастливого избавления, проходя по Арбату к расположенному неподалеку комитету по образованию, я увидел его с гитарой, распевающим свои новые песни. Благодарные поклонники бросали деньги в шапку. Слава богу, на этот раз в российской валюте. Увидев меня в толпе, он смутился и прервал выступление. Я поманил его пальцем. Он подошел, опустив голову. «Много заработал? Теперь забирай деньги и отправляйся в ближайший магазин. Там купишь самые лучшие духи для женщины юриста, чьим советом мы воспользовались. Диктую ее телефон и адрес. И чтобы я тебя здесь больше не видел!»

Он не сдержал обещания, заработал деньги и все-таки уехал к своей возлюбленной за океан. Там поступил в университет на специальность синолога, получил приличную стипендию. Но на этом его одиссея не закончилась. Как это часто бывает, внезапно вспыхнувшее чувство со временем угасло. Молодые люди расстались. Но судьба вновь повернулась лицом: к нему очень привязались родители девушки. Состоятельные люди, увидев его талант, оплатили обучение в оперной школе. И теперь он гастролирует по Европе. Ходят слухи, что его уже заметили в театре «Ла Скала».

«И милость к падшим призывал»

Воистину «Пушкин – наше все». Казалось бы, уже все грани его гениальности отмечены в бесчисленных исследованиях: Пушкин – поэт, Пушкин – драматург, Пушкин – прозаик, Пушкин – замечательный рисовальщик. Наконец, Пушкин – историк. Но, похоже, пока никто не решился отметить его бесценный вклад в теорию воспитания. В доказательство обращаю внимание на хрестоматийное стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Поражает безупречная последовательность постановки воспитательных задач, где на первом месте (как принято говорить сегодня – приоритетная задача) – пробуждение добрых чувств, без которых вожделенная воля тотчас срывается в своеволие. На втором – прославление свободы, единственного достойного человека способа существования. И наконец, побуждение человека к деятельному добру, к заботе о тех, кому, в силу разных обстоятельств, во сто крат хуже, чем тебе. Недаром в знаменитом дореволюционном тихомировском букваре, выдержавшем 156 изданий, имелся специальный раздел: «Нищета. Сиротство. Сострадание».

Данная триада (по сути, педагогическая формула), на мой взгляд, стоит томов исследований, посвященных проблеме целеполагания в области современного воспитания. Она не теряет актуальности сегодня, ибо что такое «жестокий век» Пушкина в сравнении с «веком-волкодавом» О. Мандельштама?! Впрочем, у нас *«что ни век – то век железный»* (А. Кушнер).

Пробуждение добрых чувств посредством слова и образа – прерогатива искусства, затрагивающего прежде всего эмоциональную сферу. Учитель в идеале тоже может воздействовать на ребенка словом (своим и чужим, когда транслирует образцы высокой культуры), но в его арсенале есть и иное, не менее сильное, проверенное средство: вовлечение растущего человека в деятельное добро.

Ее привела к нам в школу мама, человек известный в мире искусства, одаренная артистическая натура, живущая

напряженной внутренней жизнью, настолько углубленная в экзистенциальные проблемы творчества, что на внешние житейские мелочи ее явно не хватало. Среди мелочей – родная дочь, которая «в семье своей родной казалась девочкой чужой».

– А чего ей, собственно говоря, не хватает? Почти каждый вечер она имеет возможность видеть и слышать таких людей, – далее следовал перечень имен, при одном упоминании которых сразу возникала потребность встать и застыть в почтительном молчании. – Мы ей даже учителя по индийской философии наняли. Согласитесь, все это должно развивать интеллект и обогащать душу.

Между тем как раз с душой у девушки-подростка было явно не в порядке. О чем свидетельствовал обритый наголо череп, выстриженные ресницы, категорический отказ посещать школу и попытка суицида. Про школу и суицид, нервно закурив, сообщила мама, попросив взять дочь под нашу опеку.

– А с чего вы решили, что в новую школу девушка полетит на крыльях?

– В наших кругах у вас хорошая репутация, говорят, что вы все можете, – польстила она директору.

– Без вашей помощи, а главное, безоговорочного доверия мы не справимся.

– Даю слово, – ее слишком быстрое согласие мало обнадеживало.

– В школу я вашу дочь не возьму.

– ?

– Готов зачислить ее в детский сад… На должность помощника воспитателя. А там посмотрим.

Откровенно говоря, нестандартное решение возникло мгновенно. Помог фильм Р. А. Быкова «Чучело». Там главная героиня обривает голову в знак протеста против прямого давления одноклассников. Но психологический прессинг не обязательно осуществляется в одиозных диких формах издевательств, оскорблений и бойкота. Что должна была ощущать тонко чувствующая девушка в присутствии высоколобых интеллектуалов, наводнявших их дом, вслушиваясь в их изысканные беседы? Прежде всего чувство унижения. Почувствовать себя тупой в глазах любимых людей – что может быть больнее в подростковом возрасте? Так, сами того не ведая, именитые гости неуклонно, из недели в неделю, понижали самооценку подростка. Что толку грызть гранит школьных знаний, если ты не отмечен печатью гениальности и все равно никогда не достигнешь такого уровня? Есть от чего прийти в отчаяние в пятнадцать лет. Могут возразить, что маленький

Пушкин воспитывался именно таким способом, впитывая разговоры в салоне дяди Василия Львовича. Но в том-то и дело, что Александр был отмечен печатью гениальности и потому стремительно взрастал на этих дрожжах культуры, а девушка, напротив, закисала. Это ведь как в селекции: для одного цветка высокая концентрация удобрений благотворна, а для другого губительна.

Одного взгляда на девушку было достаточно, чтобы понять: в ближайшие полгода в школу ее не затащишь. Прежде ее необходимо вывести из кризиса, подняв самооценку, для чего подобрать ту среду, где она, во-первых, будет заведомо выше своего непосредственного окружения, а во-вторых, незамедлительно ощутит свою реальную значимость и незаменимость. Работа с малышами в этом смысле – идеальная модель реабилитации девушки с ее проблемами.

К чести мамы (а куда ей, собственно говоря, было деваться?), она согласилась с предложенным решением. Оставалось уладить технические подробности. Никакого юридического права брать на эту должность несовершеннолетнюю девушку и платить ей зарплату я не имел. Поэтому с ее мамой мы вступили в сговор. Мать обязалась ежемесячно приносить мне в конверте причитающуюся дочери зарплату, которая затем выдавалась девушке под роспись в специально изготовленной, по сути дела фиктивной, ведомости.

Только спустя полгода мы повели речь с нашим новым сотрудником о необходимости продолжения образования. За это время отросли пышные волосы и длиннющие, загибающиеся кверху ресницы. В таком виде уже было не стыдно показать себя в любом учебном заведении. Но главное – у девушки действительно прорезался особый дар общения с маленькими детьми. Ей повезло, поскольку в то время наше дошкольное подразделение осваивало новые технологии развития малышей. Поэтому, наряду с выполнением своих рутинных обязанностей (мытье посуды и уборка в группе), помощнику воспитателя приходилось помогать в изготовлении экспериментальных пособий (у девушки неожиданно обнаружились явные способности к рисованию), а также ассистировать педагогам непосредственно в ходе проведения занятий с детьми-дошкольниками. Упоительное это дело – попасть в творческую атмосферу поиска. Затягивает. Поздно вечером, едва ли не последней уходила девушка с работы, валилась дома от усталости, не сильно вникая в дискуссии о проблемах постмодернизма и экзистенциальных основах творчества Камю и Сартра. Так девушка впервые в жизни обрела свое дело и получила право на адекватную высокую самооценку,

ежедневно подтверждаемую благодарностью коллег-педагогов.

Родителям, натурам артистическим, не составляло большого труда ежемесячно разыгрывать сцену радостного удовлетворения в момент получения от дочери честно заработанных денег. В довершение папа, театральный художник, втянулся в творческий процесс изготовления все тех же наглядных пособий, по ночам обсуждая с дочерью педагогические аспекты изобразительного ряда. Разумеется, все детали взаимодействия семьи со школой подробно обсуждались по телефону, но результаты данной педагогической режиссуры не заставили себя ждать. Спустя полгода девушка изъявила желание продолжить обучение, но поставила жесткие условия: в вечерней школе с сохранением места работы. В вечерней так в вечерней. К этому времени девушке уже исполнилось шестнадцать лет, что позволяло по-настоящему оформить ее на работу.

Где она сейчас? Нетрудно догадаться: окончила вечернюю школу, получила педагогическое образование и работает с ВИЧ-инфицированными (!) малышами.

И вновь обращаюсь к пушкинской иерархии воспитательных задач культуры, исполнение которых ставил себе в главную заслугу поэт. Их сегодня категорически отрицает высокомерный постмодернизм с его всепроницающей иронией и моральным релятивизмом. Что с того? Когда приходит беда, ирония не снимает боли. Так уж повелось от века: спасая других, спасаешь себя. Кто же в этой истории падшие: родители, в своем интеллектуальном снобизме чуть было не потерявшие дочь, сама девочка, едва не совершившая непоправимое, или, быть может, без вины виноватые ВИЧ-инфицированные малыши, с которыми ныне работает молодая женщина, с годами оценившая проявленную к ней милость?

«Мне отмщенье, и Аз воздам

Замечательный польский педагог, врач и писатель Януш Корчак записал однажды в дневнике: «Я никому не желаю зла, я просто не знаю, как это делается». Его профессиональная и личная судьба не была безоблачной, а мученический конец – вместе с детьми в газовой камере – придает этим словам особый вес. Изо всех сил, как заклинание, призываю их на помощь, когда встречаюсь с вопиющей несправедливостью, черной неблагодарностью, беспочвенными облыжными обвинениями. Столкновение с низостью каждый раз поднимает в душе черные чувства и мстительные мысли, и тогда на память приходит молитва старого доктора, запечатленная в поэме А. Галича:

Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Все я, Боже, совершил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу: спаси от ненависти,
Мне не причитается она.

Замечу, почти все наиболее испепеляющие конфликты и оставившие тяжелый, неприятный осадок на душе ситуации были связаны не с детьми, а с людьми вполне взрослыми и, как это ни покажется странным, не имели прямого, непосредственного отношения к школьным проблемам обучения и воспитания. Еще более поразительно то, что спустя некоторое время жизнь жестоко наказывала их или ставила в такое положение, когда приходилось расплачиваться за содеянное.

Случилась беда: у учителя в горах погиб взрослый сын-горнолыжник. Все хлопоты, неизбежные в таких скорбных случаях, взяла на себя школа. В те годы доставка «груза 200» с Кавказа еще не была налаженной процедурой. Единственный в сутки рейс, жесточайший дефицит авиабилетов, длинные хвосты в кассы – все это заставило обратиться за помощью к руководителю полетов аэропорта, администратору, облеченному исключительными полномочиями. В такой трагической ситуации, казалось бы, можно было рассчитывать на его сочувствие и помощь. Но не тут-то было. Спокойно, деловито ознакомившись с ходатайством школы, глядя сквозь просителей (особый взгляд чиновника, вершителя человеческих судеб), большой начальник

бесстрастно объяснил, что, в связи с большой сезонной загрузкой авиарейсов, данная просьба невыполнима, и предложил встать в общую очередь, завершив свой отказ сентенцией из неписаного кодекса административной морали: «порядок одинаков для всех».

Спустя всего полгода, в полной парадной авиационной форме, не подозревая, к кому пришел, он появился на пороге кабинета директора школы. Вальяжные манеры уверенного в себе человека, бутылка дорогого импортного коньяка (для первого знакомства) – все эти внешние аксессуары поведения призваны были расположить к удовлетворению его просьбы. Немедленно, взяв быка за рога, по-деловому изложил суть проблемы. Выяснилось, что он живет недалеко, в соседнем квартале, который не относится к микрорайону нашей школы. Сына в буквальном смысле, со слов отца, «затерроризировали» в его школе, предъявляя к нему необоснованные требования. Суть просьбы: перевести мальчика к нам.

Легко вообразив себе вызывающее поведение избалованного отпрыска столь могущественного по тем временам отца, я намекнул.

– А ведь мы знакомы.

– Где, при каких обстоятельствах? Пришлось напомнить те обстоятельства.

– Конечно, где же вам запомнить одного из бесчисленных просителей? Но мы, педагоги, запомнили вас на всю жизнь!

Маска непробиваемой уверенности мгновенно слетела с лица просителя, сменившись растерянностью, переходящей в явный испуг.

– Как вы думаете, с каким настроением учителя будут учить мальчика, чей отец отказал им в таких обстоятельствах? Смогут ли они объективно к нему относиться? Кроме того, дом, в котором вы проживаете, формально не относится к микрорайону нашей школы, а порядок одинаков для всех, – не без удовольствия завершил я этот разговор, отчетливо осознавая в тот момент, насколько не дорос до максимы: возлюби врагов своих.

Я не лукавил, предвидя неизбежные последствия перевода сына, который, разумеется, за отца не в ответе, в нашу школу. Педагоги – живые люди со своими человеческими реакциями, на которые имеют полное право. Кроме того, не стоило упускать редкую возможность дать жизненный урок папе. Возможно, что эта история как-то очеловечит и его. Одним словом, это была не та ситуация, когда следовало проявлять ангельскую терпимость и безграничное великодушие.

Вторая история относится уже к новейшей эпохе, отражая ее нравственный климат и накал политических страстей. Как тут

опять не вспомнить мудрого Я. Корчака, заметившего, что «школа стоит не на Луне». Руководитель школы – фигура общественная. Не случайно встарь людей, занимавших этот пост, причисляли к столпам общества. В относительно спокойные эпохи он может позволить себе роскошь преимущественно заниматься своим прямым делом: воспитанием и обучением детей. Во времена общественных катаклизмов он неизбежно втягивается в бурную воронку политической жизни. Родители учеников, их бабушки и дедушки – это ведь еще и электоральный ресурс. А коль скоро педагоги школы и ее руководитель обладают определенным кредитом доверия, они неизбежно будут востребованы теми или иными конкурирующими политическими силами. Здесь на память невольно приходит цитата из немодного ныне классика:

«Школа вне жизни, вне политики – ложь и лицемерие»

(В.И.Ленин).

В справедливости данного утверждения автор этих строк убеждался каждый раз при наступлении очередной выборной кампании.

В тот год накал страстей достиг своего предела. На кон было поставлено многое, слишком многое, чтобы заинтересованные стороны остались равнодушными к скромной персоне директора школы, по совместительству доверенному лицу одного из претендентов на высокий пост. Мой доверитель обратился с просьбой представлять его на выборах в третий раз. За все предыдущие годы я неоднократно убеждался в деловых качествах этого человека, оказывавшего реальную помощь образованию. Поэтому его очередная просьба не вызвала у меня внутреннего протеста, хотя я полностью отдавал себе отчет в том, с какими могущественными конкурентами придется схлестнуться во время предвыборной гонки.

Прогноз оправдался, и вскоре в моем кабинете появился представитель одной из весьма серьезных структур, он же отец одного из наших учеников. Пришел он с «доверительным» разговором.

– Вы хорошо подумали, когда давали согласие быть доверенным лицом этого кандидата?

– Более чем. Я сознательно иду на это в третий раз.

– Ваш доверитель вызывает большое раздражение в некоторых кругах там. (И он выразительно указал глазами на потолок.)

– Догадываюсь, но я уже дал слово, и не в традициях интеллигенции из боязни неприятностей брать его назад.

– У вас могут быть проблемы, вплоть до запуска компромата.

– Это угроза?

– Что вы, дружеское предупреждение.

Не скрою, что, встретившись с таким проявлением «дружеских» чувств, я сорвался, пойдя на шаг, недопустимый с точки зрения педагогической этики.

– Понимаю, что вы обладаете достаточными ресурсами для того, чтобы опорочить мою репутацию, но не забывайте, что пока судьба вашего ребенка в наших руках!

– Я подумаю.

На том и расстались. Далее все происходило по намеченному сценарию: анонимные угрожающие звонки по телефону, компромат в почтовых ящиках избирателей и т. п. Но сценарий дал сбой, наш кандидат прошел на выборах, а поднявшаяся волна грязи схлынула сама собой за ненадобностью.

Спустя полгода семиклассник, сын нашего «доброжелателя», выкрал у папы пистолет и ради спортивного интереса пострелял в окна физкультурного зала школы, обрушив огромные стекла. Слава богу что при этом никто не пострадал. Инициатором второй встречи был уже я.

С изменившимся лицом входил родитель провинившегося ученика в мой кабинет. Человек военный, он хорошо осознавал уголовную ответственность за халатность, допущенную при хранении боевого оружия, и, разумеется, прекрасно помнил финал предшествующего разговора. В глазах его читались испуг и просьба не раздувать дело, не придавать ему гласности. Теперь репутация и служебная карьера этого человека оказались в моих руках. Откровенно говоря, в сложившейся ситуации папа интересовал меня в последнюю очередь. Назвав сумму нанесенного мальчиком ущерба, я категорически отказался от ее немедленного возмещения и в педагогических целях предложил отцу устроить парня на работу в каникулы, с тем чтобы тот сам заработал эти деньги и возместил нанесенный урон. Никакие иные темы не обсуждались. (Разговор происходил в присутствии мальчика.) Деловое предложение директора встретило полное понимание. Договорились о том, что после каникул отец и сын вместе принесут требуемую сумму.

Вскоре после каникул в актовый зал школы, где я репетировал вместе со старшеклассниками выпускной капустник, вошла стройная, красивая женщина с невероятно бледным лицом. Представившись мамой того самого ученика, она протянула мне деньги.

– Мы так не договаривались. А где же ваш сын и муж?

– Муж погиб неделю назад.

– Как погиб? – невольно вырвался у меня вопрос, совсем не предполагавший выяснение обстоятельств гибели молодого,

сильного, здорового человека.

– Катался на мопеде в нашем дачном поселке, и его случайно сбила машина. (И она вновь протянула пачку денег.)

– Не может быть, в закрытом поселке случайная машина...

Она побледнела еще больше, а я, покраснев от собственной бестактной реакции на случившееся несчастье, отодвинул ее руку.

– Стекла в зале давно вставлены, а с вашим покойным мужем мы договаривались в первую очередь о воспитательном смысле возмещения ущерба. Парень работал, значит – цель достигнута, а деньги оставьте в семье, вам они сейчас нужнее.

Чья духовность «духовнее»?

Он вошел в кабинет в полном облачении и широко перекрестил пространство моего обитания. С достоинством сел на предложенное кресло, а затем вкрадчивым голосом, но твердо предъявил ультиматум: «Моя дочь не будет посещать уроки литературы в тот период, пока там проходят роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Дочка священника не может изучать это евангелие от дьявола. Вы не возражаете?» Последняя фраза была высказана явно из вежливости. Куда там возражать. В памяти вспыхнула провидческая строка из И. Бродского, написанная задолго до нашего религиозного ренессанса: «Вот приходит православный. Говорит, теперь я главный». С одной стороны, он родитель – ему и решать. С другой – сегодня не пришелся ко двору Булгаков, завтра отвергнут Л. Н.Толстого, у которого, как помним, были проблемы с ортодоксией. Что останется тогда от русской культуры? Да и вообще при чем здесь православие? Обскурантизм, иными словами, узость, мракобесие и крайне враждебное отношение к просвещению, не имеющие ничего общего с подлинной верой, возможен в рамках любой конфессии. Но об этом чуть позже. А пока на память пришел ответ другого православного священника, убиенного А. Меня. На вопрос, является ли роман М. Булгакова евангелием от Воланда, он заметил: «Роман имеет к Евангелию весьма отдаленное отношение. Это не трактовка, не интерпретация, а просто другое и о другом. Видимо, Булгаков сделал это сознательно. Его прежде всего интересовала тема человека, «умывающего руки». Это огромная трагическая тема всего XX века. Никогда еще это невинное занятие не принимало столь зловещего характера и таких широких всемирных масштабов». Тем не менее вступать в философско-религиозный диспут со священнослужителем я не стал и дал согласие на временное непосещение его дочерью уроков литературы.

Когда за батюшкой закрылась дверь, я крепко призадумался о том, что же с нами происходит. Да, существует серьезная проблема восстановления утраченной идентичности. Нам всем приходится наращивать корни, искать опору в святынях, без которых не удерживается

«ценностей незыблемая скала»

(О. Мандельштам).

Но почему на этих путях за веру отцов мы чаще всего принимаем их вражду и ненависть друг к другу, а вместо Духа вероучения держимся за букву? Так проще. Но простота хуже

известно чего.

В одной из школ с так называемым этнонациональным компонентом автор этих строк увидел приказ директора, запрещающий изучение сказки «Три поросенка» в начальной школе в силу некошерности персонажей. Некошерным оказался также Колобок, поскольку замешен на сметане. Звучит как анекдот, но, к сожалению, это правда. Спрашивается, кто сам себя загоняет в культурное гетто? В другой гимназии прошел семинар православных физиков, определивший своеобразную педагогическую сверхзадачу: каждый урок физики должен приводить к идее бытия Божьего. Как это корреспондируется с заповедью «не поминай имя Господа Бога своего всуе»? Наконец, не так давно умиленные средства массовой информации сообщили о том, что настоятель одного из монастырей договорился с РАО «ЕЭС России» о божеских ценах на энергоносители для своего богоугодного заведения. Вероятно, само собой разумеется, что для школ и больниц эти цены могут быть безбожными и даже дьявольскими. Воистину не ведаем, что творим! Глупо и бессмысленно спорить о том, чья духовность духовнее. Это прекрасно понимали мученики веры.

Один из них – протестантский пастор Рихард Вурмбрадт, претерпевший издевательства и пытки сначала в фашистской тюрьме, а затем в застенках социалистической Румынии. Его мучения продолжались свыше двух десятилетий! В очередной раз, находясь на краю гибели, пастор записал: «Мы поняли, что число наших конфессий можно было сократить до двух: первой из них стала бы ненависть, которая использует обряды и догмы, чтобы нападать на других. Другая – любовь, которая позволяет очень разным людям познать их единство и братство перед Богом». Протестантскому пастору из сталинских лагерей вторит православный священник Сергий Желудков: «Бог – один. Он всем помогает».

Столкновение цивилизаций: микроуровень

Она ворвалась в кабинет и бросила в лицо директора прямо с порога:

– В вашей школе меня оскорбляют по национальному признаку.

Серьезное обвинение, четкая, отточенная формулировка, слышать которую из уст шестиклассницы было несколько удивительно. Но горящие гневом от ущемленного национального достоинства глаза требовали отмщения. Через пять минут возбудитель национальной розни был препровожден в кабинет директора. Им оказался мальчик Равиль. Имя, по этическим соображениям, изменено, но подозрения в великорусском шовинизме отпали с порога.

– Он назвал меня чеченской террористкой...

Не давая разгораться страстям, сразу приступаю к увещеваниям.

– Как же тебе не стыдно? Вы оба мусульмане, а ты оскорбляешь девушку-единоверку.

– Да, единоверка? А послала меня чисто по-русски.

Картина ясна. Она – рано созревшая южная девушка с округлившимися формами. Он – двенадцатилетний лопушок, в котором пробуждается половой инстинкт. Он ущипнул, она послала (похоже, уже успела укорениться в нашей культуре). Он обозвал. Национальный вопрос, к счастью, здесь совершенно ни при чем. А вот автоматически вырвавшаяся форма оскорбления и мгновенная обостренная реакция «жертвы» – это уже из атмосферы, разлитой в семьях и обществе. Лет двадцать назад вместо «чеченской террористки» она услышала бы банальное: «Дура!» А ее ответ также не претендовал бы на оригинальность: «Сам дурак!» Но школа стоит не на Луне. В чем я еще раз убедился буквально на следующий день.

К началу нового полугодия изменилось расписание занятий. Дело обычное: передвижки уроков по дням, у кого-то из учителей возникают окна, которые они не очень любят. Возбужденная молодая учительница решительно входит в кабинет.

– Ваш завуч ущемляет меня по национальному признаку. Час от часу не легче. Господи, за пять лет совместной работы я и не догадывался, что она татарка. Фамилия русская, оказалось, по мужу.

– В чем же выражаются эти ущемления?

– Она составила расписание, по которому у меня пять окон. Оценив сложившиеся обстоятельства, начинаю неудержимо

хохотать. Понимаю, что веду себя крайне неприлично, но ничего не могу с собой поделать. Успокоившись, делюсь своими впечатлениями с коллегой, и мы смеемся оба. Комизм ситуации заключается в том, что она, татарка, пришла жаловаться мне, еврею, на завуча, украинку, обвиняя ее в великорусском шовинизме. Оказывается, толчком к эмоциональному срыву послужило то обстоятельство, что сегодня утром по пути на работу, на выходе из метро учительницу остановил наряд милиции и тщательно проверил документы, приняв ее за лицо кавказской национальности. А тут еще неудобное расписание…

Нарастание напряженности на почве обострения межэтнических отношений, к сожалению, реальность нашей жизни, естественным образом накладывающая отпечаток на школу и ее обитателей. У меня дома в старом московском дворе, когда дети выходят играть в футбол, складывается такое впечатление, что на матч прибыли команды «Пахтакор» и «Нефчи». На углу дома, усиленно жестикулируя, что-то громко, экспрессивно обсуждают кавказцы. Проходящая мимо старушка, боязливо озираясь и ища во мне сочувствия, полушепотом бросает на ходу: «Ишь разорались. Они уже хозяева Москвы». Сталкиваясь с иной, незнакомой культурной моделью поведения инородцев, она испытывает перед ними безотчетный ужас и свой страх неизбежно передаст внукам. Да что там старушка. Мой приятель, маститый ученый, которого никак нельзя заподозрить в ксенофобии, признался мне недавно в своем грехе. В соседний подъезд заселилась многодетная армянская семья. Дети немедленно вытоптали цветы, которые его супруга любовно высаживала и оберегала. На возмущение академика родители шаловливых детишек спокойно ответили: «А что особенного? Дети должны бегать по траве». «Поверите, – признался мне приятель, – увидев слезы пожилой жены, вложившей душу в этот цветник, я впервые в жизни ощутил в груди глухую ненависть».

Но и в более благополучных странах мы наблюдаем картину демографических сдвигов. Не так давно в норвежской прессе прошла серия публикаций на тему «Дети крадут счастье». Современная европейская женщина, будь то немка или россиянка, как правило, не стремится завести семью с несколькими детьми. Это кажется ей нарушением личного комфорта. Знакомая, проживающая в Карлсруэ, наблюдая свое женское окружение, сделала вывод: немки не хотят иметь больше одного ребенка. Этого вполне достаточно, чтобы почувствовать себя матерью. А коль скоро мужчины хотят иметь больше детей, они женятся на филиппинках. Стремясь сделать карьеру и добиться экономической независимости, европейская женщина

откладывает рождение ребенка вплоть до сорока лет, когда риск произвести на свет нездоровое потомство слишком велик. Демографическая ситуация будет продолжать меняться по нарастающей. И никакие национальные проекты ее кардинально не изменят. Вывод один: необходимо, отбросив страхи и фобии, немедленно налаживать межкультурный диалог в школе и, что особенно важно, на уровне семьи. Убежден, в первую очередь в семьях, на микроуровне, закладываются основы взаимопонимания.

Дети и политика

В какой мере мы имеем право вмешивать детей в политику? При тоталитарных режимах такой вопрос, казалось бы, даже не возникает. Там вся система воспитания предельно идеологизирована, подчинена исключительно политическим целям и чуть ли не с рождения ребенка штампует верных ленинцев, гитлеровцев, маоистов. Мы еще не забыли то время, когда специальные инструкции предписывали, на каком расстоянии от пола в детском саду должны висеть портреты маленького курчавого Ильича. Строго говоря, при жесткой регламентации общественной жизни ни о какой реальной политике, предполагающей столкновение разных точек зрения, борьбу конкурирующих политических сил, речь не идет. Под политическим воспитанием понимается тотальная идеологическая обработка детей и подростков с целью превращения их в послушные орудия режима. Но как быть, если гражданская позиция учителя не совпадает с такими задачами воспитания? В какой мере он имеет право посвящать юношей в свои сомнения и раздумья, толкая тем самым на опасный для их будущей жизни путь сопротивления? Мучительный и до конца не изжитый вопрос отечественной педагогики, за которым шевелятся столетия нашей истории. Молодой Н.Г.Чернышевский, будучи учителем саратовской гимназии, писал своей невесте Ольге Сократовне: «...дорогая, я, скорее всего, не смогу на тебе жениться. Я здесь такие вещи говорю в гимназии, которые пахнут каторгой». Любопытная получается картина. Подводить молодую женщину, предвидя свою будущую судьбу узника, нельзя, а говорить такое восприимчивым подросткам? Он хорошо осознавал, куда их зовет. У большинства его воспитанников по обыкновенным житейским меркам судьба сложилась неудачно: карьера не задалась, имели неприятности с полицией и т. п. Но, с другой стороны, подлинное воспитание не терпит фальши, оно немыслимо без взаимной искренности учителя и ученика.

Так в сознании учителя сталкиваются два чувства ответственности: за будущее конкретного ребенка и за перспективы развития страны, которая никогда не изменится, коль скоро в ней не будут подрастать думающие граждане, остро переживающие за судьбу отечества. В каждом конкретном случае драма этого внутреннего конфликта разрешается по-разному.

Дима был ярким учеником с острым ироничным умом. Он мгновенно раскусил своего учителя истории, улавливая на уроках

не только текст, но и подтекст, чутко реагируя на интонационные паузы, с полуслова понимая тот эзопов язык, которым в те годы приходилось изъясняться с учениками, дабы не дать повода для идеологических доносов. Словом, мы быстро нашли друг друга и подружились. Что немудрено при разнице в возрасте всего в шесть лет. Первоначально воздвигнутая мной стена, предполагавшая дозировку информации и осторожность высказываемых оценок, была проломлена им в одночасье. До позднего вечера в школе и по дороге домой, куда он неизменно провожал своего учителя, мы вели нескончаемые дискуссии на самые острые темы.

Его отец, технократ до мозга костей и большой начальник какого-то оборонного главка, быстро почувствовал неладное. К его чести, он не унизился до доноса, но от греха подальше перевел сына в соседнюю школу, что лишь увеличило тягу юноши к общению со мной. Опасения отца нельзя было назвать беспочвенными. После окончания университета парень эмигрировал в Америку, где быстро сделал карьеру программиста. После развала СССР и последующих катаклизмов его отец, некогда могущественный и уверенный в своих действиях руководитель, вынужден существовать на жалкую пенсию. Фактически его содержит сын из-за океана, куда частенько летает дед, чтобы нянчить внуков. На школу он сегодня не в обиде.

Другой ученик был абсолютной противоположностью Диме. Неторопливый, даже медлительный юноша, родом из деревни на Русском Севере. Его отца перевели с повышением в Москву. Когда парня привели устраивать в школу-новостройку, свободных мест уже практически не было. Проверяя его подготовку, я с нескрываемой иронией указал на то, что в его возрасте стыдно не знать «Грозу» А. Н. Островского. Он клятвенно пообещал ознакомиться с этим шедевром драматургии и свое обещание сдержал. Забегая вперед, скажу, что сегодня этот солидный сорокалетний человек, руководитель крупной строительной фирмы, даст фору многим гуманитариям по части глубочайшего знания отечественной и зарубежной литературы. Мы до сих пор обмениваемся с ним книжными новинками. А тогда...

Его гуманитарная подготовка действительно оставляла желать лучшего, зато недостаток знаний и специальной эрудиции с лихвой компенсировался страстным желанием во всем дойти до самой сути. Переворачивая горы книг, он медленно, но верно шел к поставленной цели, впитывая, как губка, каждое слово учителя. Отсутствие у него столичного лоска и поверхностной игривости ума не позволяли при общении с ним пользоваться известными приемами полунамеков и недоговоренностей. Передо мной был

«архангельский мужик», требовавший прямого, взрослого разговора. И я решился. В тот день мы несколько часов кряду бродили по Бульварному кольцу. К тому моменту у него в результате интенсивного чтения и пристального наблюдения за окружающей жизнью накопилось огромное количество выстраданных вопросов, на которые надо было незамедлительно давать прямые недвусмысленные ответы. И он их получил.

– Вы страшный человек. Выходит, все, что я читаю в учебниках истории, не соответствует правде?

– Кроме учебников, существуют и другие книги.

– Я знаю.

– Думай, сопоставляй, делай самостоятельные выводы.

– Я скоро оканчиваю школу и хотел бы заниматься гуманитарными науками.

– Не советую. Тебе одинаково даются и гуманитарные, и технические дисциплины. Для начала стоит приобрести какую-нибудь положительную специальность, напрямую не связанную с идеологией. А читать книги и углублять свои познания в гуманитарной сфере можно всю жизнь, даже не будучи профессионалом.

– Я подумаю.

Недавно он позвонил, чтобы посоветоваться, в какой московский театр и на какую постановку повести своих партнеров по бизнесу из другого города.

– Веди в ТЮЗ, там выдающийся режиссер Генриетта Яновская недавно поставила «Грозу» Островского.

– Издеваетесь, вспоминая мне грехи молодости?

– Ничуть. Сходите, не пожалеете. На следующий день он перезвонил.

– Вы во второй раз оказались правы.

– Ты имеешь в виду постановку?

– Не только.

Делиться учителю или нет своими взглядами с учащимися – проблема по сей день остается открытой. Весь вопрос в том, что это за взгляды. И сегодня, в условиях относительного плюрализма мнений, я не исключаю ситуации, когда педагог, к примеру, исповедующий злобные националистические взгляды, пользуясь служебным положением, будет навязывать ксенофобию своим доверчивым воспитанникам. Но вот в чем я убежден доподлинно, так это в том, что никогда, ни при каких обстоятельствах мы не имеем права толкать их на прямые действия, чреватые пролитием крови.

4-го марта 1988 года они гурьбой ввалились в директорский кабинет. Пришли посоветоваться (и на том спасибо!).

– Мы приняли решение участвовать в демонстрации в день смерти Сталина.

– Каковы же лозунги?

– Главное требование – установить памятник жертвам культа личности в Москве. Демонстрацию организует «Община» (одна из активных молодежных общественно-политических организаций). (Из даты разговора легко понять, что происходил он до XIX партийной конференции, давшей ответ на вопрос о памятнике жертвам репрессий, а также до принятия Указа о порядке проведения митингов и демонстраций.)

– По-моему, в вашем требовании нет ничего принципиально нового: сейчас об этом много пишут и говорят. Я понимаю, если бы вы вышли с этими лозунгами в эпоху застоя...

По их сожалеющим взглядам я понял, что напрасно привел этот сомнительный аргумент. У них хватило ума понять, что еще несколько лет назад такой разговор был бы в принципе невозможен.

– Так значит, вы против?

– Я против идеи демонстрации.

– Почему вы не хотите понять, что мы стремимся лично участвовать в перестройке? Что через двадцать лет мы расскажем своим детям? Что ждали, когда другие решат за нас важнейшие проблемы времени?

Признаться, их аргументы показались мне достаточно сильными. В отведенные на размышление секунды я напряженно анализировал свое состояние: «Ты, столько лет профессионально занимавшийся проблемой общественно-политической активности молодежи, пугаешься, когда эта активность, самая горячая и искренняя, принимает действенные формы? А вдруг – и даже наверняка – в тебе говорит боязнь административных последствий? Чем еще все кончится завтра – неизвестно, а отвечать тебе? Так, может быть, безнравственно удерживать их в такой ситуации? Благословить на площадь – и дело с концом?

По крайней мере в их глазах не будешь выглядеть перестраховщиком... Думай, ты же историк!»

Сколько потом ни перепроверял себя, задавая людям различных профессий и положений вопрос, как бы они поступили в подобной ситуации, внятного ответа ни от кого не получил. Только одна журналистка, известная своими острыми публицистическими статьями на педагогические темы, выпалила: «Надо было сказать: решайте сами!» Ей легче, на газетных полосах всегда есть возможность постфактум проанализировать неправильные действия школы, милиции, все расставить по своим местам. Я на такой ответ не имел права. Тем более что они

пришли советоваться, т. е., по сути дела, переложить на меня часть ответственности. Стоп, значит, гложет червь сомнения?

– Давайте трезво, профессионально анализировать ситуацию. Мы все еще только учимся демократии. Серьезного накопленного опыта, навыков демократического поведения ни у вас, ни у органов исполнительной власти нет. Большая толпа легко поддается известному эффекту заражения (могу привести ряд исторических примеров). Вполне вероятно, что к демонстрации примкнут хулиганствующие элементы, возможны провокации. Милиция – в основном те же молодые ребята, преимущественно с окраин или взятые на работу из провинции, натренированные на борьбу с преступниками. Четких инструкций, как действовать в таких случаях, у них нет. В ситуации неопределенности любая выходка, выкрики из толпы чреваты эксцессами. Вот почему, как историк и как директор школы, я не могу одобрить ваши намерения и считаю организацию демонстраций в таких условиях преждевременной. Убежден, кроме того, что подобные эксцессы в столице в данных обстоятельствах на руку именно консервативным силам, которые немедленно поставят знак равенства между демократией и распущенностью, анархией...

Озадаченные, они выходили из кабинета. На следующий день я узнал, что двое все-таки были, но лично в демонстрации не участвовали, наблюдали из толпы. В одном месте собравшихся пытались разогнать, в другом молодежь мирно стояла с лозунгами под охраной милиции.

Оказавшись по убеждению на баррикадах у Белого дома в августе 1991 года, я с нескрываемой тревогой наблюдал за мальчишками, ожидавшими вместе с нами начало штурма. Молодости неведом страх смерти. И они, томясь ночью в бездействии, до подхода танков гоняли консервную банку, заменявшую им футбольный мяч. «Как жаль, что сейчас каникулы. Я бы привел сюда всех старшеклассников. Молодые люди должны видеть, как делается история, – восторженно прокомментировал эту сцену мой коллега, директор одной из московских школ». «Дурак! – сорвался я. – Скажи спасибо, что в августе большинство подростков находится вне Москвы».

Посеешь ветер, пожнешь… понимание (история одной полемики)

«Святая наука – расслышать друг друга», постигать которую призывал поэт Б. Окуджава, не просто дается сегодня как взрослым, так и юношеству. Искусство спора по понятным причинам было утрачено в советскую эпоху, а когда в период гласности вспыхнули дискуссии, быстро выяснилось, что полемика у нас сводится, как правило, к взаимной перепалке на уровне коммунальной свары. Казалось бы, истекших двадцати лет свободы было вполне достаточно, чтобы в совершенстве овладеть навыками культурной полемики. Но, включив телевизор – телевизионные программы переполнены сегодня политическими и прочими ток-шоу, – мы по-прежнему наблюдаем публичные схватки злобных недобросовестных оппонентов, не имеющих ни малейшего желания услышать друг друга.

В отечестве нашем так было не всегда. Согласитесь, в девятнадцатом веке трудно представить славянофила Аксакова, занятого поисками компромата на западника Грановского. При самой глубокой, искренней озабоченности поисками исторических путей развития отечества в спорах они добросовестно искали истину, а не стремились любой ценой повергнуть в прах оппонента.

История, о которой пойдет речь, лишь по касательной затронула школьников, но неожиданно для меня самого наполнилась глубоким педагогическим смыслом.

Когда, во время очередного обострения российско-грузинских отношений, в школу пришла грозная телефонограмма, предписывавшая передать списки обучающихся грузинских детей в соответствующие органы, я не выдержал и разразился острой полемической статьей в «Новой газете». Привожу полностью ее текст.

ВРИО интеллигенции

По школам Москвы пошли милицейские проверки: выявляют грузинских детей, чтобы через них обнаружить нелегальных мигрантов. Омерзительность происходящего, что сродни введению печально знаменитого «арийского параграфа» от 7 апреля 1933 года, согласно которому евреи подлежали увольнению с государственной службы и устранению из культурной жизни Германии, не нуждается в комментариях.

Следующий логический шаг известен: введение «Закона о защите крови», запрещающего браки с «неарийцами». К государственным мужам, исполняющим обязанности российской элиты, претензий НИ-КА-КИХ! Это их стиль мышления и уровень понимания проблем государственной безопасности. Но безопасность страны не обеспечивается исключительно быстрыми реакциями на внешние угрозы. Не менее важна безопасность внутренняя, предполагающая профилактику духовных эпидемий и массовых психозов на почве ксенофобии. Тем более в отечестве нашем, где, в силу печального исторического опыта постоянной интоксикации населения ненавистью, подобные реакции впечатаны в генетический код людей. Так что и обычных граждан винить не приходится: они так воспитаны. Таким образом, «верхи» и «низы» у нас проявляют трогательное единство. Даже пройдя чудовищные испытания, большинство граждан по-прежнему не в состоянии изжить в себе представления об идеальном государстве, решающем за нас все проблемы. Потому-то демоны духовного бешенства находятся у нас в постоянной боевой готовности. Их лики известны:

• притязания на абсолютную полноту истины;

• опасное знание того, в чем состоит благо другого; •черно-белая картина мира, предполагающая деление на «своих» и «чужих»;

• идеализация «своих» и демонизация «чужих»;

• нетерпимость, фанатизм и агрессия как главное средство внутреннего сплочения;

• вера в простые, быстрые, окончательные решения сложных проблем истории и культуры;

• возвышенная звонкая риторика, возбуждающая низменные инстинкты и страсти.

Таковы вкратце признаки духовного бешенства, известные каждому интеллигентному человеку, впитавшему в себя опыт истории со всеми ее взлетами к вершинам Духа и срывами в бездну ксенофобии. Вот тут-то мы и подходим к одному из столь же вечных, сколь и болезненных российских вопросов: кто виноват? Ответ, на мой взгляд, очевиден: образованная часть общества, исполняющая обязанности интеллигенции. С обывателя взятки гладки: человек, ведущий рутинную повседневную жизнь, в первую очередь озабоченный постоянным поиском источников существования, не имеет ни сил, ни времени, а главное, должной исторической выучки, позволяющей вырабатывать иммунитет против любых форм одержимости бесом ненависти. Власть не может избежать соблазна воспользоваться столь безотказным инструментом управления, что называется, в силу устройства

органа.

Кто же должен поставить заслон на этом гибельном пути? Совесть нации, ее учителя, под коими подразумеваю не только скромных представителей педагогического сообщества, к которому сам принадлежу, но деятелей культуры, науки, искусства – всех тех, кто способен осознать всю глубину пропасти, в которую добровольно, построившись в колонну по четыре, готовы идти неискушенные люди вслед за державными олухами. Между тем никакого всплеска эмоций по поводу создавшейся ситуации со стороны интеллигенции не наблюдается. Никаких консолидированных действий не предпринимается. Почему так?

Известный деятель Французской революции Шомет за месяц до начала великого террора писал жене: «...учителя, вместо того чтобы просвещать нас, сделали нас дикарями, потому что и сами они дикие люди. Они теперь пожинают и пожнут то, что посеяли. Потому что все это, поверь, моя бедная женушка, окончится ужасно, мы ведь только еще начинаем». По прошествии двух веков, а особенно двадцатого с его пролившимися потоками крови, дикость сегодняшних учителей наций никак не является следствием необразованности, неискушенности и не может быть объяснена отсутствием должного опыта.

Здесь другое. Драма истекшего десятилетия в том, что в стране не осталось безусловных моральных авторитетов, таких людей без страха и упрека, какими в недавнем прошлом были, например, А. Сахаров и Б. Окуджава. При них многое было недопустимо и постыдно. Разумеется, это касалось не всех, но по крайней мере тех, кто относил себя или хотя бы стремился быть причисленным к образованному слою. С уходом из жизни этих знаковых фигур в культуре образовалась никем не восполненная пустота. Произошло это потому, что интеллигенция, которую до конца не сломила даже Лубянка, не выдержала испытания рынком. Нет ни малейшего сомнения в том, что дикость развернутой средствами массовой информации антигрузинской истерии, со всеми ее неизбежными последствиями, осознается большинством интеллектуалов, не утерявших способность к системному анализу. Их верноподданное молчание – свидетельство не изъянов мышления, с ним все в порядке, но показатель дефектов нравственности. Пока в открытый бой, как следовало ожидать, идут одни старики: Д. Гранин, Б. Стругацкий – люди культуры, в чьей исторической памяти сохранилась не только гнетущая атмосфера массовых чисток, но и мужественный поступок Галактиона Табидзе, не побоявшегося в подобных обстоятельствах вступиться за честь Б. Л. Пастернака. И как вступиться: когда в 1959 году к грузинскому поэту пришли в

больницу получить подпись под письмом, осуждающим русского собрата по цеху, он выбросился с балкона.

Здесь мы подходим ко второму и, на мой взгляд, главному вопросу: кого спасать в сложившейся ситуации? Как ни покажется странным, за грузинских детей я относительно спокоен. Из ежедневного общения со многими своими коллегами, директорами московских школ, знаю, что на просьбы милиции выявить детей грузинской национальности они отвечают деликатным, но твердым отказом. Справедливо ссылаясь на то, что в паспорте графы «Национальность» давно не существует, а определять происхождение ребенка по цвету глаз, форме носа и звучанию фамилии не входит в их должностные обязанности.

Пока ответных репрессий в адрес руководителей школ за отказ в сотрудничестве с органами не наблюдается. Скорее всего, развернутая кампания по отлову в школах грузинских детей обернется скверным анекдотом и, как это часто у нас бывало, выдохнется сама собой, но осадок останется. Его химический состав не столь безобиден: отравленная подозрительностью атмосфера, чувство допустимости и дозволенности подобных акций («а чего особенного?») и, наконец, гнетущее ощущение безысходности от отсутствия немедленной консолидированной реакции общества на подобные «мероприятия».

Все это видят вступающие в жизнь поколения и делают свои выводы. Вспоминаю, как год назад в Германии пожилой немец, увидев российских туристов, смело переходивших на красный свет пустынную улицу, прошептал: «Как они могут? Ведь дети смотрят!» Вот и получается, что спасать в сложившейся ситуации необходимо прежде всего российских детей, вне зависимости от их национальности.

Статья многих затронула за живое. Общеизвестно: посеешь ветер – пожнешь бурю. На форуме «Новой газеты» развернулась ожесточенная дискуссия. Какие только обвинения не посыпались в адрес автора статьи, каких только эпитетов он не удостоился, включая «почетное» звание «заслуженный пень всех наук». Бывает, чего только не прочитаешь о себе в Интернете! Понимая, что обижаться не следует, я решил продолжить разговор на страницах газеты. Но, пока я собирался с мыслями и оттачивал формулировки ответов, на форум пришли мои ученики. Честно говоря, я их об этом не просил. Закаленный в боях полемист, я нисколько не нуждался в их помощи, полагая, что втягивать школьников во взрослые разборки – последнее дело. Но форум по щелчку мышки предоставляет слово всем желающим, не спрашивая о возрасте и занимаемом положении. Не буду приводить комплиментарные высказывания своих учеников,

вступившихся за честь и достоинство своего директора. Все они выступили под псевдонимами, что исключает характер мелкого подхалимажа. Но, надо отдать им должное, не без их участия настроение на форуме стало меняться. Тем временем я подготовил в газете развернутый ответ своим оппонентам.

Не рекламная пауза, или Что должна делать интеллигенция, когда остальные кушают твикс.

Взяться за эти заметки меня побудило страстное обсуждение на сайте «Новой газеты» моей статьи «ВРИО интеллигенции» (Новая газета. 2006. № 80). Напомню, речь там шла об отсутствии консолидированной реакции образованного слоя общества на развернувшуюся в СМИ антигрузинскую истерию и неуклюжую попытку силовиков организовать отлов нелегальных мигрантов путем выявления всех без исключения грузинских детей, обучающихся в настоящее время в московских школах. Вывод: люди, которых до конца не сломила далее Лубянка, не выдержали испытания рынком.

Я искренне благодарен всем откликнувшимся на эту публикацию: как тем, кто отнесся к ней сочувственно, равно как и своим беспощадным оппонентам, не пожалевшим для автора резких эпитетов, включая и бранную лексику, весьма прозрачно закамуфлированную компьютерной символикой. Пишу об этом не из уничижения, которое, как известно, паче гордости, и не из стремления продемонстрировать рафинированное салонное воспитание. Куда там, первоначальное развитие, полученное мной в послевоенных переулках Замоскворечья, заставляет с пониманием относиться к ненормативной лексике как к неотъемлемой части нашей культуры. До максимы «возлюби врагов своих», говорю честно, пока не дорос. Здесь другое – живой разговор живых людей, не покрывшихся броней пофигизма. А по нынешним временам, когда большая часть слов провисает, уходит, как в вату, завязавшаяся полемика уже подарок, даже если ее стиль весьма далек от совершенства.

Итак, «зову живых». Заметьте, не мной сказано, а еще в позапрошлом веке А. И. Герценым. Ну вот, сел профессор («заслуженный пень всех наук» – цитата с форума) на своего конька, вознамерившись отгородиться от плебса частоколом цитат. Но что поделать, по странной укоренившейся привычке «живыми» я считаю не только своих, дай им бог доброго здоровья, оппонентов, но и людей, давно ушедших из жизни, оставивших свой живой след в культуре. С ними есть о чем «потрепаться» (в культуре это именуется диалогом с мертвыми). Поверьте, хотя бы

на слово, он чаще интереснее, нежели общение со слесарем из соседнего ЖЭКа, ибо большинство проблем, вокруг которых бьемся нынче в полемике, имеют слишком давнюю историю. А посему дадим и им, давно ушедшим, право поучаствовать в разворачивающейся дискуссии. Обещаю не искать среди них только своих союзников, а порой с их помощью даже усиливать рассерженных оппонентов. Но обо всем по порядку.

Осознавал ли я риски, поднимая проклятую тему особой роли и миссии интеллигенции в отечестве нашем, понимал ли, какие круги пойдут от камня, брошенного в этот омут? Еще бы. Чехов на заре прошлого века: «За обедом оба брата все время рассказывали о самобытности, нетронутости и целости, бранили себя и искали смысла в слове интеллигент» (рассказ «Свистуны»). После этой убийственной чеховской иронии высказывание Александры на сайте: «Я еще ни разу не видела стриптиза интеллигентного человека. Спасибо, что продемонстрировали. Не понравилось» – выглядит ласковым поглаживанием, учитывая растущую популярность и престижность профессии стриптизера и полное исчезновение с эстрады некогда популярного жанра художественного свиста. Стоило ли так подставляться? Если думать только о себе любимом, разумеется, нет. Антон Павлович, не переносивший фальши ложного пафоса, звонкой патетики, так созвучен сегодня настроениям людей, уставших от высоких слов, громких призывов, которые при попытке их реального осуществления каждый раз оборачивались крушением надежд. Но он верил в органическое течение жизни без ее насильственного переустройства, если угодно, в постепенный нравственный прогресс. Об этом наперебой говорят персонажи его пьес. «Завидую внукам и правнукам нашим, которые будут жить в России в 1940 году», – это уже В. Г. Белинский, тоже целиком захваченный идеей достижения неизбежного прогресса, пусть другими средствами, более радикальными.

Но идея эта полностью провалилась в двадцатом столетии. Тонкие, милые чеховские интеллигенты оказались абсолютно не готовы к такому развороту истории. Даже в кошмарном сне они не могли представить себе те потоки крови, что пролились в следующем веке во имя ложных идей. Лишь один Ф. М. Достоевский прозревал грядущее и страшился его. Раскольникову снится, что люди станут бесноватыми.

Новое тысячелетие также дает мало оснований для исторического оптимизма. Сочетание средневекового менталитета с современными боевыми технологиями, наблюдаемое повсеместно, – одного этого уже достаточно для осознания необходимости мобилизации всех культурных

ресурсов. Что, в свою очередь, требует осознания культурной элитой своей ответственности за будущее человечества в условиях ограниченности временного ресурса, отпущенного на поиски ответов на вызовы и угрозы века двадцать первого. Звучит нескромно, отдает пафосом, но от вопроса о месте и роли интеллигенции в таких обстоятельствах не отвертеться.

Другой оппонент, судя по всему, с неплохой исторической памятью на наше недавнее прошлое, заходит на автора этих строк с другой стороны: «Вот представьте себе, лет этак – дцать назад Даниэля с Синявским сажают, а Ямбург выступает с гневной статьей, скажем, в «Литературке»...» Вот за это напоминание отдельное спасибо. Действительно, были в отечестве нашем периоды и пострашнее. Во время суда над писателями я как раз оканчивал среднюю школу, но ловил сквозь глушилки по вражеским голосам скудную информацию об этом процессе. По сравнению с той эпохой мы сегодня живем припеваючи. Ну, упекли одного олигарха и замочили пару десятков (сотен) журналистов, а так терпимо. Все-таки авторитаризм – шаг вперед по сравнению с тоталитаризмом. Тоталитаризм требовал обязательного участия в преступлениях государства всех и каждого, причем непременно с блеском в глазах и показным энтузиазмом. Авторитаризм значительно скромнее: не перечишь власти, и ты свободен во всем, включая сомнительные финансовые схемы. Но ведь и брежневская эпоха в сравнении со сталинской, по известному выражению писателя-диссидента Айхенбаума, относительно вегетарианская. Люди в большинстве своем и там умудрялись приспосабливаться (например, самиздат). Понимая цену власти и соблюдая внешние ритуальные формы ее почитания, делать научную и писательскую карьеру. Чего же сегодня гневить судьбу («трендеть» – выражение с форума)?

Подобное уже происходило в нашей истории. Примечательно, что Н. А. Некрасов, сполна вкусивший прелести вертикали власти Николая I, именно в период великих реформ Александра II, суливших невиданный расцвет и внушавших оптимизм, тем не менее высказался вполне определенно: «Бывали хуже времена, но не было подлее». Так ведь всегда бывает, когда вожделенная свобода даруется свыше: просвещенным монархом или относительно продвинутым генеральным секретарем, а не добывается личными усилиями на протяжении длительного времени, как это было, например, в средневековых европейских коммунах, где сам воздух городов постепенно пропитывался свободой. Именно в таких естественных условиях и происходил одновременный координированный рост свободы и

ответственности личности. Поэтому тысячу раз прав философ и культуролог Г. С. Померанц, когда утверждает: «Свобода – образ жизни мастеров, а не босяков». В случае дарования свободы любые послабления свыше мгновенно открывают шлюзы, в первую очередь хамству. В чем мы убедились в конце восьмидесятых на съездах народных депутатов, когда яркие представители творческой интеллигенции, не смевшие рта открыть при предыдущих генсеках, немедленно принялись дерзить новому лидеру. На это обратил внимание писатель Ю. Корякин, но его, мягко говоря, не поддержали. Здесь мой виртуальный оппонент прав. Такая смелость не дорого стоит. Действительный борец с режимом, А. Д. Сахаров не витийствовал, демонстрируя свое интеллектуальное превосходство над оппонентом, не упражнялся в остроумии, а тихим голосом гнул свое, несмотря на явную агрессивность большинства народных избранников.

На фоне произошедших вскоре тектонических сдвигов – двойного обрушения утопии и империи – стоит ли придавать значение подобным, ныне полузабытым мелочам, относимым по большей части к индивидуальной этике, воспитанию и производному от них стилю поведения отдельных представителей интеллигенции? Как знать, возможно, именно эти «мелочи» предопределили наше неудержимое сползание во всеобщее оподление. Увы, и здесь мы не одиноки. Кое-кому на форуме пришлась не по вкусу моя «бинарная» логика, допускающая прямое сопоставление введения нацистами печально знаменитого «арийского параграфа» 1933 года с зачистками в офисах бизнесменов и деятелей культуры грузинского происхождения.

В 1944 году в одном из предсмертных писем из тюрьмы немецкий теолог и философ Дитрих Бонхёффер, осужденный за участие в попытке покушения на Гитлера, писал (цитата большая, но заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью): «Если у нас недостает мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей. Нахальство, суть которого в игнорировании всех дистанций, существующих между людьми, так же характеризует чернь, как и внутренняя неуверенность; заигрывание с хамом, подлаживание под быдло ведет к собственному оподлению. Где уже не знают, кто кому и чем обязан, где угасло чувство качества человека и сила соблюдать дистанцию, там хаос у порога. Где ради материального благополучия мы миримся с наступающим хамством, там мы уже сдались, там прорвана дамба, и в том месте, где мы поставлены, потоками разливается хаос, причем вина за это ложится на нас. В

иные времена христианство свидетельствовало о равенстве людей, сегодня оно со всей страстью должно выступать за уважение к дистанции между людьми и за внимание к качеству. Подозрения в своекорыстии, основанные на кривотолках, дешевые обвинения в антиобщественных взглядах – ко всему этому надо быть готовым. Это неизбежные придирки черни к порядку. Кто позволяет себе расслабиться, смутить себя, тот не понимает, о чем идет речь, и, вероятно, даже в чем-то заслужил эти попреки. Мы переживаем сейчас процесс общей деградации всех социальных слоев и одновременно присутствуем при рождении новой, аристократической позиции, объединяющей представителей всех до сих пор существовавших слоев общества. Аристократия возникает и существует благодаря жертвенности, мужеству и ясному осознанию того, кто кому и чем обязан, благодаря очевидному требованию подобающего уважения к тому, кто этого заслуживает, а также благодаря столь же принятому уважению как вышестоящих, так и нижестоящих. Главное – это расчистить и высвободить погребенный в глубине души опыт качества, главное – восстановить порядок на основе качества. Качество – заклятый враг омассовления. В социальном отношении это означает отказ от погони за положением в обществе, разрыв со всякого рода культом звезд, непредвзятый взгляд как вверх, так и вниз (особенно при выборе узкого круга друзей), радость от частной, сокровенной жизни, но и мужественное приятие жизни общественной. С позиции культуры опыт качества означает возврат от газет и радио – к книге, от спешки – к досугу и тишине, от рассеяния – к концентрации, от сенсации – к размышлению, от идеала виртуозности – к искусству, от снобизма – к скромности, от недостатка чувства меры – к умеренности. Количественные свойства спорят друг с другом, качественные – друг друга дополняют».

Дитрих Бонхёффер писал эти строки в нацистской Германии, но наступление хамства в истории периодически принимает разнообразные идеологические, политические формы, в том числе и рыночно-демократические. Поэтому и спустя десятилетия призыв расчистить и высвободить погребенный в глубине души опыт качества не теряет своей актуальности.

Как вы думаете, кому адресовал он свое предсмертное письмо? Рабочим, крестьянам, лавочникам или в первую очередь творческому меньшинству, именуемому на Западе интеллектуалами, а у нас интеллигенцией? (В данном случае не будем вдаваться в давний спор об оттенках смыслов этих не вполне совпадающих понятий.) Кто, как ни они, способен и обязан первым осознать необходимость морального

перевооружения?

В приведенной цитате содержится и ответ моим сердитым молодым оппонентам, сторонникам правила «критикуешь – предлагай», которые, наряду с ответом на вопрос «кто виноват?», справедливо требуют ответа на вопрос «что делать?». То самое и делать, что предлагал немецкий философ, а после него, уже в новейшую эпоху, замечательный русский поэт, недавно ушедший от нас В. Корнилов.

Считали: все дело в строе,
И переменили строй,
И стали беднее втрое
И злее, само собой.

Считали: все дело в цели,
И хоть изменили цель,
Она, как была доселе,
За тридевять земель.

Считали: все дело в средствах,
Когда же дошли до средств,
Прибавилось повсеместно
Мошенничества и зверств.

Меняли шило на мыло
И собственность на права,
А необходимо было
Себя поменять сперва.

Сознаю, как фальшиво воспринимаются сегодня, как и в недавнем прошлом, призывы к покаянию и раскаянию. Каждый в глубине души не считает себя самым виноватым.

От биения себя в грудь действительно толку мало. Потому что до раскаяния нужно иметь мужество принять всю правду о себе во всей ее беспощадности. Пусть кто-то сочтет это стриптизом интеллигентного человека. Я называю это необходимой самодиагностикой, без которой невозможно излечение от главной болезни века, имя которой – всеобщее помрачение душ.

Мой приятель, пожилой профессор, человек не с самым большим достатком, по просьбе «Новой газеты» решил перевести деньги на дорогое лекарство, которое срочно требовалось ребенку, погибающему от саркомы глаза. По правилам благотворительные взносы принимаются вне очереди. Тем не менее, понимая, где он живет, знакомый около часа отстоял в

длинной очереди, но все равно получил сполна в местном отделении Сбербанка. Ни один оператор не знал, как правильно провести этот платеж.. Потребовалось вмешательство заведующей. На выяснение порядка проведения этой «сложной» финансовой операции ушло еще около часа. Все это время он буквально спинным мозгом ощущал нарастание раздражения многочисленных клиентов, которым мешал осуществлять коммунальные платежи. Наконец, ненависть к нему прорвалась репликами: «ишь, благородный нашелся», «совесть, видно, не чиста» и т. п. Последний удар нанесла дама, принимавшая перевод: «Небось моему ребенку деньги бы не послали!» И с такими людьми мы вознамерились строить новую Россию? Может, и в этом виноват Чубайс, «у которого уже щеки вываливаются из телевизора» (выражение с форума), олигархи и начальство? «Но обвинять во всех случаях обстоятельства жизни и начальство есть умственная и нравственная лень, рудимент рабской психологии», – это уже из знаменитых «Вех». Сборника, в котором на заре прошлого века собрались «профессора в белых польтах» (продолжаю успешно осваивать лексику оппонентов) и затеяли свое «педагогическое блеяние» все на ту же тему моральной разрухи и грядущих за ней необратимых последствий. Но их голоса не были услышаны, и вскоре белые одежды повсеместно были сменены на кожанки. Эта смена «прикида» ощущается и по сей день.

Не приведет ли добросовестное стремление докапываться до глубинных ментальных причин общего разлада к параличу воли, внутренней эмиграции, высокомерному уходу от насущных земных проблем? Быть может, правы те, кто считает, что единственный выход из создавшегося положения – честно заниматься своим делом: «Не письма надо писать (и не «воззвания Ямбурга»), а работать, стараясь назло государству честно заниматься своим делом. Учитель пусть учит, музыкант играет, ученый пусть изобретает, врач лечит». Отчасти справедливо. Тут я вынужден расшифроваться, указав свое место работы. Ваш покорный слуга не является кабинетным ученым и вот уже тридцать лет тянет воз директора огромной школы, где учатся почти две тысячи детей, со всеми вытекающими практическими обязанностями, пренебрегать которыми не собирается. Но, поверьте на слово, ни уход с головой в профессиональную деятельность, ни исповедование теории «малых дел» не отменяют необходимости ставить перед собой последние вопросы.

На страшную ошибку современного человека, отождествляющего жизнь с деятельностью, указывал протоиерей

А. Шмеман, чьи пронзительно честные дневники опубликованы в России недавно. Ректор академии, руководитель прихода, блистательный лектор, бессменный добросовестный член многих комиссий – словом, бесконечно занятый полезными, осмысленными делами человек пишет: «проклятие труда». Но многие, если не большинство, погружены в бешеную деятельность, потому что боятся остаться лицом к лицу с жизнью, с собой, со смертью. Потому что им скучно, а скука – это царство дьявола. Скучно и страшно – вот они и оглушают себя деятельностью, идеями, идеологией. Но сквозь все в «мире сем» просачивается все та же скука и страх. Тональность нашей культуры: «оптимистическая деятельность со зловонными испарениями страха и скуки». Таким образом, получается, что во всякой деятельности сохраняется необходимость сделать паузу, и не только для того, чтобы скушать твикс.

На сем «заслуженный пень всех наук» прекращает свое «трендение» и предоставляет молодым с их острыми зубами прекрасную возможность погрызть на форуме как его самого, так и брошенные им кости – цитаты.

Опубликовав этот ответ, я ожидал очередного взрыва и приготовился к новым нападкам, но ошибся. Неожиданно тональность форума сменилась, и не последнюю роль в изменении стиля полемики, как уже отмечалось, сыграли мои ученики. В доказательство привожу некоторые высказывания на форуме после второй газетной публикации.

По-моему, и интеллигенция имеется, и с гражданской позицией у нее все в порядке. Если бы было по-другому, то за все эти годы чудесных «реформ» Россия скатилась бы куда ниже и духовно, и как угодно еще. Именно благодаря усилиям отдельных учителей, преподавателей, врачей, военных (да, да, я не оговорился) Россия пока еще жива. Не будь усилий этих самоотверженных людей – подвижников, ничего бы не было: ни медицины, ни науки, ни, извините, культурки, ни образования. Кто-то скажет – да этого ничего и так нет. Возражу: есть. Вот, например, ученики Е. А. Ямбурга. Они есть. И некоторые даже пришли на форум поддержать своего любимого педагога. <…> А вот о свободе и хамстве, пожалуй, поговорить интересно. Но мне, прежде чем вступить в дискуссию по этому нелегкому вопросу, следует в первую очередь извиниться перед Евгением Александровичем Ямбургом за тональность, модальность и лексико-графическое оформление моего первого комментария на статью «ВРИО интеллигенции». Что и делаю. Извиняюсь.

В довершение всей этой истории поздно вечером в мой кабинет вошла интеллигентная женщина средних лет с букетом

роз: «Это вам не за детей, за честные статьи в газете». А после ее ухода я подумал о двух вещах: о том, как тысячу раз прав Г. Померанц, утверждая, что стиль полемики важнее предмета полемики. И о том, стоит ли втягивать юношество во взрослые дискуссии. Может быть, именно это и называется связью школы с жизнью?

Сотворенные истории

В историю можно попасть, а если довести это выражение до смыслового завершения, то попросту влипнуть. Так говорят каждый раз, когда человек по недомыслию или неведению, возможно, не по своей воле попадает в ситуацию, полностью управлять которой не в состоянии. Ситуация в значительной мере управляет им, а он, по мере сил и своего разумения, пытается из нее выпутаться. Когда это удается, человек, вытирая испарину со лба и вздохнув с облегчением, произносит: «Фу ты, на этот раз, кажется, пронесло!»

Педагога подобные положения подстерегают буквально на каждом шагу, даже чаще, чем обычных людей. Ведь никогда не знаешь, что могут выкинуть эти дети в следующую минуту. Поэтому от него требуется поистине вратарская реакция, позволяющая держать на контроле все педагогическое поле, находясь в постоянной готовности к неожиданностям. Удар – и посланный мяч придется вытаскивать из самых неудобных положений. Голкиперской подготовке педагога отчасти посвящена эта книга, которая вполне могла бы носить иное название: «Педагоги и положения». Но даже самая надежная оборона не обеспечивает победы, в лучшем случае она позволяет надеяться на ничью. К счастью, в педагогическом арсенале имеются и наступательные средства, позволяющие не плестись в хвосте событий, но создавать их самим.

Учительство – это тот вид деятельности, который включает большое разнообразие профессий. Педагог поочередно оказывается в роли семейного психотерапевта, искусствоведа, конфликтолога и даже, если потребуется, следователя. Выше я сравнивал его реакцию с реакцией голкипера. Но есть еще две родственные педагогическому труду специальности. Это профессии режиссера и сценариста. Я не имею в виду достаточно распространенную ситуацию, когда учитель пишет сценарий школьного вечера, а затем вместе с детьми осуществляет его постановку на сцене. Хотя и эти навыки не окажутся лишними в подготовке педагога. По большому счету речь идет о другом. Педагог в состоянии стать сорежиссером жизни, выстраивая ее мизансцены в соответствии с собственным сценарным планом. Термин «сорежиссер», на мой взгляд, наиболее точно соответствует месту педагога в решении тонкой, деликатной проблемы – права на вторжение в чужую жизнь. Худо, когда педагог осознает себя неким демиургом, вершителем детских судеб. Он высокомерно считает для себя позволительным

вмешиваться даже в самые интимные сферы, действуя там, как слон в посудной лавке. А как же иначе? Он хочет ребенку только добра, знает, как поступить правильно. В результате – сломанные судьбы, в лучшем случае – психологические травмы, которые потом изживаются десятилетиями. Нет, не о таком грубом насилии над жизнью веду я разговор. Сорежиссер знает свое место, он не считает себя царем, богом и воинским начальником. Тем не менее, чутко улавливая звуки и ритм окружающей жизни, он направляет ее течение по нужному руслу, не смея при этом осуществлять «поворот рек», опасный для души ребенка.

Первая трепетная влюбленность. Парень, не склонный к лицедейству, только из-за нее часами просиживает на занятиях театральной студии. Она явно польщена, но держит фасон, делая вид, что не замечает его восхищения. Оба стремятся к контакту, но не знают, как его осуществить. Во время перерыва репетиции, когда юные актеры побежали в ближайший магазин за едой, подхожу к незадачливому Ромео.

– По-моему, тебе нужны деньги?

– Зачем?

– Ты ведь у нас на репетиции единственный зритель. Так?

– Ну, так.

– А разве ты не видел, как сегодня Ольга работала в главной роли?

– Видел, здорово играла!

– За такую игру зрители дарят актрисам цветы. Поскольку других зрителей нет, придется тебе. Человеку будет приятно. Усвоил?

– Но у меня с собой нет денег.

– Я с этого и начал. Держи деньги и дуй в палатку. Успеешь до конца репетиции. Вручишь букет после окончания генерального прогона.

– Как же я у вас возьму?

– Молча. Отдашь, когда заработаешь в трудовом лагере.

Домой они возвращаются вместе. Чем не срежиссированный эпизод, в реализации которого у постановщика своя прямая и косвенная выгода? Во-первых, мне будет гораздо спокойнее, когда поздним вечером здоровый, крепкий парень проводит девушку до дома. Во-вторых, все присутствовавшие в зале (без малого шестьдесят человек) получили наглядный урок цивилизованного знакомства с противоположным полом. Между прочим, не такая простая проблема, как кажется на первый взгляд. Этому тоже, оказывается, надо учить. Подавляя смущение, подростки в таких ситуациях принимают для храбрости алкоголь. Второй, не менее распространенный способ знакомства – поднести зажигалку к

сигарете девушки. Многие из них признаются, что начали курить исключительно ради облегчения контакта с юношами. А мы, взрослые, потом возмущаемся вульгарным поведением подростков, вспоминая свои благородные ухаживания.

От педагогической режиссуры отдельного эпизода перейдем к постановке целого сценического действия длиной в день. Это день самоуправления, когда все должности в школе, начиная с директора и кончая учителями, замещаются старшеклассниками. Больше всего желающих посидеть в кресле шефа. Почетно, престижно и неутомительно. Так представляют себе молодые люди директорский труд. Что ж, надо создать им соответствующую обстановку для осознания специфики труда администратора в наше время.

Накануне дня самоуправления договариваюсь с пожарниками, СЭС и управой о внеплановом наезде на школу. Узнав о педагогической сверхзадаче акции устрашения, смеются, но соглашаются провести работу со всей строгостью и составлением положенных протоколов. В назначенный день сценарий разворачивается, как по нотам. Волна за волной накатывают проверки. Юная администрация буквально сбивается с ног. Старшеклассник, исполняющий обязанности заместителя по безопасности, вместе с пожарником обследует подвалы всех трех зданий школы. Девушка-десятиклассница (она сегодня ответственная за питание школьников) зависает над компьютером, поскольку бьется над отчетом, который срочно потребовался вышестоящей организации. Все проверки, как и положено, оканчиваются составлением соответствующих протоколов с указанием найденных недостатков. «Разбор полетов» происходит в кабинете директора, но я не вмешиваюсь, предъявляя проверяющим инстанциям приказ по школе о назначении на руководящие должности старшеклассников. С завтрашнего дня я готов взять на себя ответственность. Все происходящее в кабинете фиксирует школьная пресса. Будьте уверены, начинающие журналисты распишут все в красках. Одним словом, сценарий дня удался. О чем свидетельствует всего одна реплика старшеклассника, побывавшего в директорском кресле: «Ну, у вас и работа! Мало не покажется».

Надеюсь, что уже приведенные примеры дают некоторые представления о педагогической режиссуре. Разумеется, все это можно описать в традиционных педагогических и управленческих терминах как организацию жизнедеятельности детей и юношества. Но научные категории, при всей их важности и неоспоримой емкости, не всегда передают тот неуловимый оттенок педагогического труда, который из технологической

плоскости переводит его в творческую ипостась. Между тем именно заражение творчеством, как метод работы, в одинаковой степени присуще и педагогам, и режиссерам. Только на этом пути высекаются подлинные смыслы и ценности педагогики, происходит восхождение на ее вершины. Чтобы зажечь других, надо гореть самому.

Где нет нутра, там не поможешь потом.
Цена таким усильям – медный грош.
Лишь проповеди искренним полетом
Наставник в вере может быть хорош.

(В. Гёте)

Есть существенное отличие созданных или смоделированных педагогом ситуаций от сотворенных. Описанный выше день самоуправления – это, по сути дела, заранее смоделированная деловая игра, где молодые люди были вынуждены вписаться в предложенные (навязанные им педагогом) обстоятельства. Эпизод с преподнесением цветов – ситуация, сотворенная вместе с парнем. Подлинность чувств его собственная, достойная форма их предъявления девушке подсказана педагогом. Как говорят сегодня в рекламе, почувствуйте разницу. В этом эпизоде педагог действует подобно художнику, создающему свои произведения из корешков. Природа уже достаточно поработала над своим материалом. Художнику остается лишь увидеть ее творение и представить на свет божий. Зрители же искренне удивляются тому, как мастер увидел в обыкновенном невзрачном корне переплетенные руки влюбленных.

Но и это еще не высший педагогический пилотаж. Гораздо сложнее разжечь в сердце любовь, которой до поры не было. Нет-нет, я совсем не претендую на лавры графа Калиостро, который утверждал, что вывел некую формулу любви. Интимная сфера, к счастью, не поддается педагогическому управлению. Но влюбить молодых людей в природу, в искусство, включить их в контекст культуры вполне возможно. В этом я не раз убеждался на собственном и чужом опыте. Решение этой сложнейшей педагогической задачи совершенно невозможно без создания ситуаций «со-творчества», «со-творения». На каких педагогических путях создаются эти ситуации?

В отечественной педагогике в последние годы приветствуется проектная деятельность учащихся, поскольку она ставит школьников в исследовательскую позицию, помогает им

приобрести навыки командной работы, учит самостоятельно добывать и обрабатывать информацию. Бесспорно, что это направление организации учебной деятельности надо всячески поощрять и поддерживать. Но я долго думал над тем, что же все-таки, при всех неоспоримых достоинствах этого метода, меня в нем смущает. А беспокоит вот что: подчеркнуто технократический, прагматический подход к формированию личности молодого человека. В современных условиях вполне возможно осуществить любой проект, не выходя из дома. Достаточно научиться ориентироваться в сетях Интернета, овладеть навыками обработки и компоновки информации. В этом как будто бы нет ничего плохого. Напротив, такой подход отражает стиль современной жизни, соответствует ее ускоренному ритму. Но при этом он мало затрагивает эмоциональную сферу личности, не рождает сильной, пропущенной через сердце привязанности к культуре.

По законам менеджмента проект должен иметь строго ограниченные временные рамки, четко определенный состав исполнителей с разграниченными функциональными обязанностями. С позиций управления и бизнеса иначе нельзя: не достигнешь эффективности, не получишь результата. А с педагогических позиций? Как быть, если реализация проекта затягивается на десятилетия, а за это время постоянно меняется состав его исполнителей?

Я веду речь о долгосрочных педагогических проектах, отдачу от которых начинаешь получать спустя годы. Строго говоря, само воспитание ребенка – это долгосрочный педагогический проект с негарантированным результатом. Говорить о его эффективности можно, но ее критерии крайне размыты, оценки субъективны. Тем не менее на житейском уровне мы легко выделяем из окружающих людей деликатного, воспитанного человека. Особенно в последнее время, когда их все меньше и меньше. Внешний облик, манера поведения, ценностные установки – все говорит о том, что этот человек в детстве получил правильное воспитание. «Правильное воспитание» – сегодня архаичное словосочетание, пришедшее к нам из девятнадцатого века. Оно включало и круг чтения, и непременное общение с достойными людьми, являвшими эталоны поведения во всем, начиная со строя речи, кончая манерой одеваться, но прежде всего – привычку жить напряженной духовной жизнью.

Двадцатый век сделал все от него зависящее для искоренения этой редкой породы людей. Начавшееся двадцать первое столетие по-своему продолжило эту истребительную работу в новых рыночных условиях. К счастью, вопреки усилиям

предшествовавшего века, полностью уничтожить таких людей не удалось, они непостижимым образом продолжали воспроизводиться, являя высшие образцы культуры. Во всем: в творчестве, в гражданской позиции, в мудром, несуетном отношении к жизни. Редкие люди, их в пору заносить в Красную книгу. Тем более мы должны открывать юношеству образцы достойного существования. Помогала нам в этом, говоря современным языком, проектная деятельность. Но проект проекту рознь.

Встарь, а точнее, в восьмидесятые годы прошлого века, когда новый термин еще не прижился в отечественной педагогике, успешно развивалась и доказывала свою эффективность теория коллективных творческих дел. По сути дела, она формулировала тот же проектный подход. Но упор делала не на обучение, а на воспитание активного, неравнодушного человека, нацеленного на преобразование своей и окружающей жизни. Во всем остальном (формулирование проблемы, постановка цели, создание команд и т. п.) она вполне отвечала новомодному подходу. В педагогике, как и в искусстве, важны акценты. Да, коллективное творческое дело – это своего рода проект, в который вовлечены десятки, а иногда и сотни ребят. Но проект не ради игры ума, получения нужной информации и развития творческой фантазии школьников. Его важнейшая задача – украшение жизни, преображение самого человека, облагораживание среды его существования. Коллективное творческое дело должно иметь обязательный практический выход, а его реализация должна непременно поднимать дух участников, создавать оптимистичный, радостный настрой. Такого рода проектами я занимаюсь на протяжении всей своей профессиональной жизни.

Этот краткий, надеюсь не утомительный, историко-педагогический экскурс потребовался для того, чтобы прояснить дальнейшее изложение. Напомню, первоначально речь шла о сотворении вместе с детьми воспитывающих ситуаций. Некоторые из наших педагогических проектов растянулись на десятилетия, вошли в стилистику школы, стали определять ее лицо. Их подробное описание не входит в задачу этой книги. Но каждый из них состоит из десятков сотворенных историй, присмотреться к которым имеет смысл. Это как в хорошем фильме, где каждый выстроенный режиссером кадр имеет самостоятельное значение, а все вместе они создают художественное полотно. И еще одно предваряющее эти истории напоминание. Все они создавались с ясно осознаваемой педагогической целью: включить подростков в контекст культуры, дать почувствовать биение ее пульса. Только через чтение книг и просмотр видеорядов это затруднительно.

Тут крайне важны волшебные встречи, пересечения с людьми, уже оставившими свой след в культуре. Простое приглашение выдающихся мастеров в школу для общения с учащимися, конечно, полезно, но, намой взгляд, малопродуктивно. Такое живое общение, разумеется, дает больше, нежели наблюдение за мэтром с экрана телевизора, но все равно оставляет молодого человека в потребительской позиции созерцателя, а не деятеля: «Посмотрим, что ты нам такое расскажешь». Ситуация меняется в корне, когда подросток оказывается в творческой позиции.

Однажды я, не без задней мысли, пригласил в школу замечательного актера В. Татарского. Его блистательный моноспектакль по «Мастеру и Маргарите» проходил в гнетущей тишине. Никто не смеялся даже в самых комичных местах текста. После выступления я пояснил смущенному актеру, что ребята знают это произведение почти наизусть. Через неделю премьера их спектакля по мотивам произведений М. А. Булгакова. Поэтому они наблюдали прежде всего за его актерской работой, им была дана такая установка. Излишне говорить, что зал буквально забросал его вопросами. Так обычный школьный концерт приглашенного чтеца повлек за собой высоко профессиональный заинтересованный разговор о том, как точнее донести слово писателя до аудитории. Замечательный актер и старшеклассники не могли оторваться друг от друга более двух часов, поскольку их объединяла общая высокая цель. Именно такие ситуации я называю сотворенными. Еще важнее, когда молодые люди осознают уникальность поставленной творческой задачи, ее безупречный нравственный посыл и высокое гражданское звучание. Тогда буквально каждая встреча превращается в волшебную.

Волшебные встречи

У Б. Пастернака есть строка, подсказывающая педагогу наилучший путь постижения творчества художника: «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь...» Разумеется, опасно воспринимать поэтическую метафору буквально, ибо за ней целые миры: многообразные и до конца неуловимые смыслы. Но в тот год я сознательно сделал упор на «живой след» в его прямом значении. Позади уже был спектакль, посвященный творчеству М.А. Булгакова, вечер памяти В. Высоцкого. Школьные театралы ждали от меня новой творческой задачи. И тогда я предложил нарушить печальную российскую традицию, сформулированную еще А. С. Пушкиным: «Они любить умеют только мертвых», – и создать спектакль о живом поэте и пригласить его самого на премьеру. Так более двадцати лет назад в школе возникла окуджавская тема, которая общими стараниями не умирает по сей день. Я честно предупредил старшеклассников: будет трудно, этого никто никогда не делал. Отношение к поэту в стране, мягко говоря, неоднозначное. Его любят люди, но не сильно приветствуют власти.

Легко сказать, создать спектакль о жизни и творчестве живого и здравствующего поэта. Его произведения хотя и опубликованы в разных книгах и журналах, но полного издания нет. А где взять биографические материалы? Монографии с жизнеописанием выходят в соответствии с той же грустной традицией лишь после ухода мастера из жизни. Делать нечего, придется в буквальном смысле слова идти по живому следу художника, встречаться с теми людьми, судьба которых в разное время пересекалась с судьбой поэта, восстанавливая шаг за шагом его жизненный путь. Благо, что многие из них пока еще живы.

Записать их рассказы важно не только для подготовки сценария, но еще в большей степени для сохранения истории культуры. Придет время, и эти записи станут бесценными. Многие из тех, с кем предстоит встречаться, сами являются гордостью российской культуры. Ловите каждое их слово, подмечайте буквально все: детали интерьера кабинета, манеру речи, форму общения. Уверяю вас, спустя десятилетия вы с гордостью будете рассказывать своим детям об этих волшебных встречах. Но к ним нужно подготовиться. Неприлично входить в дом, ничего не зная о его хозяине, не будучи знакомым с его произведениями. Кроме того, творческая перекличка товарищей по поэтическому цеху – распространенное явление в культуре. У Б. Окуджавы есть стихи с посвящением своим собратьям по перу.

В свою очередь, и они не остались в долгу. Такие художественные пересечения не менее интересны, чем реальные, происходившие в жизни встречи, ибо биографии поэтов – это прежде всего их творчество.

Говоря все это, я не лукавил, не проводил «воспитательный момент», я так чувствовал и страшно волновался, отчетливо осознавая, за что мы беремся. И это искреннее переживание за успех нашего общего дела передалось ребятам. Так была заложена основа целой череды сотворенных историй. Каждая из них стала яркой, незабываемой страницей в биографии самих старшеклассников.

Прежде всего мы обратились к Л. А. Шилову, главному хранителю звучащих голосов писателей в Литературном музее. Об этом выдающемся человеке речь впереди. Он достоин отдельного рассказа. Лев Алексеевич горячо поддержал нашу идею, снабдив нас адресами и телефонами тех писателей и деятелей культуры, кто мог оказать помощь в нашем общем деле. Общим он назвал его не случайно, поскольку мы условились о том, что после завершения работы записи интервью и фотографии, сделанные во время встреч, будут отданы на хранение в Литературный музей. Услышав это предложение из уст профессионального архивиста, старшеклассники убедились в огромной значимости своего будущего труда, в его подлинной исторической ценности.

И началась напряженная работа. Имя Б. Окуджавы, как волшебная палочка, открывало нам все двери. Нас буквально передавали по эстафете от человека к человеку. Увлекательное это дело – писать историю культуры по живым следам, когда прямо перед тобой участники реального литературного процесса. Но самое главное, старшеклассники получили редкую возможность полными легкими вдыхать чистый воздух культуры, еще не отягощенный архивной пылью. Со временем они полюбят и этот терпкий аромат истории, но только тогда, когда сами приложат руку к пополнению хранилищ Литературного музея. Не все сразу. А пока одна волшебная встреча сменялась другой. Подробное их описание выходит за рамки книги. Сосредоточусь лишь на педагогических деталях некоторых из этих сотворенных историй.

Мы в гостях у поэтессы Нины Белосинской. Она вместе с Б. Окуджавой в начале пятидесятых годов прошлого века входила в знаменитое литературное объединение «Магистраль». Там же начинала свой творческий путь молодая Б. Ахмадулина. Так получилось, что в этот раз брать интервью пришли одни барышни. Рассаживаемся, готовимся записывать. Но «поэт

издалека заводит речь» (М. Цветаева).

И действительно, бросив лукавый взгляд на юных девушек, мудрая женщина заводит разговор совсем не об истоках литературного творчества интересующего нас автора. «Вам сегодня шестнадцать. Скоро, очень скоро вы влюбитесь. И вам захочется, чтобы ваш избранник пел и играл на гитаре, как Окуджава. А он по вечерам собирает лодку в пыльном подвале, это его любимое занятие. Любимое, но очень вредное, потому что у него астма. И лучше бы заняться чем-то другим. Так вот, если хотите быть счастливыми, идите к нему и собирайте вместе его лодку. И не требуйте, чтобы он пел, как Окуджава». Девушки замерли, а я подумал о том, что на моих глазах родился новый предмет, который никогда не будет преподаваться в школе: методология счастья. А жаль!

В квартире Н. Я. Эйдельмана, замечательного историка и пушкиниста, набились преимущественно парни. Яркий, колоритный человек, потрясающий рассказчик, он широким жестом обвел нашу толпу и представил ее супруге: «Окуджавия!» Так мы неожиданно с порога удостоились почетного титула.

«Окуджава и история? Замечательная тема. Вот я профессионал, сижу в архивах, изучаю документы. Но вы знаете, я с ним советуюсь. У меня такое впечатление, что он там жил, в девятнадцатом веке. Да он и сам история. Его любит слушать моя мама, а она родилась в прошлом веке, слушаю я, и обожает моя дочь, которая будет жить, как и вы, в двадцать первом столетии. Представляете, его почитатели – люди, принадлежащие трем столетиям. А вообще занятия историей – замечательный способ продления собственной жизни. Не понятно? Продлевать жизнь в будущее бесконечно – нельзя. Есть естественные границы каждой жизни. Зато никто не мешает удлинять свою жизнь в прошлое. У меня уже такое ощущение, что я лично знал Лунина, Герцена и их друзей. Они как близкие знакомые. В сущности, все это было так недавно. Вот я, например, был знаком с одним из праправнуков Пушкина, он жал мне руку, а ему – отец, отцу – дед. Между мной и великим поэтом всего три поколения. Представляете, можно считать, что я связан с Пушкиным всего через три рукопожатия!»

Когда мы вышли из квартиры знаменитого историка, один из моих юных попутчиков произнес: «Впечатлений на двадцать лет жизни!» Сегодня ему уже за сорок. А его жена, тоже наша бывшая ученица, работает учителем у нас в школе.

И был вечер, и приехал Булат Окуджава. В финале спектакля он поднялся на сцену. Старая магнитофонная пленка сохранила его обращение к ребятам:

Я совершенно поражен. У меня такое ощущение, что это не

обо мне все… Оказывается, я не так уж мало понаписал… И когда я искал дорогу к этой школе, я никак не представлял, что такой уровень может быть. Я очень признателен вам всем. Всем организаторам этого дела, вашему горению, вашему доверию ко мне. Мне очень лестно это… Сейчас мне просто трудно подбирать слова, соответствующие моему состоянию и вашему труду. Но когда-нибудь я найду, очевидно, слова, и вы узнаете, что я прочувствовал и продумал за эти два часа. Спасибо вам большое.

Так вместе с ребятами мы прикоснулись к истории, а она отметила наше в ней присутствие. Но на том памятном вечере череда событий не прервалась. Их связующую нить можно проследить вплоть до сегодняшнего дня. На дворе 2007 год. Мы готовимся к открытию памятника Б. Окуджаве на площади перед школой. Мы – это педагоги, школьники и их родители, наши бывшие ученики, участники того памятного спектакля. Ну, конечно, ученики художественно-графических классов уже побывали в мастерской автора памятника, замечательного скульптора Георгия Франгуляна. Идут вечера, встречи… Творятся новые истории. Некоторые из них полны драматизма.

Звонок из Переделкино, из музея Б. Окуджавы. Предлагают выступить на вечере памяти поэта. Это высокая честь. В Концертном зале им. П. И. Чайковского соберутся две тысячи человек, цвет московской интеллигенции. Среди выступающих – выдающиеся актеры и музыканты: А. Баталов, Т. Доронина, О. Табаков, Е. Камбурова, А. Макаревич и др. Вечер ведет знаменитый писатель и друг поэта В. Аксенов. Среди этого созвездия мы – единственные не профессионалы. Страшно, но соглашаюсь. Подбираем репертуар, старшеклассники начинают готовиться. И тут, как назло, у меня две подряд научные командировки, которые невозможно отменить. Спустя две недели, прямо из аэропорта спешу в репетиционный зал и немедленно получаю шок. Пока меня не было, ребята проявили творческую инициативу и поменяли репертуар. Им страшно захотелось исполнить песни из знаменитого спектакля театра «Современник» «Вкус черешни», слова и музыка которых принадлежат Б. Окуджаве. Слов нет, песни красивые, но сам поэт их не исполнял, на дисках их нет. Старшеклассники скачали мелодии из Интернета. В Интернете ведь есть все, чего ни пожелаешь. Но, увы, скачанные мелодии оказались фальшивыми, лишь отдаленно напоминающими оригинал.

Еще через полчаса звонок из Переделкино. Вдова поэта, Ольга Владимировна Окуджава, хочет сегодня вечером прослушать наш номер. До концерта остается всего два дня. С тяжелым сердцем, не глядя друг на друга, едем на просмотр. Чуда

не происходит, показ проваливается. Я первым прерываю тягостное молчание, установившееся после выступления: «Моя вина. Ольга Владимировна, это показывать нельзя, номер надо снимать». Глаза солисток переполняются слезами. Легко сказать, снимать. Вся Москва уже обклеена афишами, где среди плеяды звезд черным по белому написано: Центр образования № 109, школа Е. Ямбурга.

Мудрая женщина принимает свое решение: «Сейчас мы все вместе поедем в одно место». Ночью приезжаем в квартиру, где живет сын поэта, Булат Булатович Окуджава, у него дома уникальный архив. Он включает компьютер, и я замираю от неожиданности. Перед нами уникальные кадры. Оказывается, во время репетиции спектакля «Вкус черешни» кто-то догадался поставить кинокамеру. За роялем (!) Булат Окуджава. Он учит петь свои песни молодого О. Даля, юного О. Табакова. У них ничего не получается. На сцену выходит сам режиссер О. Ефремов, тоже безуспешно пытается петь. Все смеются. Тогда Булат Шалвович сам исполняет все от начала до конца. Скачиваем с компьютера подлинные мелодии, обещаем приложить все силы, дабы поправить ситуацию. На обратном пути в автобусе обращаюсь к ребятам: «Вы, надеюсь, понимаете, какие уникальные кадры сейчас видели? И хотя вы самонадеянные нахалы, но, с другой стороны, только благодаря вашему провалу я имел счастье увидеть это чудо». Начиная со следующего утра (воскресенье), почти сутки юные актеры не выходят из зала.

День выступления. Концерт начинается в девятнадцать часов, но уже с одиннадцати мы репетируем в Концертном зале Чайковского, шлифуя свой номер. Когда объявляют их выход, я буквально замираю от страха, покрываясь красными пятнами. Вперед выходит один из солистов: «Мы исполним песни из спектакля, которого не видели, потому что опоздали родиться». Если быть точными, то опоздали родиться и их родители. Спектакль 1962 года. Зал реагирует добрым смехом. Поют они действительно замечательно. Безукоризненно звучат партии саксофона, рояля, гитар. Зал взрывается долго не смолкающими аплодисментами. Это, помимо приличного исполнения, выглядит очень трогательно. Среди присутствующих в зале по большей части люди, которые не опоздали родиться и своими собственными глазами видели тот знаменитый спектакль. А через неделю на адрес школы пришло письмо.

Суетливое и вместе с тем равнодушное и циничное время. И мы теряем, теряем. Теряем друг друга, теряем

любовь, благородство, искренность, бескорыстную дружбу...

И посреди этого – зал Чайковского, 11 ноября. Когда собрались достойные, когда, пожертвовав своим временем, послужили доброму делу и для бедной интеллигенции в честь ее последнего певца устроили замечательный праздник.

От всей души благодарим! И спасибо вам, ребята, за ваш маленький подвиг!

От фонда Окуджавы
ваша Ольга Окуджава.

К письму была приложена книжка поэта «Ах ты, шарик голубой». Подлинник письма занял свое место в школьном музее, а копии были розданы всем участникам этой драматической и одновременно вдохновляющей истории с наказом: хранить вечно в семейных альбомах.

Своя череда сотворенных историй связана с именем ныне живущего писателя А. И. Приставкина, автора пронзительной повести «Ночевала тучка золотая». Способ их сотворения все тот же: творческое, непосредственное погружение школьников в историко-культурный процесс. Поэтому, пропуская большую цепь событий, опишу финал, в котором просматривается вся предварительная работа. Как автор сценария и режиссер, я, разумеется, субъективен, поэтому сошлюсь на свидетельство объективного наблюдателя.

В битком набитом зале стояла тишина, которая дороже шумных аплодисментов. Зрители напряженно следили за судьбой детдомовских братьев Кузьменышей и их сверстников – голодных, раздетых, обойденных заботой и лаской. На сцене юные герои, одетые бог весть во что, привезенные бог знает куда, скандировали: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» А со стен зала смотрели на нас увеличенные фотографии «отца народов», «любимого друга всех детей», прижимающего к себе светлые и темные детские головки.

На одном снимке Сталин, улыбаясь в усы, держит на руках маленькую девочку с букетом цветов. Это Геля Маркизова, дочь наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР Ардана Маркизова. В 1936 году, во время приема руководителями партии и правительства трудящихся Бурят-Монгольской АССР, шестилетняя Геля преподнесла цветы Сталину, и он взял ее на руки. Этот момент был запечатлен на снимках, стал плакатом.

Отца Гели наградили тогда орденом Трудового Красного Знамени, а вскоре арестовали и расстреляли. Мать тоже погибла. Геля, оставшись сиротой, долго жила в нищете и безвестности.

...Плакала в зале миниатюрная женщина с восточным разрезом глаз – Геля Маркизова. После спектакля поднялся на сцену автор «Тучки...» Анатолий Приставкин. Говорил он прерывисто, глотая слова, делая паузы, – ему мешали слезы, и он их не стеснялся. Писатель благодарил ребят не столько за правдивое (первое в стране!) воплощение своей повести, сколько за верное понимание ее. Тема, которая поднята в спектакле, перестала быть запретной, но остается взрывоопасной. Сколько лет мы твердили о неколебимой дружбе народов, о победившем интернационализме и стыдливо замолкали при упоминании о судьбе немцев Поволжья, чеченцев, ингушей, калмыков...

Закрывать глаза на национальные проблемы преступно, полуправда не менее вредна и может обернуться трагедией – об этом говорил режиссер киностудии им. М. Горького Саламбек Мамилов, который приступает к работе над фильмом по повести Приставкина. Ингуш по национальности, он ребенком был отправлен в ссылку, где пробыл четырнадцать лет. Спас его от верной гибели март 1953 года.

Даже сейчас, весной 1988 года, сценарий с трудом пробивает себе дорогу. Бесконечные вопросы – «а надо ли?», «а поймут ли?», «а ко времени ли?» – стоят на пути к съемкам. Еще бытует негласное мнение, что нравственность ребят, их мышление надо взращивать исключительно на положительных примерах, а драматические моменты нашей истории... ну были, но зачем ворошить старое? Какое заблуждение! Воспитывать юные души можно только правдой, какой бы суровой и тяжелой она ни была. Ребята все знают, все понимают – уровень их информированности достаточно высок, зачем же с ними в бирюльки играть? Если мы, взрослые, хотим, чтобы наши дети нам верили, то должны честно и откровенно разговаривать с ними.

Так писала журналист Е. Зонина в газете «Советская культура» через неделю после премьеры спектакля.

Завершая рассказ о сотворенных историях, я в который раз подчеркиваю их отличие от тех, которые нам в обилии подбрасывает жизнь. Конечно, педагогику можно и нужно высекать и из житейских коллизий, очищая их от вредных примесей страстей человеческих: злобы, ненависти, зависти, непомерного тщеславия и т. п. Сотворенные же истории – беспримесны и потому они высшей педагогической пробы.

И последнее замечание. Теперь, когда позади уже более

тридцати лет работы в одной школе, нередко приходится слышать, что представленный опыт не воспроизводим. Маститому директору с такими связями открываются все двери. А что делать нам? Кто будет с нами разговаривать? Отвечаю со всей определенностью. Поп-звезды и кумиры толпы недосягаемы. Но они нам и не нужны. Подлинные деятели культуры, болеющие душой за будущее страны, всегда открыты для общения с юношеством. Что же касается волшебных встреч, то много лет назад в беседе с историком Н. Я. Эйдельманом я как-то не смог сдержать своих чувств: «Просто не верю своему счастью. Я, директор обычной московской школы, познакомился с вами, с Булатом Окуджавой». Он ответил предельно кратко: «Евгений Александрович, каждый в своей жизни должен познакомиться с тем, с кем должен познакомиться».

УЧИТЕЛЯ

Странные люди

Учитель всего-навсего человек, и ничто человеческое... Разные бывают педагоги: талантливые и с более скромными дарованиями, открытые, добросердечные и холодные ремесленники. Что ни говори, но учитель – профессия массовая. Претенденты на эту роль не проходят кастинг. Уровень будущих гонораров исключает возможность его организации. Но в последнее время в фокусе внимания средств массовой информации оказываются либо педагогические монстры, издевающиеся над детьми и доводящие их до суицида, либо, напротив, жалкие, униженные учителя, становящиеся легкими жертвами своих озверевших учеников. Таким образом, если судить по СМИ, вся сложная палитра школьной жизни сводится к схеме «палач – жертва», где учитель и ученик, в силу разных обстоятельств, лишь периодически меняются местами. Между тем это далеко не так. Не имея намерения любой ценой защитить честь мундира, убежден в том, что подавляющее большинство представителей нашего цеха – подвижники, люди без страха и упрека.

Мне посчастливилось участвовать в последней телепередаче с Зиновием Ефимовичем Гердтом. Было это за месяц до смерти великого актера. Он, безусловно, понимал, что уходит. Но в импровизированной студии на втором этаже его дачи, где шла съемка, блистал остроумием, энергией, превозмогая дикие боли. После завершения съемки, вероятно прочитав в моих глазах немой вопрос-восхищение, он заметил: «Учитель и актер – не профессии. Это предназначение!» Подтверждения мудрого взгляда покойного актера на сокровенную суть нашего ремесла получаю постоянно...

Одинокой тридцатипятилетней учительнице, наконец, повезло: в нее влюбился удачливый бизнесмен, вдовец. Строго говоря, первым в учительницу и ее предмет влюбился сын, а затем подтянулся и папа. Желая завоевать расположение любимой, он привел ее в ювелирный магазин и предложил выбрать по вкусу кольцо с брильянтом. После минутного замешательства, потупив глаза, она произнесла: «А можно компьютер для кабинета истории?..»

Директор школы в небольшом поселке Центральной России. Летом ему необходимо было подготовить школу к новому учебному году, а на ремонт выделили всего три тысячи рублей. Денег на краску катастрофически не хватало. Тогда вдвоем с женой, учительницей этой же школы, они собрали смородину с

пришкольного участка, продали на рынке и выручили еще две тысячи. Но и этого оказалось недостаточно. На помощь пришли старшеклассники. Выслушав их финансовый проект, сгорая от стыда, пожилой директор опустил голову, но не нашел в себе сил его отвергнуть. Подростки собрали пустые бутылки со всего поселка, отмыли их и сдали в пункт приема стеклотары, выручив еще три тысячи рублей. Так общими усилиями школу привели в порядок. В конце лета высокая комиссия, написав замечания, поставила свою драгоценную подпись под актом приемки школы…

Мы были знакомы со студенческих лет, хотя и учились на разных факультетах. После окончания вуза наши пути разошлись. Борис Алексеевич Меркулов стал, можно без преувеличения сказать, великим учителем биологии. Автор прекрасного учебника, великолепный рассказчик, неутомимый путешественник, он умел влюблять детей в свой предмет. Свой первый урок в новых биологических классах он обычно начинал так: «Я не уверен, что все вы будете биологами, но каждый из вас станет мамой или папой. И вы все должны быть готовы ответить на тысячи вопросов своих детей». За десятилетия работы в 199 школе Москвы он так по-настоящему ни разу и не был в отпуске. Обычно лето со своими воспитанниками он проводил в заповедниках, заказниках, полевых экспедициях. Большую часть жизни с женой и ребенком прожил в полуподвальной комнате московской коммуналки на улице Нагорной, где нажил легочное заболевание. И лишь за четыре месяца до смерти въехал в трехкомнатную квартиру.

На взлете своей педагогической карьеры, в сорок семь лет, полный замыслов, планов и грандиозных проектов, Борис узнал, что смертельно болен.

С директором его школы Марией Андреевной Комлевой мы пришли к нему в больницу, по сути дела, – прощаться. Болезнь развивалась стремительно, и он, биолог по образованию, это отчетливо осознавал.

С самого начала тональность разговору задал Борис. Ее можно определить как веселье духа. Шутки, приколы, студенческие воспоминания перемежались с педагогическими байками, смешными эпизодами уроков, курьезами, которыми столь богата школьная жизнь. Я немедленно включился в эту привычную со студенческих лет стихию. Перед его пожилым директором мы разыграли студенческий капустник. Так он мастерски срежиссировал свое прощание и ее утешение. И лишь перед нашим уходом из больницы он придержал меня за плечо и, глядя прямо в глаза, произнес: «Об одном сожалею: в

одиннадцатом классе не успел дать две важные темы. А ребятам в институт поступать».

Спустя год после смерти Бориса выпускники издали его поэтический сборник.

А я люблю, чтоб от порога даль,
И ветры развевали легкий парус,
И, горизонта разгоняя даль,
Дорога ближе к Богу поднималась.

Таинственный монах

Он стал преподавать у нас в школе в конце восьмидесятых, когда в стране внезапно повеяло воздухом свободы. Потертый пиджачок, русая бородка, абсолютно немодные очки в дешевой пластмассовой оправе, сквозь которые просматривались невероятно добрые, умные глаза. В качестве учителя мне порекомендовал его священник Александр Мень, дав будущему педагогу высшую из его уст характеристику: «Дело знает!» Звали учителя Андреем Николаевичем, но это в миру. При пострижении он был наречен иным именем. Так в нашей школе появился таинственный монах.

В те годы появление в детском учреждении священника в церковном облачении было чревато идеологическим скандалом с далеко идущими последствиями. Но в такой вызывающей демонстрации не было большой необходимости. Андрей Николаевич (будем называть его мирским именем), подобно своему учителю отцу Александру, никогда не смешивал жанры, не путал церковь со школой, проповедь с амвона с лекцией и уроком. Глубоко религиозный человек, он имел за плечами классическое филологическое образование. В свои тридцать пять лет в совершенстве владел четырьмя современными европейскими языками и тремя древними. В специализированных гуманитарных классах он вел курсы «Великие книги человечества» (Библия, Коран, Трипитака, Веды) и «Русская религиозная философия Серебряного века». Желающие могли изучать с ним факультативно древнегреческий и латинский языки.

Врожденный такт и деликатность позволили начинающему преподавателю найти верный исповедальный тон в обсуждении с подростками сокровенных вопросов бытия. Никакого нажима, ни малейшей попытки навязать собственное православное миросозерцание в школе, где обучаются дети разных национальностей, чьи родители принадлежат к разным конфессиям. Духовность учителя не декларировалась, но сквозила во всем: в манере поведения, ощущалась в какой-то неуловимой магии общения с классом, но прежде всего просвечивала благодаря глубине и одновременной доступности изложения сложнейших мировоззренческих проблем. Словом, в его лице школа приобрела бесценный клад – человека, чей масштаб личности, можно сказать без преувеличения, сопоставим с интеллигентами Серебряного века.

Слух о необычном преподавателе быстро разнесся по школе.

Он оказался востребованным не только в специализированных гуманитарных классах, но и в общеобразовательных и даже коррекционных. Почему бы и нет? Ведь в Евангелии Учитель обращался в первую очередь не к высоколобым интеллектуалам, а к самым обычным людям: рыбакам, плотникам, виноградарям. Как известно, фарисеи и книжники, для которых буква была выше Духа, встретили Благую весть в штыки. Руководствуясь данными соображениями, мы пошли на эксперимент, расширив количество классов, в которых преподавались основы мировых религий. Но одно дело нести Слово в мотивированных гуманитарных классах, и совсем другое – обуздать общеобразовательную вольницу. Ах, если бы сбылась мечта Агафьи Тихоновны, и «губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича», что в переводе на педагогическую ситуацию означает: было бы славно, коль скоро в одном преподавателе могли сочетаться высокий интеллект, деликатность и хватка сержанта сверхсрочной службы, позволяющая мгновенно справиться с любым нарушителем дисциплины. Но Андрей Николаевич, при всех его неоспоримых достоинствах, не обладал одним неотъемлемым профессиональным педагогическим качеством: никогда и ни при каких обстоятельствах он не мог ни на кого повысить голос. На уроках, раскрыв рты, его слушали пять-шесть человек на первых партах, остальным в нарастающем шуме с этого пиршества мудрости не доставалось ни крошки.

Для исправления создавшегося тревожного положения решено было пустить в ход административный ресурс. Иными словами, так спланировать работу администрации школы, чтобы на задней парте на каждом уроке у нашего златоуста обязательно сидел кто-то из волкодавов: директор или один из его заместителей, обеспечивая своим присутствием необходимый порядок. Однако вскоре выяснилось, что таких жертв со стороны руководства школы не потребуется. Педагоги, преподающие гуманитарные дисциплины, наперебой стали предлагать свои услуги в наведении порядка на занятиях у коллеги. Дело дошло до того, что эти учителя были готовы даже на то, чтобы заместитель директора составил им расписание с окнами, что обычно крайне болезненно воспринимается педагогами, лишь бы оказать посильную помощь Андрею Николаевичу. Не новичок в школьном деле, я впервые в своей директорской практике столкнулся с таким неподдельным энтузиазмом коллектива, решившего поддержать молодого специалиста. Обычно подобные поручения воспринимались без особого восторга.

Поразмышляв, я понял, в чем заключался секрет такого внезапного коллективного приступа благородства. Не наводить

порядок, а учиться шли более опытные учителя к нашему таинственному монаху. Разумеется, как сказал поэт,

«у советских собственная гордость»

(В. Маяковский).

Она-то и не позволяла им признаться в этом неоспоримом факте, маскируемом под производственную необходимость, якобы заставляющую посещать уроки коллеги. Но, посудите сами, как преподавателям литературы, в силу атеистического воспитания, абсолютно не искушенным в вопросах веры, достоверно и всесторонне трактовать, например, творчество Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, насквозь пропитанное религиозными исканиями? Раньше учителя как-то справлялись со своей задачей в рамках традиционной советской программы, которая по возможности избегала подобных вопросов, делая акцент на социальных и психологических аспектах изучаемых классических произведений. Теперь же, когда рядом на параллели появился искушенный человек, обсуждающий со старшеклассниками именно эти глубинные проблемы, обычный педагог рисковал попасть впросак на собственном уроке, оказавшись не подготовленным к новым для него вопросам учащихся. Ничуть не проще было положение учителя истории, берущегося на свой страх и риск без должной подготовки трактовать историю раскола или реформации исключительно в социально-политическом ключе, да еще и с классовых позиций. При таком подходе волей-неволей получалось, что люди шли на костер исключительно по соображениям материальным, исходя из потребностей желудка.

С появлением нового преподавателя такое традиционное для советской школы объяснение высшего снизу стало невозможным. Словом, хочешь не хочешь, а под благовидным предлогом пришлось идти на выучку к специалисту. Впрочем, и для него из данной ситуации высекалась определенная польза. Поскольку вопросы организации класса автоматически снимались присутствием посторонних на уроке, то это позволяло неординарному педагогу полностью сконцентрироваться на содержании преподаваемых курсов. Между тем очень скоро проблемы дисциплины на его уроках исчезли. Подростки не из самых благополучных семей, поначалу вынужденные обстоятельствами внимательно слушать педагога, не могли не откликнуться на завораживающую манеру преподавания, обезоруживающую искренность и доброту учителя. Они

постепенно втянулись и ждали его уроков как манны небесной. Свои управленческие выводы сделал и я. Безусловно, люди рафинированной культуры и высокой духовности должны оплодотворять школу, но их внедрение в учебный процесс требует определенной инструментовки, без чего благие намерения организаторов образования могут обернуться взаимным разочарованием как учащихся, так и тех тонких людей, что приходят в школу с искренним желанием нести детям истину и свет.

К сожалению, все хорошее быстро кончается. Наступали новые времена. Был, наконец, принят Закон РФ «О свободе совести», стали открываться новые приходы; и наш таинственный монах получил назначение, возглавив приход Церкви во имя Нерукотворного Образа Спасителя на Бородинском поле. Новое назначение своего ученика со свойственным ему добрым юмором прокомментировал А. Мень: «Был я у Андрюши в храме.

У меня такое впечатление, что Наполеон ушел оттуда только вчера. Вы, Евгений Александрович, как человек с большим хозяйственным опытом, помогите ему организовать ремонтные работы». На том и расстались, а вскоре отец Александр принял мученическую смерть...

Спустя годы я благодарен судьбе, что подарила возможность и нам, педагогам, и детям общаться с людьми, сочетавшими в себе живую веру и колоссальный интеллект, неустрашимость в отстаивании принципов и чувство юмора. Их живой след до сих пор просматривается в наших делах.

Гримасы прикладной педагогики (вынужденный фарс)

Нет большего преступления для учителя, чем физическое воздействие на ребенка. Педагог, допустивший рукоприкладство, подлежит немедленному увольнению в полном соответствии со статьей Уголовного кодекса. Между тем человечество относительно недавно отказалось от прикладной (в данном контексте от слова «прикладывать») педагогики. Еще в восемнадцатом веке поэт В. Тредиаковский наставлял родителей: «Плевел от пшеницы жезл тверд отделяет. Розга буйство из сердец детских изгоняет». В девятнадцатом веке знаменитый врач и педагог Н. Пирогов рассматривал меры физического воздействия на ребенка как необходимые и благотворные. С пониманием к ним относился и Ф. М. Достоевский, что явствует из дневника писателя. А в элитных школах Англии телесные наказания были отменены лишь в шестидесятые годы прошлого века.

Сегодня из официальной педагогики меры физического воздействия изгнаны. Но благополучно живут и здравствуют в педагогике народной: в семейной, подростковой и армейской. Про семейную педагогику все понятно: кто же, в самом деле, хотя бы раз не шлепнул своего ребенка, желая ему добра? Совсем не канул в прошлое и такой архаичный педагогический инструмент, как ремень. Подростковая и армейская прикладные педагогики расцветают каждый раз, когда взрослые, например педагоги, организовавшие летний лагерь для подростков, или старшие офицеры, не ночующие в казармах с солдатами, полностью отдают на откуп молодым людям вопросы дисциплины и самоорганизации повседневной жизни. Тогда за парадным фасадом так называемого самоуправления и образцовым внешним порядком скрываются внутренние разборки «по понятиям», переходящие в чудовищные эксцессы, именуемые сегодня зловещим словом «дедовщина».

Опытные педагоги хорошо знают, что дети, которых бьют в семье, немедленно переносят этот способ воздействия на своих сверстников, и, что еще неприятнее, у них снижен порог чувствительности к человеческой речи. О таких говорят с досадой: «Он слов не понимает». Катастрофа происходит тогда, когда в состоянии аффекта сталкиваются ребенок и учитель, имевший в своем недавнем прошлом опыт прикладной педагогики...

Он был трудным подростком: независимый нрав, горячий темперамент, резкая реакция на любое замечание взрослых – все это в совокупности создавало парню серьезные проблемы в школе. С большим трудом мне удалось склонить педагогов не портить ему жизнь и, несмотря на серьезные проступки, выдать аттестат зрелости. Год до армии он проработал у нас в школе дворником, продолжая участвовать в театральных постановках. Природный артистизм, хороший слух и владение гитарой гарантировали ему получение ведущих ролей в школьных постановках. В войсках парень дослужился до сержанта. Возвратившись из армии, он зашел в школу. И я, вспомнив его «героическое» прошлое, предложил ему поступать в педагогический институт: «У тебя есть перед всеми нами, опытными педагогами, одно неоспоримое преимущество. О психологии трудных подростков ты знаешь не понаслышке. Сам вкусил все прелести переходного возраста. И наконец, в армии, командуя отделением, ты уже приобрел первый педагогический опыт». Впрочем, последняя фраза вызвала у него кривую усмешку. Но предложение было принято, и через пять лет школа получила молодого, энергичного учителя, любимца подростков и предмет тайных воздыханий старшеклассниц. Словом, на небосклоне школы зажглась еще одна педагогическая звезда.

Гром грянул на втором году его педагогической карьеры. В тот день было совещание директоров, на котором до руководителей доводили вопиющий случай рукоприкладства педагога. Учительница одной из школ, доведенная до бешенства поведением ученицы, запустила в нее чашкой. Чашка, к счастью, не попала в цель, но родители «пострадавшей» написали жалобу в высокие инстанции, и теперь вопрос стоял об увольнении педагога за грубое нарушение педагогической этики. Выслушав эту поучительную историю чашеметания, я самонадеянно подумал о том, что уж в моей-то школе такая история невозможна.

Возвратившись после совещания, я еще не успел снять пальто, как на пороге кабинета нарисовалась восходящая педагогическая звезда. Весь его жалкий облик (потерянный взгляд и опущенные плечи) свидетельствовал о том, что произошло непоправимое.

– Евгений Александрович, я вляпался. Сам не понимаю, как это произошло.

Суть истории такова. В тот день этот учитель был дежурным по столовой. На перемене во время завтрака один из семиклассников решил «подшутить» над товарищем, выбрав для этого весьма нетривиальный способ: он надел тарелку с горячей

вермишелью на голову приятеля, который немедленно взвыл от боли и унижения. Оказавшись рядом, наш герой мгновенно сдернул тарелку с головы потерпевшего и со всего размаха ударил ей же по лицу «шутника». Орудие возмездия разлетелось на осколки, и теперь уже, в свою очередь, заревел инициатор инцидента. С окровавленным лицом он бросился в кабинет врача. А над обычно шумной на переменах столовой, где одновременно питаются 250 детей, нависла зловещая тишина.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что это статья? Максимум через час здесь будут родители жертвы. Хорошо еще, если они принесут заявление мне, а не в прокуратуру. Моли бога, чтобы они удовлетворились твоим немедленным увольнением и отказались от возбуждения уголовного дела.

– Все понимаю, подвел школу и вас, но поверьте, я действовал как бы на автомате, не испытывая при этом даже ненависти к глупому ребенку.

– Ты еще расскажи про свое аффективное состояние его родителям, они тебя точно пожалеют.

– Что же делать? Я не хочу уходить из школы.

– Что делать, что делать, – передразнил я его, – молчать и не мешать работать директору. Через полчаса быть здесь.

Ни в малейшей степени не оправдывая учителя, я тем не менее не мог избавиться от ощущения, что ищу выход из конфликта между двумя своими учениками: бывшим и нынешним. Увы, они друг друга стоили. Разумеется, двух мнений быть не может: виноват взрослый. Он обязан был держать себя в руках. Легче всего успокоить родителей, избавившись от незадачливого педагога. Но тогда школа потеряет молодого, перспективного учителя. Мужчину, что также немаловажно в наших преимущественно женских коллективах. Наконец, я ни минуты не сомневался, что грустный урок пойдет ему на пользу. Стоит попытаться вытащить парня. В моей голове постепенно созрел рискованный план спасения.

К моменту появления родителей жертвы уже был подготовлен, но не подписан приказ об увольнении учителя. В кабинет были приглашены жертва жертвы со слабыми следами ожогов на лице и его родители, руководители профсоюзной и партийной организации школы. (Без этих организаций в те годы не принималось ни одно кадровое решение.) Бесстрастным голосом, кратко описав суть произошедшего, я первым делом потребовал от «шутника» извинений перед товарищем и его родителями за нанесенный вред, как моральный, так и физический. Пригрозил, что, если извинения не будут приняты, дело будет немедленно передано в комиссию по делам

несовершеннолетних, со всеми вытекающими последствиями.

Это заявление сбило первую волну возмущения с родителей второй жертвы, несколько остудило их праведный гнев. Ведь они вполне могут оказаться, будь на то воля директора, не только заявителями, но и ответчиками за плохое воспитание сына. Родители обожженного ребенка, разумеется, приняли извинения, которые сквозь опухшие губы промямлил семиклассник. Поблагодарив их за проявленное великодушие и благородство (зачем же портить биографию только вступающего в жизнь мальчика постановкой на учет в милицию), я отпустил с миром детей и первую пару родителей.

Вторая пара вздохнула с облегчением, а я заработал второе очко в этой сложной, почти шахматной комбинации, наглядно продемонстрировав им великую силу прощения. Но кульминация партии была еще впереди. Окинув оставшихся в кабине людей грозным взором, с каменным лицом я произнес: «А теперь – главное!» Дальнейшая тональность разговора была выдержана в стилистике известной сцены из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок», где тщедушный Поняковский, наступая на Шуру Балаганова, визгливо кричит: «Держите меня, сейчас будет море крови». Дав волю праведному гневу, я начал с ядовитого шепота, а затем продолжил монолог в самовозбуждающейся манере, переходя на повышенные тона. Лишь изредка родителям потерпевшего удавалось вставлять свои робкие реплики в эти рассыпающиеся гроздья гнева.

Директор (глядя на провинившегося учителя с откровенным презрением): Если вы думаете, что глупая выходка ребенка служит для вас хоть каким-то оправданием, то глубоко заблуждаетесь. Вы преступник, и приказ о вашем немедленном увольнении уже подготовлен. (При этих словах я высоко поднял неподписанный документ, дабы его могли обозревать все присутствующие.) Но я не имею права его подписывать без одобрения партийной и профсоюзной организации. (Взгляд переводится на общественников.) А вы тоже хороши. Где ваша работа с молодым специалистом? Человек без году неделя в школе, только начинает свою педагогическую карьеру, а теперь он будет уволен по статье, предполагающей лишение права впредь заниматься педагогической работой. (Общественники опускают свои повинные головы, демонстрируя всем своим видом предельное сожаление: виноваты, мол, недосмотрели, упустили парня. Взгляд вновь переносится на учителя.) А ведь я помню тебя еще учеником. Ты думаешь, нам не хотелось порой как следует приложить тебя? Но тебя никто пальцем не тронул в этой школе. Все понимали, что ребенок, которого воспитывает без отца

одинокая больная женщина, достоин сочувствия и снисхождения, что бы при этом он ни вытворял. (Напоминание о трудном детстве учителя производит должное впечатление на мать пострадавшего. В ее глазах читается сочувствие счастливой замужней женщины к матери-одиночке.) Вы, разумеется, будете уволены, но на месте родителей я бы не удовлетворился этим, а подал заявление в прокуратуру и отдал вас под суд.

Реплика матери пострадавшего, свидетельствующая о первой серьезной победе: Да не собирались мы ни в какую прокуратуру.

Директор: Вот видите, с какими людьми мы имеем дело. Не каждый, оказавшись на их месте, повел бы себя так благородно. Но это их личное дело, а я ставлю вопрос об увольнении на голосование.

Реплика отца: Наш тоже не подарок, любого выведет из себя.

Директор: А как я радовался, когда в войсках ты дослужился до сержанта. Думал, армия завершит работу школы и сделает из тебя человека. Это в армии тебя научили рукоприкладству?

Отец (полковник) с глубокой обидой за армию: Да будет вам. У нас, конечно, всякое бывает. Солдаты, сами понимаете, не сахар.

Директор, нагнетая ситуацию до предела: Ставлю вопрос на голосование.

Отец: Товарищ директор, вы перегибаете палку. У нас в подобных случаях молодым офицерам объявляют неполное служебное соответствие.

Директор: А у нас не практикуются такие меры наказания работника. Максимум – это строгий выговор.

Отец: Мы с матерью считаем, что его вполне достаточно.

Директор, остывая: Что ж, решать вам…

Когда мы остались один на один с учителем, я устало закурил.

Учитель: Евгений Александрович, я ведь все годы ходил на занятия театральной студии, но этот ваш монолог – шедевр актерского мастерства.

Директор: Иди ты к черту со своими комплиментами. Впредь руки держать за спиной!

Забавно, что еще два года он так и фланировал по школе, сцепив руки за спиной, как передвигаются заключенные в известных учреждениях.

А через пять лет увидела свет его смешная книжка о «мытарствах» начинающего учителя.

Happy end?

«Вы обязаны немедленно прекратить это безобразие, в противном случае оставляю за собой право обратиться в партийные органы», – выпалила с порога кабинета возмущенная мать, не оставляя ни тени сомнения в том, что на деле осуществит свою угрозу. Разумеется, я был в курсе так взволновавшей ее истории. Она – разведенная одинокая учительница, он – десятиклассник, каждый вечер поджидающий ее у порога школы, чтобы помочь донести до дому стопки тетрадей. Трогательная картина, не увидеть которую мог разве что слепой.

– Вы, как директор, должны положить конец этой связи.

– Помилуйте, о какой связи вы ведете речь? Юношеская влюбленность, не более того. Скажите еще спасибо, что она приняла такие цивилизованные, целомудренные формы.

– Ничего себе целомудренные, он же поднимается к ней в квартиру.

– Ну, правильно, парень помогает донести усталой женщине тяжелые сумки. Кстати, а откуда вы-то знаете, заходит сын в квартиру или нет?

– Проследила. Вчера он провел у нее дома полтора часа.

– А вам не кажется, что этой слежкой вы унижаете мужское достоинство парня?

– Оставьте эту педагогическую демагогию для других. Я своего сына знаю. Он – однолюб, как его покойный отец. Как вы не можете понять: ему всего семнадцать лет, а ей – тридцать семь! И я не позволю калечить мальчику жизнь.

– Чего вы ждете от меня?

– Как должностное лицо, вы обязаны отвечать за моральный облик своих престарелых педагогов.

– За «престарелых» спасибо, конечно, мне как раз исполнилось тридцать восемь!

– Мы с вами ровесники, но это к делу не относится. Вы же сами видите: она ему в матери годится. Разница в целых двадцать лет.

– Да с чего вы взяли, что взрослая женщина ответит юноше взаимностью?

– Она что, дура, чтобы упускать такого парня?

– Вы, судя по всему, человек жесткий, решительный, но, возможно, – высказал я догадку, – парню как раз не, хватает понимания с вашей стороны и материнской ласки?

– Я ей покажу ласку. Мало не покажется.

– Но я не могу грубо вторгаться в их отношения, не имея на то веских оснований, а ваши всего лишь предположения не дают такого права.

– А я буду вторгаться по праву матери.

– Не боитесь потерять сына?

– Вы еще мне будете угрожать, выгораживая своего сотрудника? Хорошо, тогда продолжим разговор в другом месте, где, надеюсь, я найду больше понимания.

Последнюю фразу она выкрикнула уже на пороге кабинета, на прощание так хлопнув дверью, что задрожали оконные стекла. Но даже перед лицом нешуточной, по тем временам, угрозы я не смог заставить себя пригласить на разговор «проштрафившуюся» учительницу.

Вызов в высокие партийные инстанции последовал ровно через неделю. Там мне быстро и доходчиво разъяснили все про моральный облик советского педагога и предложили на выбор два сценария: увольнение педагога по собственному желанию или рассмотрение ее персонального дела на открытом партийном собрании. Второй сценарий, когда, по слову поэта, «из зала кричат: давай подробности», устраивал меня значительно меньше. Теперь тяжелого разговора с учительницей было не избежать. Но она хорошо понимала, в какой стране живет. Опустив голову, я ждал ее появления в кабинете, а когда вскинул глаза, увидел, что учительница молча с грустной улыбкой протягивает мне заявление с просьбой об увольнении по собственному желанию. На том и расстались. Мать «добилась» своего.

С тех пор прошло почти двадцать лет. Учительнице уже за пятьдесят, парню – за тридцать. Они до сих пор вместе и счастливы.

Цели и средства (ценностное управление)

Сколько себя помню в роли учителя, а затем и руководителя образовательного учреждения, перед школой всегда ставились новые напряженные задачи. Наверное, так и должно быть: меняется жизнь, а вслед за ней, а еще лучше опережая события, должна преобразовываться и школа. Череда реформ (на моей памяти их четыре) сменилась модернизацией, но каждый раз, на очередном крутом повороте нашего многострадального образования я задумывался о старой, как мир, проблеме соотношения целей и средств применительно к учителю. Вот и сейчас…

Накануне Нового года получил поздравительную открытку, пишет учительница сельской школы: «У нас (в Тюменской области, а особенно на юге) идет вовсю реализация Национального проекта в области образования, поэтому радости мало. Пожилые учителя чувствуют себя в роли известного героя из американского фильма «Великолепная семерка», который, падая с тридцатого этажа, на уровне десятого говорил: «Ну, что ж, пока дела идут ничего». Вот с таким настроением вступаем в новый год».

Модернизация, конечно, дело полезное, но будет ли прочным здание, построенное на костях? Между тем замечательный русский философ В. Соловьев писал о том, что никогда, ни при каких условиях человек не может быть средством даже для достижения великой цели. И еще он справедливо отмечал то, что образование по необходимости одновременно и консервативно, и революционно, поскольку передача традиций и обновление – два органично связанных между собой процесса. Тут, знаете ли, необходим баланс. Перекос в ту или иную сторону чреват неприятностями. Всегда ли удается удержать хрупкое равновесие между целями и средствами?

Семнадцатилетней девушкой после окончания одиннадцатого педагогического класса сразу после войны пришла она работать учительницей в деревенскую школу села Тропарево. Прошли десятилетия, и на месте того села вырос огромный микрорайон, где располагается наша школа. В ней она и завершала свой трудовой путь. Школа, которая, что называется, на виду, всегда испытывает дополнительное напряжение. Участие в экспериментах, бесконечные семинары, открытые уроки, на которых присутствуют посторонние люди, – все это, вместе взятое, усложняет работу учителей, повышает требования к их профессионализму. Излишне говорить, что пожилой педагог с

более чем скромным образованием на роль экспериментатора не годился. Бурно развивающаяся школа должна была бы избавиться от такого учителя. Но у нее в коллективе иная функция: она символ защищенной старости.

Все мы когда-нибудь постареем и не будем в полной мере соответствовать современным требованиям. Отдать все силы делу образования, а в результате оказаться на свалке истории? Справедливо ли это? И с каким настроением следующие поколения педагогов, видя такое прагматическое отношение к учителю и человеку, осознавая его безрадостную перспективу, будут продолжать свою многотрудную деятельность? Надвигался двадцатилетний юбилей школы, который должен был проводиться в красивом зале Дома кино в форме бала. У нас не было сомнений в том, кто будет его королевой. Когда она вышла на сцену в короне, весь зал встал и взорвался аплодисментами...

Он был блистательным учителем. В прошлом синхронный переводчик, в совершенстве владел иностранным языком, умел увлечь своим предметом детей. В тот год несчастья преследовали его по пятам. Похоронил жену, ее сестру и еще вынес два гроба. И он не выдержал: запил в горькую. Смотреть на него было страшно. Мы предлагали лечиться. Мой заместитель ежедневно провожал его до дома, отбирал зарплату, выдавая ему только ту сумму денег, которой хватало лишь на питание. Все понимали, что без школы он пропадет. Было до слез жалко терять хорошего в прошлом учителя. Но чем виноваты дети, вынужденные ежедневно лицезреть нетрезвого педагога, который в любой момент мог рухнуть прямо в классе? Ничего не помогло. Пришлось расстаться. Следы его теряются...

Всего две истории с диаметрально противоположными финалами, дающие представление о проблематике ценностного управления. Между ними бесчисленное количество ситуаций, требующих своего разрешения. Идеальных решений не бывает. Каждый раз, мучительно находя выход, приходится испытывать на себе конфликт ценностей. Да что там ценности, заповеди, и те противоречат друг другу. Буквально поминутно, то приходится брать в руки меч, то подставлять левую щеку, когда тебя только что ударили по правой. Сказанное в равной степени относится и к руководителю школы, и к рядовому учителю.

Все будет хорошо?

Нервно курю в запущенном дворе детского отделения Института онкологии в ожидании окончательного приговора ребенку, которого три часа назад привез на обследование. Шансов на госпитализацию почти нет. У них всего сорок пять мест и остов недостроенного с 1994 года корпуса. Случайно взгляд падает на асфальт, где детской рукой выведено мелом: «ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО!» Немедленно два стыда сливаются воедино. Стыда за проклятую беспомощность взрослых в самых чувствительных сферах нашей жизни, будь то медицина или образование. И стыда за те неизбежные моменты в жизни, когда любые попытки отстоять здравый смысл и что-то изменить к лучшему кажутся бессмысленными. Одним словом, за грех уныния. Ведь пока мы, по слабости душевной, позволяем себе сомневаться, ребенок даже в таком мрачном месте продолжает надеяться...

Он ждал этого события больше двадцати пяти лет. Сначала молодым учителем, а затем директором школы. Все эти годы с маниакальным упорством начинал каждый педсовет одной и той же сакраментальной фразой: «Когда мы построим новую школу...» Этим же заклинанием из последних сил удерживал молодые учительские кадры, готовые разъехаться из деревни. Тем временем и они старели вместе с ним в ожидании обещанного чуда.

И чудо случилось. Первого сентября в селе Черешня, что в Краснодарском крае, Арут Суренович Кармрян открыл новую школу, построенную в полном соответствии с европейскими стандартами.

– Входите с левой ноги, – предупреждает директор.

– ?

– С левой – значит от сердца.

Со смехом рассказываю, как много лет назад, открывая новое здание своей школы, пытался запустить туда кошку. Кошка, демонстрируя явное пренебрежение к храму знаний, уперлась, и пришлось тащить ее на ошейнике.

– А моя девяностодвухлетняя бабушка посоветовала первой ввести в школу девушку в белом платье. Первой в школу должна войти чистая душа!

– Это армянская традиция?

– Просто совет мудрого человека. Что же касается национального состава, то у нас в селе, как в Ноевом ковчеге, кого только нет. У меня жена русская. Она и дочь работают здесь

же.

По мере его рассказа о горном селе, где девятьсот семей давно переплелись корнями, абстрактное понятие «поликультурность образования» начинает обретать зримые, осязаемые формы. (А накануне в Нальчике, где у меня много друзей-директоров школ, шли бои.) Проблем у этого директора хватает: и зарплата низкая, и кадры стареют, но он счастлив. Будет школа – будет село. Рядом с ним невозможно не улыбаться. Два радостных пожилых мужика полутяжелого веса – уже немало. Но был и третий. Молодой директор школы № 49 города Сочи Олег Николаевич Данилов. (Он и привез нас в гости.) Живет вдвоем с мамой в служебной однокомнатной квартире. Потому и не женат. Жилья себе не построил, зато методом народной стройки соорудил пристройку к школе. А теперь пытается ее узаконить в борьбе с пожарниками, СЭС и другими носителями государственности. Глядя на коллег, подумалось: таких встарь называли столпами общества. Если государство, наконец, очнется и начнет поддерживать этих людей, тогда действительно все будет хорошо.

По Сеньке ли шапка?

Педагогика – дама привередливая. Завоевать ее благорасположение не так-то просто. Она не всегда внемлет аргументам разума (академической науки), но при этом мстит тем, кто этими доводами легкомысленно пренебрегает. Одним словом, ведет себя как муза, притом не менее капризная, чем ее старшая поэтическая сестра. По необходимости, спускаясь с небес на грешную землю, отмечу: всегда с одинаковой настороженностью относился как к сухим, оторванным от реальной школы теоретикам с их указующим из заоблачных далей перстом, так и к приземленным практикам, полагающим, что методом проб и ошибок, без всякой опоры на теорию, можно решать любые педагогические задачи.

Я пригласил его на работу сразу после окончания педагогического училища, желая «размочить» его присутствием однородный женский коллектив начальной школы, со всеми плюсами и минусами однополого преподавания. Так в начальной школе появился живой аналог усатого няня из известной кинокомедии. Он и не подозревал тогда о том, что его комичные ситуации еще впереди. Поначалу Семен Семенович, в просторечии Сенечка, не вызывал у меня никакого беспокойства. Аккуратный, всегда при галстуке, молодой человек быстро освоился в коллективе, проявляя мужскую галантность к дамам-учительницам и неподдельный интерес к педагогическим инновациям. Он-то в конечном счете его и подвел.

Желая как-то подогреть возникший интерес к новым для того времени явлениям в педагогике, я пригласил начинающего учителя на встречи со знаменитым ученым и новатором Шалвой Александровичем Амонашвили, с которым нас связывали давние дружеские отношения. Затаив дыхание, наблюдал мой молодой коллега за работой мастера. В конце встречи он как-то подтянулся, посуровел и произнес: «И я так смогу». «Плох тот солдат, который не мечтает стать маршалом, – поддержал я честолюбивые замыслы коллеги. – Только не забывайте: Амонашвили – доктор психологических наук, и он шел к своему мастерству долгие годы».

Поговорили и забыли, в круговерти школьной жизни было не до него, пока не посыпались жалобы родителей на качество подготовки детей в его третьем классе. Осознавая свою вину за то, что ослабил помощь молодому специалисту, я решительно пришел на его урок. Увиденная картина поражала своим грустным комизмом, перерастающим в серьезную драму. Усвоив

внешние приемы мастера, плохо осознавая, что за ними стоит, он полностью, во всем, включая интонацию, копировал увиденное. Что-то ласково шептал на ушко детям, поочередно поглаживал их, устанавливая тактильный контакт. Между тем в записях, предварительно сделанных на доске рукой учителя, содержались грубые орфографические ошибки: даже в дате – как сейчас помню, «шестнадцатое октября» – в числительном отсутствовала буква «т». Словом, хоть кричи караул, наблюдая зримое воплощение словосочетания «и смех и грех».

Дабы не дискредитировать учителя в глазах детей, я с трудом удерживался от желания немедленно прекратить этот псевдоинновационный фарс. Так продолжалось до тех пор, пока руку не подняла девочка: «Семен Семенович, а у вас на доске ошибка!» Преисполненный достоинства, наш «новатор» радостно обратился к классу: «Дети, а кто еще заметил ошибку?» Этот эффектный прием он тоже подсмотрел у мастера. Шалва Амонашвили специально допускал на доске ошибку, которую по его просьбе находили и исправляли дети. Поправляя самого учителя, они преодолевали психологический страх ошибки, преисполнялись уверенности в собственных силах. Но если бы на доске был один-единственный ляпсус. Моему терпению пришел конец! «Я еще заметил! – прорычал я с последней парты. – Спуститесь ко мне в кабинет после урока».

Ох, и тяжелым был этот разговор. Догадавшись по лицу, что «кипит мой разум возмущенный», он начал с оправданий.

– Вижу, вы чем-то недовольны, но я же все делал по Амонашвили.

– Молодой человек, в педагогике, как в фигурном катании, существуют обязательная и произвольная программы. Вы пока не мастер, и даже не перворазрядник. Извольте для начала научиться качественно давать традиционные уроки.

– А как же тактильный контакт с детьми, особая атмосфера на уроке?

– Да поймите же вы, наконец, Амонашвили – доктор психологических наук, он знает, по каким местам детей нужно поглаживать, а шептать им на ушко в нужном тембре, как он сам рассказывает, учился десять лет. А вы, извините, не с глаголом на доске пишете слитно.

– А я в училище глагол никогда не любил, – ответил он не без достоинства.

Его последняя фраза меня окончательно добила:

– Значит так. С завтрашнего дня своим приказом я снимаю вас с класса и перевожу на должность воспитателя группы продленного дня, где, между прочим, тоже надо грамотно

готовить с детьми домашние задания. Пусть ваши родители наймут вам репетитора по русскому языку, который поможет вам полюбить глагол. До преподавания будете допущены после сдачи экзамена лично мне и моим замам.

Вторая история – аналог первой, но с обратным знаком, поскольку ее героиней стала опытная пожилая учительница, по вине директора севшая не в свои сани.

В тот год мы с упоением занимались экспериментом, осваивая интенсивные методики обучения четырехлетних детей иностранному языку. В основу эксперимента были положены труды академика Г. А. Китайгородской, тщательно проработанные опытными методистами учебные и наглядные пособия. Естественно, что вся методика обучения дошкольников иностранному языку была построена на игровой основе. С детьми, дабы не допустить перегрузки, приходилось петь, танцевать, разыгрывать сценки и т. п. Само собой разумеется, что необходимость применения таких активных, разнообразных форм и методов работы диктовала особый подбор кадров. Под такую методику требовался учитель молодой, физически крепкий, а главное, веселый, артистичный, способный легко и непринужденно играть с детьми.

Результаты превзошли все ожидания. Благодаря методически грамотной работе учителей дети, играючи, усваивали за год до двухсот лексических единиц. И это при полном сохранении мотивации к обучению и без ущерба для их физического и психического здоровья. Надо сказать, что эксперимент проходил под контролем методической службы города. Проверяющие методисты остались довольны результатами нашей работы. Но при этом они обратились ко мне с просьбой – посетить с ними одну из школ, где эксперимент не дал такого же положительного эффекта. Вроде бы и школа хорошая, и учитель опытный, а не получается. Я охотно согласился.

С первых же минут присутствия на занятии мне все стало ясно. Наблюдая за этим уроком, стоило больших трудов удержаться от смеха. Дело в том, что директор этой школы, глубоко не вникнув в суть эксперимента, решил привлечь к нему опытные, закаленные в боях педагогические кадры. Полагая, что они-то уж точно не подведут. Перед нами предстала солидная учительница, которая, судя по всему, уже готовилась уйти на заслуженный отдых. Это была ее лебединая методическая песня. Пожилому человеку с явным преобладанием авторитарного стиля общения было поручено реализовать игровые методики, которые требовали особых коммуникативных способностей. И она старалась, в точности и буквально воспроизводя методические

рекомендации. Но как она это делала!

Знакомя малышей с английским словом «smile» (смех, смеяться), будучи не в силах их развеселить (как рекомендовалось в методиках), она отдавала распоряжения: «Дети, смеяться!» Дети с грустными испуганными глазами: «Ха-ха». Она: «Дети, петь!» Малыши, испытывая недоумение от отсутствия музыки: «Ла-ла».

У детей четырех лет имеются серьезные затруднения с координацией движений. Один из маленьких участников открытого урока неудачно повернулся и обрушил сказочный теремок, густо населенный разными персонажами, от лица которых на следующем этапе урока должны строиться диалоги, разыгрываться сценки. Вместо того чтобы обратить дело в шутку, учительница, повернув гневное лицо к «провинившемуся» ребенку, прошептала змеиным педагогическим шепотом: «Будешь так себя вести – живо из теремка вылетишь!»

Виновата не она, а директор, поставивший ее в ложное, карикатурное положение, заставив воплощать абсолютно чуждую ей по духу и стилю методику. Навязанный инструмент оказался ей явно не по руке. Как ни старайся, чужой костюм на себя не натянешь: под мышками жмет.

Педагогические изыски: глупость или пошлость? (конкурсные истории)

Писать на заявленную тему грустно, но что поделать, если в последнее время в педагогической практике все чаще сталкиваешься с тем явлением, которое священник и мыслитель протоиерей А. Шмеман в своих дневниках называет «спекуляцией на понижение». Пошлость – это прежде всего ординарность, но ординарность с претензией на оригинальность. В педагогике она проявляется в стремлении учителя к внешним эффектам в ущерб глубине постижения подлинных ценностей и смыслов образования, в желании любой ценой завоевать расположение ученика, абсолютизируя его актуальные потребности. Складывается впечатление, что такой учитель в качестве девиза своей деятельности взял слова из пошловатого шлягера и адресовал их ученику: «Ты скажи, ты скажи: че те надо? че те надо? Я те дам, я те дам, че ты хошь».

Худо, когда школа полностью игнорирует осознанные потребности ребенка, но весь вопрос заключается именно в том, насколько они осознанны. Подлаживание под ученика, потакание ему во всем, включая неразвитость вкуса и примитивизм предпочтений, – оборотная сторона детоцентризма в педагогике, который в последние годы незаметно пришел на смену культуроцентризму. Особенно зримо это проявляется во время проведения учительских конкурсов, где педагог должен явить высокому жюри свою авторскую позицию. Сразу оговорюсь, много лет наблюдая конкурсные уроки, я имел честь познакомиться с выдающимися педагогами, чей уникальный педагогический почерк свидетельствовал о высочайшей культуре и масштабе личности этих мастеров. Их внутреннее достоинство и чувство меры никогда не позволяли им опускаться до дешевых эффектов и дурной театральности. Но, наряду с этим, каждый раз испытываешь невероятное чувство неловкости и опускаешь глаза, когда сталкиваешься с фальшивой мелодекламацией, стремлением во что бы то ни стало встать на котурны и любой ценой выжать интерес к своей персоне.

Босая, простоволосая учительница начальных классов входит к детям в образе Аленушки, чтобы вместе ними печалиться о трагической судьбе братца Иванушки. Другая учительница, сделав необходимую поправку на свой возраст, облачается в костюм Бабы-Яги и влетает в класс на метле. Одним словом, в гостях у сказки. Бесчисленные юные и молодящиеся англичанки,

клонированные с Мери Поппинс, скачущие в отложных белых воротниках с зонтиками среди детей. Интересно, в кого они преобразятся ближе к пятидесяти годам? Или, быть может, преподаватель английского языка – специфическая возрастная профессия, вроде балерины, чья творческая биография имеет естественные физиологические ограничения? Нет, я совсем не против стимулирования познавательной деятельности учащихся, в том числе и при помощи игровых приемов. Но превращать уроки в беспрестанный капустник, заигрываться до умопомрачения, не значит ли это искусственно тормозить развитие ребенка? Если продолжить эту же линию на потакание интересам ребенка из начальной школы в основную, где, как известно, протекает пубертатный период, остается лишь построить шест посреди класса и вести преподавание основ наук вокруг него, поддерживая необходимую для этого физическую форму. Чем не современный способ стимулирования страсти, в том числе и к учению, у подростков?

Между тем «спекуляция на понижение» продолжается и в старшей школе, хотя, разумеется, не в столь одиозных формах. В конце восьмидесятых годов я попал на урок к одному из модных тогда учителей литературы. Изучался роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Разбиралась авторская ремарка в конце романа. После смерти Базарова Анна Сергеевна Одинцова вышла замуж за «человека молодого, доброго и холодного как лед. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви». У Тургенева эта фраза устало-ироничная, он не верит в банальность «стерпится – слюбится». Но у педагога своя, более «важная» этическая задача. Количество разводов в стране растет, браки распадаются. Почему бы не использовать классика в воспитательных целях? «Ребята, – возглашает с придыханием учитель, – это так нравственно – доживать до любви». Тем самым педагог грубо ломает автономию авторского текста, подменяя личность писателя своей собственной: интерпретатора. Такая операция по сути своей антикультурна. Чем, собственно говоря, вульгарный социологизм, долгие годы имевший место при школьной трактовке классиков, отличается от превращения их текстов в этические прописи?

И в том и в другом случае мы сталкиваемся с опрощением и огрублением. На другом уроке тот же педагог учил девушек ждать ребенка по Наташе Ростовой. Что с того? В своем знаменитом письме М. П. Погодину Толстой писал о том, что в его произведении заметят «дребедень»: насмешку над Сперанским, постельный роман, но не увидят самого главного – «мысли мои о границах свободы и зависимости и мой взгляд на

историю...». Упрощенный подход понравился и победно зашагал по стране. Еще бы, ведь, наконец, найден способ приближения классиков к интересам тинейджеров. Как еще заставить их читать сложные книги?

На мой взгляд, есть только два способа существования педагога в культуре: становиться на четвереньки перед ребенком, до предела упрощая цели и смыслы образования, или поднимать его до максимально возможного уровня, разумеется, с учетом его реальных учебных возможностей. Вероятнее всего, в коррекционной школе без понижения планки не обойтись, но это не повод повсеместно снижать уровень преподавания.

Справедливости ради, замечу: корни «спекуляции на понижение», конечно же, не в школе, они во всеобщем омассовлении и опошлении культуры. Педагоги, как бы они карикатурно ни выглядели, говоря подростковым языком, лишь «повелись» на общую тенденцию, которую глубоко вскрыл в своих дневниках уже упомянутый протоиерей Александр Шмеман. Несколько его верных замечаний, на мой взгляд, проясняющих нынешнюю культурно-педагогическую ситуацию, я считаю целесообразным привести в конце этих заметок.

Первое, что отмечает он как дефект современной культуры, – кошмарный, трусливый культ молодежи. «Молодежь, говорят, правдива, не терпит лицемерия взрослого мира. Ложь! Она только трескучей лжи и верит, это самый идолопоклоннический возраст и вместе с тем – самый лицемерный. Молодежь «ищет»? Ложь и миф. Ничего она не ищет, она преисполнена острого чувства самой себя, а это чувство исключает искание. Чего я искал, когда был «молодежью»? Показать себя, и больше ничего. И чтобы все мною восхищались и считали чем-то особенным. И спасали меня не те, кто этому потакал, а те, кто этого просто не замечал. В первую очередь – папа своей скромностью, иронией, даром быть самим собой и ничего «напоказ». Об него и разбивалась вся моя молодежная чепуха, и я чем больше живу, тем сильнее чувствую, какую удивительную, действительно подсознательную роль он сыграл в моей жизни».

Здесь необходимо сделать уточнения. Священник и педагог, ректор православной семинарии в Америке, Александр Шмеман далек от того, чтобы огульно отрицать возможность духовных поисков в среде молодых людей, воспитанием которых он неустанно занимался всю свою жизнь. Его справедливое раздражение и неприятие вызывают трусость и пошлость взрослых людей, сотворивших из молодежи идола. Дневниковая запись относится к 1973 году, когда в отечестве нашем кумиром официально считался пролетариат. Спустя десятилетия мы

«догнали» Америку в превозношении молодежной субкультуры. Сегодня все средства массовой информации, мода и кинематограф ориентированы в первую очередь на эту возрастную категорию. Фетишизация молодежи не могла не захлестнуть и школу. Но и здесь мы неоригинальны, повторяя безбрежное американское чадолюбие, предоставляющее ребенку свободу даже в пределах таблицы умножения. В этом контексте нам интересны меткие замечания Александра Шмемана, сравнивающего американское и французское образование, поскольку сам он учился во Франции в тридцатые годы прошлого века.

«Если целью и единственным назначением школы считать учение и образование, то мой лицей это делал очень хорошо и, главное, без всякой лишней суеты. Не было этой постоянной «проблематики» – как «подходить к детям», к «молодежи». Школа не претендовала быть «всем» и не волновалась, главное, доволен ли я, счастлив ли и т. д. Не вторгалась в мою личную жизнь, не звала меня никуда, не выдавала себя за жизнь. <…> Все было серьезно, без болтовни и без риторики, без того инфантилизма, которым пронизана любая американская школа. «Это похоже на тюрьму». Нет, это похоже на школу, в которой никто не обсуждает «проблемы» – нужно ли учить Корнеля и Расина, историю и географию… Здесь я ставлю пятерку с минусом, и студент приходит выяснять, в чем дело. Там, получив за сочинение какие-нибудь 13 3/4 из 20, мы испытывали гордость, знали, что недаром».

Убежден, при всем том, что меняется время, модернизируется содержание образования, реальной является проблема перегрузки учащихся, не стоит опускаться до пошлости. Признаки педагогической пошлости: болтовня, риторика и инфантилизм.

«Кто может первым посмеяться над собой?»

В русской классической литературе навечно запечатлен облик учителя: неудачника, брюзги и зануды Беликова. Если бы только он один! Не жаловали классики представителей нашей профессии. И поделом. Отсутствие чувства юмора и здоровой самоиронии – верный признак непрофессионализма. Об этом писал еще знаменитый литературовед Я. В. Пропп: «Наличие юмористической жилки – один из признаков талантливости натуры». Из воспоминаний Горького о Толстом мы знаем, как много смеялись втроем Толстой, Горький и Чехов. Когда к Чехову в Ниццу приехал профессор Максим Ковалевский, они, сидя в ресторане, смеялись так, что обращали на себя внимание всех присутствовавших.

Что показывают эти примеры? Они иллюстрируют наблюдение, что есть люди, в которых имеющийся в жизни комизм вызывает естественную реакцию – смех. Способность к такой реакции – явление положительное; оно есть проявление любви к жизни, жизнерадостность. Но встречаются люди, к смеху отнюдь не расположенные. Причины этого могут быть различные. Если смех есть один из признаков даровитости, если к смеху способны одаренные и вообще нормальные живые люди, то неспособность к смеху иногда может быть объяснена как следствие тупости и черствости. Неспособные к смеху люди в каком-нибудь отношении бывают неполноценными. Может ли смеяться чеховский Пришибеев, или человек в футляре Беликов, или полковник Скалозуб? Они смешны, мы над ними смеемся, но если вообразить их в жизни, то, очевидно, что к смеху такие люди неспособны.

По-видимому, есть некоторые профессии, лишающие ограниченных людей способности смеяться. Это в особенности те профессии, которые облекают человека некоторой долей власти. Сюда относятся чиновники и педагоги старого закала. «В городском архиве до сих пор сохранился портрет Угрюм-Бурчеева. Это мужчина среднего роста, с каким-то деревянным лицом, очевидно никогда не освещавшимся улыбкой» – так Салтыков-Щедрин изображает одного из градоначальников в своей «Истории одного города». Но Угрюм-Бурчеев не единичный характер, а тип. «Это просто со всех сторон наглухо закупоренные существа» – так говорит о подобных людях Салтыков-Щедрин. К сожалению, такие «агеласты» (т. е. люди, неспособные к смеху) часто встречаются в педагогическом мире. Это вполне можно объяснить трудностью профессии, постоянством нервного

напряжения и пр., но причина не только в этом, а в особенностях психической организации, которая в работе педагога сказывается особенно ясно. Недаром Чехов своего человека в футляре изобразил педагогом. Белинский в очерке «Педант» пишет: «Да, я непременно хочу сделать моего педанта учителем словесности». «Преподавателям, неспособным понять и разделить хороший смех детей, не понимающим шуток, не умеющим никогда улыбаться и посмеяться, следовало бы рекомендовать переменить профессию» (В. Я. Пропп).

Последнее утверждение звучит весьма зловеще. Отчасти «утешает» лишь то, что педагог хотя бы в данном контексте наконец-то приравнен к чиновнику.

Грустный пример полного отсутствия чувства юмора продемонстрировал однажды один из наших педагогов на выпускном вечере. На школьной сцене было развернуто заседание суда присяжных. В качестве подсудимых выступали учителя, которые обвинялись в различных грехах. Например, в преступном вовлечении подростков в факультативные занятия, в заражении детей пагубной страстью к знаниям, в совращении несовершеннолетних, выразившемся в привитии им патологического пристрастия к математике, и т. д. и т. п. Каждому учителю, как водится, предоставлялось последнее слово подсудимого, где он мог привести необходимые аргументы в свою защиту. Под громовые раскаты смеха в зале учителя «выкручивались» как могли, но неотвратимо получали оправдательный приговор, а в придачу к нему еще и шутливый подарок, зримую метафору их так называемого преступления. Математик – туристский топорик, чтобы с его помощью, подобно папе Карло, из неотесанных бревен создавать вполне смышленых мальчиков в математическом классе, литератор – игрушечную лиру, дабы мог пробуждать чувства добрые у следующих поколений юных филологов, историк – игрушечный пылесос: неоценимый инструмент для сбора пыли веков.

Все шло как нельзя лучше, в зале царило веселое, приподнятое настроение, пока одна учительница категорически отказалась выйти на сцену, заявив при этом, что, подобно герою романа М. Горького «Мать» Павлу Власову, она признает единственный суд: суд своей партии. Дело происходило в конце семидесятых годов, и подобное заявление меньше всего походило на шутку. Над залом нависла гнетущая тишина. Этот демонстративный жест как нельзя лучше выражал идеологическую позицию данного педагога, несогласного с превращением серьезной процедуры выпускного вечера в балаган. Что ж, она имела право на свою точку зрения, но оборотной

стороной ее «принципиальности» было рекордное количество конфликтов с учащимися и их родителями в течение учебного года. Среди прочих причин напряженных взаимоотношений с детьми у этого учителя не последнее место занимало полное отсутствие чувства юмора. Бог судья пожилой учительнице, которая вскоре была вынуждена уйти из школы.

Урок математики в выпускном классе. Молодой аристократичный учитель, упивающийся собственной эрудицией, острый на язык. Ведь это так приятно: блеснуть в аудитории остроумием. У доски симпатичная девушка, чей ответ далек от идеала. Путая формулы, она с большим трудом добирается до конца изложения материала. Учитель, бросая в аудиторию ироничные взгляды, с сарказмом произносит: «Ну что же, Иванова, так и быть, поставлю вам «три», ведь математика не ваша стихия». Смех класса – «награда» за проявленное остроумие, а у девушки на глазах немедленно наворачиваются слезы. На второй парте справа – парень, который ей не безразличен. А учитель поиздевался над ней в его присутствии.

Формально к этому педагогу не придерешься, ибо оскорбление было нанесено не впрямую, а в тонкой язвительной форме. Но от этого оно еще страшнее и изощреннее. Нет, что ни говори, смех – грозное оружие в руках учителя, а потому пользоваться им надо предельно осторожно и лишь с добрыми намерениями.

Особенно убедительно выглядит педагог, который, даже попав в нелепую, комичную ситуацию (с кем не бывает), умеет с честью выйти из создавшегося положения.

Готовился серьезный открытый урок биологии, который должен был проводиться в присутствии высоких гостей. Урок был богато оснащен чучелами разнообразных животных. Как полагается, грозные члены аттестационной комиссии заняли свои места в конце класса заранее, еще на перемене. Прозвенел звонок, и взволнованная учительница, войдя в класс, произнесла заготовленную фразу: «Ребята, сегодня к нам в гости пришли звери». Ребячьи головы немедленно повернулись к гостям. С ужасом осознав контекст, в котором была произнесена эта фраза, призванная сразу же включить детей в работу по теме урока, она продолжила, обращаясь к комиссии: «Уважаемые добрейшие гости, я, разумеется, имела в виду не вас, а братьев наших меньших». И, улыбнувшись, она обвела руками экспонаты кабинета, выставленные на уроке. Дружный добрый смех был ей ответом. Смеялись все: она, дети и строгие проверяющие.

Доктора вызывали?

Звонок давнего приятеля: «Слушай, у меня проблемы с дочкой. Необходима твоя экстренная помощь». Несколько слов о наших с ним отношениях, без чего будет непонятна тональность и стилистика разговора, логика предпринятых после него педагогических действий.

Он – замечательный врач (отсюда просьба об экстренной помощи), руководитель крупной клиники. По жизни мы шли параллельными курсами, в один год защитили докторские диссертации, а еще через два года были избраны в свои академии. Но наши две параллельные прямые периодически пересекались, подтверждая на практике постулат неэвклидовой геометрии. Точками пересечения всегда были дети. Он по моей просьбе «вытаскивал» трудные случаи, возвращая здоровье больным ребятам. Я разбирался со своими пациентами, детьми его сотрудников. Загруженные сверх всякой меры, спасающие жизни чужих детей, они не всегда могли уделить должное внимание собственным. За годы знакомства между нами сложился ироничный стиль общения, при котором даже самые серьезные вопросы обсуждались в полушутливом тоне на грани студенческого стеба. Приятель – мой ровесник, женат вторым браком на женщине, которая значительно моложе его. Собираясь круто повернуть свою личную жизнь, он приехал посоветоваться. Состоялся мужской разговор.

– Как ты на это смотришь?

– Я не советчик в таких вопросах и не берусь воспитывать взрослых людей.

– Но ты же педагог. Вот и ответь, как может сказаться разница в возрасте в двадцать четыре года на наших дальнейших отношениях?

– Ты врач, тебе виднее.

– Не иронизируй, ты прекрасно понимаешь, что я спрашиваю про духовную общность, а это твоя специализация.

– У меня нет накопленного практического опыта в этом вопросе. Я, знаешь ли, всегда тяготел к зрелой красоте. И особых эмоций по отношению к юным дамам не испытываю. Как вспомню, что недавно мог сидеть со своими седыми прядками над их грязными тетрадками, так сразу внутри и снаружи все опускается. Единственный вопрос, который я могу задать при знакомстве с молоденькой девушкой: в каком году вы окончили школу?

– Это в тебе говорит профессионал. У нас тоже так бывает. В.

В. Вересаев в «Записках врача» замечает, что, когда видит хорошенькую девушку, первым делом обращает внимание на то, как у нее работают мышцы при ходьбе. Но ты уходишь от ответа на поставленный вопрос.

– Что тебе сказать? Общность культуры предопределяется общностью интересов, а те, в свою очередь, общностью судьбы и временем созревания личности. Допустим, ты вырос на авторской песне, а она «фанатеет», как выражаются сегодня молодые, от тяжелого рока. Помнишь, как пишет Жванецкий: «Хочешь очистить помещение от молодежи – включи классическую музыку». Студенческий сленг нашего с тобой времени и сегодняшний – это два разных языка. Ты можешь, например, понять вопрос: шнурки в стакане?

– Нет.

– Вот видишь. В переводе это означает: родители дома? Предки мешают «оттягиваться по полной программе». Их досадное присутствие в квартире так же нелепо и смешно, как шнурки от ботинок в чайном стакане. Мы с тобой, старик, для них – шнурки.

– И это мне говорит маститый педагог? Чем же ты тогда занимаешься в школе, если все они такие?

– Ну, не все. Я, конечно, несколько сгустил краски, но в педагогических целях, чтобы продемонстрировать тебе разрыв в ценностных предпочтениях разных поколений.

– А тебе известно, что большинство талантливых детей рождаются в браках между пожилым отцом и молодой матерью? Биографии нобелевских лауреатов неоспоримо доказывают эту закономерность. Мужчина генетически передает ребенку интеллект, а женщина – здоровье!

– Я понял, ты решил произвести на свет гения. Чарли Чаплин тоже родил в семьдесят лет. Только я что-то не слышал о втором великом актере с той же фамилией. Слушай, давай прекратим эту бессмысленную дискуссию. В таком деле советов не спрашивают.

С того памятного разговора прошло десять лет. За это время мы неоднократно встречались, обсуждая чужих детей, оказывая им посильную помощь. Каждый в рамках своей специальности. Но к деликатному вопросу его брака не возвращались никогда. Вероятнее всего, я обидел его своим скептическим отношением к неравным разновозрастным бракам. Я знал, что у приятеля родилась дочка, в которой он, как и полагается пожилому отцу, души не чаял. Но и эта тема была до сих пор закрыта для обсуждения в связи с тем же злополучным разговором. И вдруг этот звонок.

– Что случилось?

– Ты представляешь? Ребенок всего лишь в третьем классе, а уже начал врать.

– Ну почему сразу врать? Педагогическая наука отличает намеренную ложь от детских фантазий. Улавливаешь разницу? Дети часто создают себе вымышленный мир, в котором испытывают более интенсивные эмоции, нежели в актуальном мире. Ландшафт детской души сложен. Им сегодня занимаются детские психоаналитики.

– Оставь старика Фрейда в покое. У меня другой случай: клинический. Ребенок увиливает от занятий, изобретая при этом хитроумные комбинации, позавидовать которым могли бы герои Агаты Кристи.

– Вероятно, интеллект она унаследовала от отца, – ляпнул я некстати, но, поняв, что приятелю не до шуток, попросил: – Вот с этого момента подробнее, пожалуйста.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что ситуация с ребенком сложилась довольно банальная. Желая вложить в девочку как можно больше, родители до предела загрузили ее дополнительными занятиями: иностранный язык, художественная гимнастика, музыкальная школа. Будучи не в силах выдерживать такую нагрузку, ребенок начал изворачиваться, лгать, придумывать хитроумные детективные ходы. Например, мифическую потерю ключей от квартиры. Отсутствие ключей якобы помешало взять из дома необходимую для занятий спортивную форму. Пришлось до вечера дожидаться родителей у консьержки и т. п. Выслушав всю эту одиссею, я предложил немедленно сократить нагрузку ребенка, попутно отметив, что самое неприятное в такой ситуации то, что девочка получила опыт обмана, который, если не принять необходимых мер, может стать ее второй натурой.

– А может, ты поговоришь с ребенком? – вкрадчивым голосом попросил приятель.

– Я не Кашпировский и не умею лечить на расстоянии.

– Зачем на расстоянии? Приезжай к нам домой, посидим, пообщаемся.

– Я тебе что, доктор по вызову?

– А если бы и так? Я, например, руководитель клиники, но до сих пор у операционного стола, чтобы не потерять чувствительность пальцев. Если надо, выезжаю на дом к больным. Кстати, а как у тебя с пальчиками? Не потеряли еще педагогическую чувствительность?

Откровенно говоря, последнее замечание меня сильно задело. В голове мгновенно созрел план педагогической операции.

– В воскресенье утром встречаемся у Третьяковской галереи.

Ты наверняка до сих пор не удосужился сводить туда ребенка, – сказал я наугад, мстя за подозрения в утере мной педагогической квалификации. И попал в точку.

– Да, действительно. Все как-то недосуг, ты же знаешь мою занятость.

– Не оправдывайся. Действуем по договоренности, берешь ребенка и ждешь меня у входа.

Третьяковка всплыла в сознании совершенно случайно, в связи с проходившей в то время выставкой, приуроченной к двухсотлетию со дня рождения художника Александра Иванова. Вот я и решил воспользоваться шедевром в сугубо воспитательных целях.

Ровно в одиннадцать мы стояли втроем у полотна «Явление Христа народу». Его масштаб и тщательность проработки образов не могли не поразить воображение ребенка. Дав время девочке справиться с первым впечатлением, я повел речь об авторе, не забывая периодически проводить воспитательный момент.

– Представляешь, чего стоило художнику создать картину площадью сорок квадратных метров? Видишь, сколько подготовительных эскизов к картине вывешено вокруг? На эту работу ушло целых двадцать пять лет. Но ведь так в любом деле, будь то освоение иностранных языков или тренировки в художественной гимнастике. Совершенные достижения не бывают быстрыми и легкими. За ними годы тяжелого, кропотливого труда. Сразу не получается ничего.

Нагнетая драматизм, рассказал о том, как художник, рискуя жизнью, доставил картину в Россию. Огромное полотно не поместилось в трюм парусного корабля, пришлось перевозить его на палубе. Как назло, разразился сильный шторм, но автор все восемь дней не отходил от своего детища, хотя велика была опасность оказаться в бушующем море. От истории создания картины и доставки ее на родину мы перешли к содержанию произведения. К чести отца, девочка уже была знакома с детской Библией. Поэтому ей не составляло большого труда в центральной фигуре на полотне узнать Иоанна Крестителя. Он призывает покаяться. В чем? И здесь пошла речь о грехах человеческих, в числе которых, как нетрудно догадаться в контексте данной педагогической ситуации, ложь. Разумеется, это не был монолог экскурсовода или нотация учителя. Скорее доверительная беседа с взаимным обменом впечатлений и соображений по поводу увиденного на полотне в сопоставлении с реалиями жизни ребенка.

Мы вышли из музея. Девочка с удовольствием начала носиться по пешеходной зоне. Лукаво посмотрев на меня,

приятель промолвил:

– Бедный художник. Он и не знал, что его картина станет инструментом педагогических манипуляций, – и, сжав с силой мою руку, добавил:

– А пальчики еще ничего!

– После операции необходим период долечивания и грамотная сиделка.

– Ты имеешь в виду супругу? Сделаем из сиделки ходилку по музеям.

Предназначение или диагноз?

«Учитель, врач и актер – не профессии, это предназначение», – сказал незадолго до смерти замечательный актер З. Е. Гердт. Или диагноз. Отличить диагноз от предназначения не так сложно. И то и другое состояние души педагога имеет свою, ярко выраженную симптоматику. Довольно часто, выходя из метро, не зная точно, как пройти к месту очередного совещания, я почти всегда безошибочно определяю в толпе своих попутчиков и следую за ними. Специфическая печать лежит на их лицах. Какая-то особая нервическая озабоченность и сосредоточенная настороженность перемежаются с непомерной гордыней и ненасытной жаждой самоутверждения. В данном случае мы имеем дело с диагнозом. Справедливости ради, следует уточнить, что, в соответствии с занимаемой должностью, я по большей части принимаю участие в совещаниях администраторов: директоров и их заместителей. Зная не понаслышке о том, какой непомерный груз обязанностей лежит на современных руководителях школ, я далек от стремления иронизировать по поводу выражения их лиц, не излучающих оптимизма накануне совещания. Похоже, что и сам, в тревожном ожидании новых ценных указаний свыше, выгляжу не менее уныло. Однако ситуация, что называется, модельная и потому нуждается в пристальном рассмотрении.

Современный администратор – это, как правило, учитель среднего возраста, прошедший закалку в школьных баталиях, достигший определенных успехов в профессии. В противном случае его не выдвинули бы на руководящую должность. Несмотря на непомерную занятость, человек добросовестный и ответственный, он выкраивает время на преподавательскую работу, оставляя за собой некоторое количество часов. Сил и времени на подготовку к урокам катастрофически не хватает. Но накопленные знания и опыт позволяют до поры жить на старых запасах. Повторяю, что речь идет о модельной, достаточно распространенной ситуации.

Разумеется, жизнь полна исключений, и судьба подарила мне знакомство с руководителями, которые счастливо сочетали в себе способности администратора и яркие дарования учителя, которые не угасали на фоне многотрудной директорской жизни. Среди них пятидесятидвухлетний директор Гатчинской средней школы №51, учитель немецкого языка, победитель Всероссийского конкурса «Учитель года – 2002» Сергей Михайлович Смирнов. Ему и его открытому уроку на конкурсе зал аплодировал стоя.

Волшебство, магия, артистизм, органичность, высокая научность – вот лишь некоторые штрихи, которыми я могу передать впечатления от филигранной работы этого педагогического мастера.

Но такая гармония административной и педагогической деятельности достигается далеко не всегда. Чаще мы наблюдаем обратную картину: наращивание административных мускулов и постепенное ослабление, вплоть до атрофии, мышц педагогических. Однако оставим в покое администраторов. В конце концов каждому из них, в силу сложившихся обстоятельств, самому решать, продолжать учительскую деятельность, компенсируя на уроках недостаток былого азарта и увлеченности профессией административным ресурсом, или вовремя уйти со сцены, сосредоточившись на исполнении иных, также крайне важных для школы обязанностях. У администраторов, остановившихся в своем учительском развитии, по крайней мере есть серьезное оправдание, поскольку на практике неимоверно трудно реализовать мечту поэта:

«землю попашем, попишем стихи»

(В. Маяковский).

Гораздо печальнее, когда остановка личностного роста происходит у педагога, не обремененного дополнительными обязанностями. Явление достаточно распространенное: своеобразный педагогический кризис среднего возраста. Позади первые «пробы пера», пройден сложный период адаптации в школе молодого специалиста, освоено содержание предмета, в котором учитель ориентируется как рыба в воде, наработан педагогический инструментарий, позволяющий достаточно успешно обучать детей, выработалась учительская хватка, которая обеспечивает дисциплину практически в любом классе. Чего еще желать? Но тут-то незаметно и подступает опасность. Любая власть, включая власть над детьми, развращает. Даже если ее цель – благо растущего человека, его совершенное воспитание и обучение, а средства не тюрьмы и пыточные камеры, а всего лишь многократно испытанные способы воздействия на ребенка, со временем превратившиеся в клише и штампы. Рано или поздно они перестают срабатывать, но привычка достигать результатов у педагога остается. И тогда учитель усиливает напор, до отказа нажимает педаль газа, стремясь сохранить свое еще недавно безраздельное влияние на ребенка, объясняя себе самому растущее сопротивление материала исключительно внешними причинами: дети стали хуже, раньше они были более чуткими и отзывчивыми. Словом, *«не тот это город, и полночь не та»* (Б. Пастернак).

Кто спорит, время действительно меняется само и меняет лица детей. Но с профессиональной точки зрения это означает ровно то, что и требовалось доказать: *«в карете прошлого далеко не уедешь»* (М. Горький).

Но принять эту очевидную истину на вершине жизни, когда, казалось бы, наступил расцвет педагогической карьеры, чрезвычайно сложно, даже мучительно. Ее неприятие ведет к тому, что класс превращается в пыточную камеру, причем в равной мере для обеих взаимодействующих сторон: учителя и его воспитанников. Происходит стремительная деформация личности педагога. Он, незаметно для себя, меняется буквально во всем: ценностных установках, личностных предпочтениях, даже в манере поведения. Бывший демократ становится автократом, весельчак – занудой и педантом. Но при этом долгое время сохраняются осколки бывшего педагогического почерка. Тяжелое, противоречивое, крайне неорганичное впечатление производит такой педагог на уроке и за его пределами. Он вроде бы и не прочь, как в былые времена, пошутить с подростками, искренне стремится растопить холод и сократить дистанцию, обращаясь к ним: «мужики», «братцы». Но все эти попытки завоевать расположение учеников сопровождаются настороженностью во взгляде и сталью в голосе. Вслед за естественной реакцией на более или менее удачную шутку – смехом – следует окрик с требованием сосредоточиться на учебной работе и не отвлекаться.

Вконец запутавшиеся ученики не знают, как реагировать на педагога, и потому их реакции также не отличаются адекватностью. Вдобавок ко всему на этом уроке перед учителем – ученики элитного лицейского класса. Их офисный внешний вид – отглаженные сорочки и модные галстуки – совершенно не соответствует обращению «мужики», возможно приемлемому в классах попроще, уместному в неформальной обстановке, например в походе. В этом классе более органично звучало бы чуть ироничное «господа». Одним словом, перед нами разворачивается подлинная трагедия вчерашнего мастера, чей образ постепенно приобретает ярко выраженные гротескные, карикатурные черты профессионального диагноза.

Следующий неизбежный этап: конфликты с учащимися и их родителями, сетования на растраченную и не получившую должной оценки жизнь. «Я им всю жизнь отдала, а они...» – недавно пожаловалась мне моя бывшая однокурсница, ныне учитель одной из соседних школ. Зная потенциальные, неиспользованные возможности этого педагога, пользуясь привилегиями, которые предоставляет старинная студенческая

дружба, я не стеснялся в формулировках:

– Как ты не понимаешь, что, с утра до ночи пропадая в школе, и только в школе, ты перестала быть интересной и притягательной для своих учеников?

– И это мне говорит маститый директор? Какое счастье, что я в свое время не поддалась на уговоры и не перешла к тебе на работу. Мой директор, между прочим, меня ценит и приводит в пример другим членам коллектива.

Продолжать разговор не имело смысла. А ведь я помнил ее веселой, энергичной девушкой-хохотушкой. Без ее участия в студенческие годы не обходился ни один капустник. Естественно, что, попав в школу, она быстро приобрела симпатию коллег и обожание детей. Так продолжалось четверть века, а теперь… Возраст здесь не является решающим условием заката педагогической карьеры. Не так давно ушла из жизни Наталия Васильевна Тугова, блистательный учитель литературы. Даже в весьма преклонном возрасте, до тех пор, пока могла ходить, она вдохновенно преподавала свой предмет, оставаясь притягательной для своих учеников.

В чем же секрет преодоления кризиса среднего педагогического возраста? Когда и при каких условиях он начинается? Вопросы совсем непраздные для молодого учителя. Ему, конечно, кажется, что его-то уж точно минует чаша сия. Между тем мои долголетние наблюдения говорят о том, что черты диагноза начинают проступать очень рано, буквально с первых шагов молодого специалиста в школе. Парадокс заключается в том, что чем успешнее и быстрее идет адаптация начинающего учителя, тем больше вероятность его профессионального заболевания в недалеком будущем. Отчего так? Все очень просто. Смышленый наблюдательный молодой человек, попадая в школу, как губка впитывает реалии окружающей его жизни. Это как на приеме у лорда: на столе бесчисленное количество приборов, назначение которых тебе неизвестно, и, чтобы не опозориться, начинаешь присматриваться к поведению окружающих тебя людей и действуешь по образцу. Так и в школе. Молодой учитель вольно или невольно начинает копировать и воспроизводить в своей деятельности стиль общения и манеру поведения своих коллег. В первую очередь тех, чьи успехи на педагогическом поприще неоспоримы, чей авторитет в глазах коллег и детей непререкаем.

Хорошо, если усваемые и присваемые образцы не только соответствуют времени и обстановке, но имеют большой запас прочности и обращены в будущее. Мне повезло начинать свой педагогический путь в замечательном коллективе. Разумеется,

там работали разные учителя, но среди них выделялась группа педагогов, о которых надо сказать особо. Дело в том, что тогда по идеологическим причинам была разгромлена блистательная математическая школа. Власти не устраивал тот дух свободомыслия, который процветал в этом учебном заведении. Но времена были вегетарианские, педагогов не посадили, а разбросали по соседним школам. Так в нашей обычной школе со средним по своим возможностям контингентом учащихся (вокруг располагались три специализированные школы, которые оттягивали на себя лучших учеников) появилась Наталия Васильевна Тугова, которая затем привела в школу Льва Соболева и других свободомыслящих учителей. В коллективе быстро нашлись люди, разделившие немыслимые по тем временам либеральные педагогические ценности. Среди них Марк Григорьевич Баскин, Маргарита Борисовна Ваисова. Все это были люди прежде всего огромной общей культуры, а кроме того, высокие профессионалы своего дела. Мы, молодые педагоги, естественно потянулись к ним. Наши наставники не утруждали себя проведением методических семинаров и проверкой конспектов уроков молодых специалистов. Зато на переменах в курилке и в соседнем со школой кафе, где мы частенько засиживались до поздней ночи, шел один бесконечный симпозиум. Обсуждалось все на свете: новинки литературы, нашумевшие театральные премьеры, самиздат и последние политические «подарки» власти. Но прежде всего – дети, и еще раз дети, и педагогические открытия дня: что, где, на каком уроке произошло, как по-новому раскрылся тот или иной ученик, вчера еще казавшийся бестолковым и необучаемым.

Неформальная обстановка, в которой происходило это профессиональное общение, только усиливала наше стремление дотянуться до этих неординарных педагогов. А непринужденный, веселый стиль общения, не скрою – за бутылочкой легкого вина, снимал напряжение и подчеркивал тот факт, что за одним столом сидят не мэтры с педагогическими щенками, а люди равные, принадлежащие к одному цеху. Этот вольный дух не мог не отразиться на учениках. Я уже говорил, что наша школа была более чем обычной и не блистала специально отобранными учениками. Но произошло педагогическое чудо. Вчерашние бездельники вдруг стали проявлять повышенную учебную мотивацию при освоении математики; парни, которых до сих пор интересовал только хоккей, принялись с упоением читать «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова. Словом, школа приобрела «лица необщее выраженье», что стало явно выделять ее из окружавшего педагогического ландшафта. Тем самым она

подписала себе смертный приговор. Никакие учебные достижения не могли быть поставлены ей в заслугу, коль скоро власти шестым органом чувств (идеологическим) учуяли крамолу. Чуду быстро пришел конец. Достаточно было, воспользовавшись уходом на пенсию старого директора, мудрой женщины Марии Львовны Рублинской, терпевшей у себя всю эту вольницу, поставить на ответственный пост убогого начетчика с правильной идеологической установкой, чтобы вся наша деятельность потеряла смысл.

На первом же педагогическом совете новый руководитель дал установку по главной воспитательной задаче школы на ближайший месяц! Ведущая воспитательная задача была сформулирована в названии брошюры, заранее предусмотрительно разложенной им перед каждым педагогом, участником этого исторического заседания: «Как беречь девичью честь». Оценив по достоинству серьезность, масштаб и реалистичность выполнения в столь сжатые сроки поставленной воспитательной задачи школы, Наталия Васильевна Тугова, которой в ту пору было чуть больше пятидесяти лет, произнесла с мягкой улыбкой: «Мне уже поздно». Громкий хохот педагогов был ей ответом. Лицо нового руководителя окрасилось в багровые тона. Мы молча переглянулись и, дабы не вводить в искушение директора, в один день написали заявления об уходе в другие школы.

С тех пор прошло тридцать лет, но мы до сих пор встречаемся и продолжаем свой нескончаемый педагогический совет. Вспомнил я об этом потому, что лично для меня, тогда молодого специалиста, эти годы (всего четыре года!) предопределили весь дальнейший путь в профессии.

Но ведь все могло быть и по-другому. Молодой специалист попадает в давно сформировавшийся педагогический коллектив, со своим сложившимся в течение многих лет железобетонным порядком и устойчивыми представлениями о стиле и методах руководства детьми. Поначалу он пытается внести свою, живую, струю в это, нет, даже не сонное царство. Сонное царство – относительное благо, ибо равнодушие и апатия окружающих по крайней мере не мешают проявлять инициативу: «Тебе надо, ты и делай». Все гораздо сложнее и драматичнее: начинающий учитель оказывается в среде добросовестных деятельных педагогов, на тот момент добивающихся приличных результатов. Школа гремит, гордится своими медалистами и процентом поступления выпускников в вузы. Чего еще желать? Ведь «от добра добра не ищут». Зачем же мутить воду и оказываться в нелепом положении человека, который со своим уставом лезет в чужой монастырь?

Проще и безопаснее органично вписаться в предложенные педагогические обстоятельства, играя по принятым правилам.

Так буквально с момента прихода молодого специалиста в школу начинается его путь к обозначенному выше диагнозу, по которому незнакомые, далекие от нашей профессии люди немедленно вычисляют нас даже на отдыхе, после первых десяти минут общения, сочувственно спрашивая: «Вы, наверное, учитель?» О, да, в этом на первый взгляд безобидном вопросе целый букет ощущений, вынесенный из детских лет: менторский тон, категоричность оценок, нетерпимость к чужому мнению, привычка поучать и т. д. и т. п. Болезнь подкралась незаметно, но она уже очевидна для окружающих людей, бросается им в глаза. У Н. В. Гоголя в «Мертвых душах» есть лирико-философское отступление. Если бы молодому человеку показали его портрет в старости, он в ужасе отшатнулся бы от увиденного. Он презирает и ненавидит таких людей. Между тем это он сам, в течение жизни незаметно, по черточке терявший свои самые ценные качества. Разумеется, классик ведет речь не о естественных возрастных изменениях и неизбежной потере шарма и обаяния молодости. Ответственно утверждаю, что учитель, для которого избранная профессия становится призванием, а не диагнозом, прекрасен и в семьдесят лет. Что придает ему силы, делает притягательным для воспитанников? Неожиданно точный, исчерпывающий ответ на этот коренной вопрос нашей профессии нашел в пронзительно честных дневниках протоиерея Александра Шмемана. Священник, человек высочайшей культуры и феноменальной эрудиции, так вспоминает о наставниках своей юности и о подлинных источниках их благотворного влияния: «Все те, кто повлиял на меня и кому я действительно до бесконечности благодарен, повлияли тем, что давали мне, вольно или невольно, свое, тем, что я изнутри любовался ими. И чем больше любовался, тем менее испытывал потребность в каком-то специфически «личном» общении, личном «руководстве». Та истина, то видение, тот образ доброты, что я получал от них, и были их руководством, их влиянием, помощью и т. д., и это уже было моим делом применить все это к жизни, к моим «проблемам»...» Лучше не скажешь.

Третий Раскольников

Литература и история отечества хорошо знают двух Раскольниковых. Первый, по имени Родион, персонаж известного романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», второй – герой Гражданской войны Федор Федорович Раскольников, впоследствии бежавший от Сталина за границу и писавший оттуда дерзкие разоблачительные письма тирану. Но был и третий, не столь широко известный в культуре. Как это часто случалось с нашими соотечественниками, не совершив никакого преступления, он понес наказание, оказавшись далеко за пределами страны.

Судьба свела меня, начинающего учителя, с Феликсом Александровичем Раскольниковым не в самый радостный момент его жизни. Он, известный московский преподаватель литературы, уже успел пережить все перипетии разгона школы № 2 и два года работал на новом месте, откуда вновь надо было уходить. Летней ночью мы сидели на скамейке близ его дома на Ленинском проспекте, курили, и он с тоской рассказывал о своей очередной одиссее.

История вкратце такова. Два года назад в его классе появилась девушка – дочь прогрессивного, гонимого кинорежиссера. Его единственный фильм так и не вышел тогда на экраны. Режиссер, много наслышанный о блеске и глубине преподавания Ф. А. Раскольникова, поспешил определить к нему свою единственную дочь, собравшуюся поступать на филологический факультет МГУ, и не преминул познакомиться с известным и тоже гонимым учителем.

Возник личный доверительный контакт. Вплоть до выпускных экзаменов все шло в привычном русле обмена новостями (пугающими и не очень), обсуждения острых по тем временам публикаций и т. п. До тех пор, пока девушка не получила на экзамене по литературе надежную четверку. Для филфака, как можно догадаться, требовалась пятерка. Вот тогда-то и были отброшены все условности. Режиссер «смело» пошел к директору и заявил, что, если отметка по литературе не будет пересмотрена, он оставляет за собой право обратиться в компетентные органы по поводу сомнительной идеологической направленности преподавания Ф. А. Раскольникова. В частности, учитель обвинялся в чрезмерном увлечении М. Е. Салтыковым-Щедриным в ущерб советским авторам и т. п. Этот опальный режиссер знал толк в эзоповом языке классиков. Дальше сработала известная система выкручивания рук – от дружеского похлопывания по

плечу (нашел с кем связываться, плюнь и поставь, сколько нужно, у тебя и так репутация подмочена) до недвусмысленного предложения уйти из школы. Последнее нашло большее понимание у учителя. Вот мы и оказались рядом на скамейке в ночь после выпуска (у меня в тот год не было выпускных классов).

Прошло много лет. Феликс Александрович преподает российскую словесность в одном из канадских университетов, а тот, так и оставшийся единственным, фильм опального режиссера в годы перестройки вышел на экраны и потрясал залы, ореол мученика за идею окружал автора, но мне долго не хотелось идти на этот фильм...

Тень 2-й физматшколы еще долго витала над просвещением столицы. Когда я, молодой преподаватель, попал в яркий педагогический коллектив, то неожиданно услышал от методиста, довольного посещенным уроком: «Вы становитесь слишком умной школой. Это опасно. Не забывайте о печальном опыте 2-й школы...» К сожалению, предупреждение оказалось пророческим. Довольно скоро наши учителя разошлись кто куда.

Позже я напряженно думал: почему опыт 2-й школы оказался уникальным? Ну, разумеется, напугали, дали горький урок остальным. Но можно ли перекладывать всю ответственность только на внешние обстоятельства? Что-то в нас самих мешало продолжить борьбу. Может быть, чувство страха за детей? Открывать им горькие истины в условиях, когда общество не подает надежд на обновление, – значит обрушивать на детей тяжесть несовершенства бытия, а стало быть, обрекать их на двойную жизнь.

Вот мы и добрались до трагической альтернативы, перед которой останавливался в нерешительности совестливый педагог: ввергать молодого человека в тяжесть противостояния или оставлять в относительном неведении (ибо абсолютное все равно невозможно – глаза и уши-то у них есть!). Неразрешимость дилеммы обрекала педагогов (да и родителей) на уход от острых вопросов, хотя официально нас призывали не уклоняться от обсуждения актуальных проблем. Не уклоняться-то можно, да вот ответы, которые приличествовало давать, звучали жалко. Так мы (я имею в виду не только учителей) теряли кредит доверия, за что расплачиваемся до сих пор.

Пересмотреть, передумать, осудить свою прежнюю духовную жизнь, т. е. «покаяться», извлечь уроки из прошлого, – возможно ли без этого движение вперед? Обо всем этом мы разговаривали с Феликсом Александровичем на ночной скамейке. Разошлись под утро. Каждый из нас пошел своим путем. Обсуждавшаяся тогда нравственно-педагогическая проблема, к сожалению, не снята до

сегодняшнего дня.

Учитель – это стиль

Когда речь заходит об облике учителя, на память немедленно приходит чеховская фраза о том, что в человеке (читай – учителе) все должно быть прекрасно: и душа, и одежда. От себя хочется добавить: и зарплата, ибо нищий, обносившийся учитель – позор страны. Не так давно, перелистывая прессу, я обратил внимание на поразившую меня заметку. Там речь шла о потребительской корзине породистой кошки, перечислялись необходимые расходы, которые надо понести, дабы обеспечить милому домашнему животному достойное существование (чтобы резвость сохранялась и шерсть блестела). Так вот, как выяснилось, сумма этих расходов равняется заработной плате молодого специалиста, приходящего сегодня в школу после института. И я с грустью подумал о том, что, конечно, благородно, когда сердце отдается детям. Но что прикажете делать с другими органами, например пищеварения, девушке, вступающей сегодня на педагогическую стезю? Хорошо еще, если ей удастся удачно выйти замуж. И ее супруг, новый русский или, на худой конец, старый еврей поддержит материально молодое творческое горение. А как же иначе, когда в современном мире учитель, для того чтобы не вызывать к себе жалость, а, напротив, внушать уважение своим воспитанникам, обязан одеваться со вкусом. От него, извините за подробности, должно пахнуть хорошим парфюмом. Безупречный внешний вид – первый шаг к завоеванию авторитета. Встречают-то ведь по одежке. Отдавая себе полный отчет в деликатности темы, слишком тесно связанной с материальным достатком учителя, тем не менее рискую ее продолжить. Далеко не все в стиле одежды и манере поведения человека, учителя определяется величиной кошелька. Как свидетельствуют современники, А. А. Ахматова, оказавшись в отчаянном материальном положении, принимая дома гостей, и в халате выглядела королевой.

Мне чрезвычайно повезло начинать свою педагогическую деятельность среди людей, которые, помимо глубины знаний, неизменно демонстрировали безупречное чувство вкуса. Со временем я понял, что внутренняя глубина опосредованно связана с внешним обликом.

Маститый, уже тогда убеленный сединами математик Марк Григорьевич Баскин. Всегда в отлично отутюженном костюме, с тщательно подобранным в тон сорочке галстуком, начищенными до блеска штиблетами. Он и сейчас, на восьмом десятке, смотрится франтом. Одно его появление в классе заставляло

подтягиваться самых нерадивых парней, а девушки раздували ноздри, вдыхая аромат его одеколона. При этом свободно льющаяся речь, легкое, безобидное подтрунивание над учениками, способность мгновенно откликнуться на шутку. Все это, вместе взятое, создавало учителю ореол обожания, которым он «бессовестно» пользовался, умело поворачивая учеников обоего пола лицом к своему сложному предмету.

С Львом Иосифовичем Соболевым мы упали на ниву просвещения почти одновременно. Его первое появление в школе вызвало фурор. Светло-коричневый замшевый пиджак (безумная по тем временам редкость). Остроносые, по последней западной моде мокасины, яркий оранжевый, как в известном шлягере, галстук. Одним словом – стиляга. Но при этом феноменальная память, огромная эрудиция (в то время он был аспирантом МГУ), знание наизусть бесчисленного количества стихов. Молодой преподаватель литературы как бы иллюстрировал своим обликом известную пушкинскую мысль: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Ну конечно же, он выпадал тогда из традиционных представлений о внешнем виде учителя.

По тогдашним понятиям учительница должна была выглядеть скромно (белая блузкаи черная юбка), в ее внешнем облике не могло быть и намека на сексуальность. Брюки на учительнице предвещали скандал. Однажды в учительской я оказался свидетелем забавной сцены. Пожилой мужчина, секретарь парторганизации, выполняя указание свыше, подошел к молодой учительнице и, потупив от смущения глаза, произнес: «Ну хотя бы ради меня, снимите штаны!» В свою очередь, преподаватель-мужчина должен был облачаться преимущественно в серо-черные тона и носить очки в железной оправе с диоптрическими линзами (результат ночного бдения над ученическими тетрадками).

У нового учителя на носу красовались очки в роговой оправе, вдобавок с ниспадающей от ушей до воротника серебряной цепочкой. Появление модного филолога в школе можно было рассматривать как своего рода революцию, прорыв к свободе. Он и привнес в школу долгожданное свободомыслие – как в форме предъявления своей персоны, так и в содержании преподавания. Именно с его появлением в школе на уроках зазвучали стихи Ахматовой и Пастернака, проза Булгакова и Платонова. С годами он менялся, что проявлялось и во внешнем облике. Не до седых же волос носить оранжевый галстук? Былая франтоватость исчезла, уступив место некоторой вальяжности уверенного в себе мастера. Выработался свой фирменный стиль: рубашка с открытым воротом, жилетка с множеством накладных карманов, седая шевелюра, прикрывающая уши.

По внешнему облику сегодня он скорее напоминает театрального режиссера, каковым и является, совмещая блистательное преподавание литературы с художественным руководством школьным театром. Его знаковая жилетка – это все равно что косоворотка Горького, блуза Маяковского или шляпа Боярского. Забавно, что, побывав у него на лекции, один из моих молодых учителей на следующий день пришел в школу в таком же опрощенном виде. Увидев это чудесное «преображение», я съязвил: «Ты сначала стань мэтром, а уж потом позволяй себе вольности в одежде».

В литературном кафе на юбилее Л. И. Соболева собрались сотни его выпускников. Среди них известные филологи, литературные критики, редакторы журналов. Юбилей проходил в форме презентации новой книги. Солидный том, в котором опубликованы их труды, предваряет портрет учителя. Сборник посвящен ему. С ответным словом к собравшимся выпускникам обратился мастер. Та же жилетка, те же очки с серебряной цепочкой.

До сих пор речь шла преимущественно об облике учителя-мужчины. Дамский вопрос в школе имеет свою специфику, особенно когда директор мужчина. Женщины крайне обостренно относятся к своему внешнему виду и особенно болезненно к его оценке со стороны окружающих. Однажды я сознательно допустил вопиющую бестактность. Шел очередной педсовет. Окинув мрачным взором собравшихся учительниц, я процедил сквозь зубы ледяным тоном: «У вас такой вид, что хочется выдать вам по три рубля на прическу». После этого со мной не разговаривали три месяца, но с тех давних пор традиция следить за собой укоренилась в нашей школе. Будучи последовательно внуком, сыном, мужем и отцом учительниц, я, как никто другой, понимаю, каких неимоверных усилий стоит им сохранение формы в нашей профессии. Что значит: рано утром накормить мужа, отвести сонного ребенка в детский сад, а после всего этого войти в класс, демонстрируя ухоженность и праздничное настроение. Всю школу облетел комический случай, иллюстрирующий крайнюю задерганность женщин-педагогов. Молодая женщина, выполнившая с утра все семейные обязанности, за десять минут до начала уроков влетает в раздевалку, снимает пальто и вызывает гомерический смех своих коллег: на ней роскошная блузка, но в утренней спешке она забыла надеть юбку. Тем не менее убежден, никакие малые и большие проблемы нашей личной жизни не снимают с учителя почетную обязанность выглядеть прилично.

«При тяжелых ударах и когда тебе грустно, казаться

улыбчивым и простым – самое лучшее в мире искусство»

(С. Есенин).

Связь облика и сути человека нерасторжима. Дворянки, выпускницы Смольного института, даже на поселении в ссылке не позволяли себе опускаться, поражая деревенских жителей осанкой (прямой спиной) и всегда отглаженными блузками. Женщина, наделенная от природы безупречным вкусом, в магазине порой произносит: «Хорошая вещь, но не моя». За этой фразой чаще всего стоит не запредельная стоимость туалета, но трезвый, объективный учет особенностей своей фигуры, лица, возраста, назначения вещи (куда я смогу это надеть?) и многое другое, что определяет культуру и воспитание человека. Наивно думать, что природный вкус – удел каждого. Чаще всего вкус приобретается постепенно, годами наблюдений за окружающими людьми, вызывая желание подражать им во всем, включая манеру одеваться. К слову сказать, этим обстоятельством и диктуются мои, может быть, слишком завышенные требования к облику учителя, на которого ежедневно смотрят сотни подростков. Но нельзя ждать годами, пока вульгарно одетая молодая учительница приобретет необходимый для школы шарм.

Несколько лет назад для молодой педагогической поросли мы пригласили в школу визажиста, который на многое открыл глаза начинающим педагогам. Выяснилось, например, что облик каждого из них соответствует определенному времени года: весна, лето, осень, зима. Отсюда цветовая гамма одежды для женщины-зимы будет одной, а для женщины-осени совершенно другой. Каждый участник семинара получил свою, индивидуальную, палитру: специальный подбор оттенков цветов, которые ему к лицу. Как я уже говорил, визажиста пригласили в первую очередь для молодежи, но постепенно на занятия стали проникать и более зрелые женщины-педагоги, семинар не обошли стороной даже некоторые мужчины. Картину дополнило открытие школьной парикмахерской, которая, наряду с учебными функциями обучения подростков парикмахерскому делу, выполняет свое обычное предназначение. Там любой педагог в удобное для него время, не отходя от школы, может привести себя в порядок у опытного мастера. Накануне школьных праздников парикмахерская работает до поздней ночи, без ограничения времени.

Очевидно, что внешний вид учителя – эффективный инструмент влияния на детей и юношество, но одного личного примера педагога, для того чтобы привить молодым людям вкус в одежде, сегодня недостаточно. У молодежной субкультуры свои каноны красоты. Джинсы на бедрах, короткая майка, между ними

открытый живот, украшенный пирсингом (железным колечком около пупка). Такова сегодня молодежная мода. Я не ханжа и спокойно отношусь к этой достаточно откровенной манере одеваться. Когда же оголяться, если не в молодости, пока еще есть что показать? Но одно дело, когда человек отправился на дискотеку или в ночной клуб, и совсем другая ситуация, если он пришел в учреждение, в офис. Это приходится настойчиво разъяснять не только подросткам, но даже устраивающимся на работу молодым учителям. Ссылки на западные вольности, на то, что так сегодня одеваются молодые люди в европейских странах, не убедительны. Уважаемые, солидные фирмы там требуют от своих сотрудников строгого стиля в одежде (офисный вид); и только в один из дней, перед уик-эндом, допускается демократизм в нарядах.

В весьма пикантном виде пришла устраиваться на работу девушка, учитель начальной школы. Я демонстративно невежливо уставился на ее обнаженный живот, рискуя вызвать у девушки недобрые подозрения, а затем перевел глаза на заместителя. «Все поняла, – с улыбкой отреагировала она на эту фривольную сцену, – пошли работать». И, обняв молодого специалиста за плечи, повела ее в свой кабинет.

Проблема заключается в том, что весь стиль и образ современной жизни работает на понижение и упрощение. Практически не осталось мест, куда человек может прийти при полном параде. В оперу и на театральную премьеру, на вечеринку с друзьями и на встречу Нового года люди одеваются просто: свитер, куртка, джинсы. Однажды, придя в ресторан, где мы с солидными друзьями собирались встречать Новый год, я облачился в смокинг. За соседним столиком меня приняли то ли за официанта, то ли за метрдотеля, обратившись с какой-то претензией по поводу обслуживания посетителей. Спрашивается, куда сегодня девушка и взрослая женщина могут надеть туфли на высоких каблуках и длинные вечерние платья? Исключение составляют приемы в посольствах, закрытые для посторонних презентации эксклюзивных товаров, гламурные вечеринки так называемой великосветской элиты, торжественные церемонии вручения престижных премий.

Уважающая себя школа также имеет свои торжественные церемонии, к числу которых в первую очередь относится выпускной вечер. На таком празднике юное прелестное создание, впервые в жизни вставшее на высокие каблуки (до этих пор она щеголяла в кроссовках), покачиваясь, с трудом сходит со сцены после получения аттестата, неумело придерживая шлейф вечернего платья. Как-то неубедительно выглядят и юноши в

пиджаках, чье дыхание затруднено непривычным завязанным (навязанным) галстуком. Обвинять молодых людей нельзя, у них действительно нет необходимого опыта участия в праздничных церемониях. Как одеваться и как держать себя в подобных торжественных обстоятельствах – такому поведению ведь тоже надо учить, и не только на словах. В этом смысле нам повезло.

Однажды мой добрый знакомый директор Дома кино Ю. Гусман обратился ко мне с необычной просьбой. Готовилась очередная торжественная церемония вручения высшей кинематографической награды «Ника». Попасть на эту интересную церемонию со стороны практически невозможно. Зал Дома кино, как правило, переполнен до отказа культовыми и узнаваемыми персонами: деятелями кино, политиками, бизнесменами. Во время церемонии ведется телевизионная трансляция. В ней-то и заключалась проблема. Дело в том, что, получив премию и заветную статуэтку богини победы Ники, эмоциональные актеры с друзьями немедленно отправлялись отмечать свою победу в ресторан. Из-за этого в зале образовывались свободные места, зияющие пустые кресла, портившие телевизионную картинку. Через некоторое время, отметив успех, звезды экрана, конечно, возвращались на церемонию, но на смену им уходили другие номинанты. Словом, надо было периодически заполнять бреши в зрительном зале, и тогда веселый и находчивый Ю. Гусман придумал так называемую «службу свободных мест». Ее творческая задача заключалось в том, что одетые, как актеры, молодые люди должны были легко и непринужденно занимать высвобождающиеся места в зале, вполголоса объясняя изумленным соседям по ряду, кто они такие: служба свободных мест. А затем также элегантно, с улыбкой уступать свое место не менее удивленным звездам, возвращающимся в зал.

Я не иронизировал, когда назвал эту скромную задачу творческой. Во-первых, смокинг с бабочкой, как и длинное вечернее платье, надо научиться носить. Легкость и непринужденность даже при проведении такой нехитрой операции, как подсадка на свободное кресло, тоже надо репетировать, дабы, упаси господи, не идти вдоль ряда спиной к сидящим зрителям, не «плюхаться» с сознанием выполненного служебного долга в мягкое кресло, вытягивая конечности на всю длину. Актеров специально учат манерам поведения, а старшеклассникам предстояло в сжатые сроки овладеть этими премудростями, чтобы органично вписаться в то сообщество людей, где им придется находиться. Да, в некоторых школах сегодня преподается этикет, но где и кем в обыденной жизни

строго соблюдаются его правила? Повсеместно наблюдаемая небрежность в одежде и опрощение в отношениях между взрослыми людьми, порой доходящее до хамства, обесценивают попытки школы привить молодым правила хорошего тона. А здесь представился счастливый случай не только в теории, но и на практике ощутить вкус другой жизни.

Долго уговаривать старшеклассников не пришлось. Еще бы – попасть на такое престижное мероприятие и почетно, и интересно. Кто-то приобрел смокинг (пригодится на выпускном вечере), кто-то взял его напрокат. Девушки, разумеется, не стали пользоваться услугами проката и задолго до выпускного вечера освоили искусство передвижения в вечерних туалетах. Таким образом, одновременно оказались выполнены две задачи: внешняя (Дома кино) и внутренняя педагогическая: облагораживания юношества. Еще пару лет мы активно сотрудничали на таких церемониях с Домом кино. И этого вполне хватило для того, чтобы смокинг и бабочка вошли в стилистику проведения торжественных школьных церемоний. В пригласительных билетах на празднование юбилеев школы мы, как и пристало солидному учреждению, заранее предупреждаем о форме одежды: вечерние платья и смокинги обязательны.

Не слишком ли это претенциозно? Не обременительно ли для учителя? Допустим, у старшеклассников есть обеспеченные родители, а у хорошо устроенных выпускников собственные средства, позволяющие приобрести дорогой наряд, который не нужен в повседневной жизни. А учительница со скромной зарплатой, ей это зачем? Мне подобных вопросов уже давно не задают. Убежден, что, хотя бы раз в пять лет (с этой периодичностью происходят юбилеи), она хочет, имеет право и обязана в роскошном платье войти в сверкающий огнями зал и почувствовать себя королевой. Сам процесс выбора туалета, обсуждения с коллегами и подругами: в чем я там буду? – это и есть начало праздника, а точнее, предпраздничное состояние, которое украшает жизнь и позволяет мужественно переносить ее неизбежные тяготы.

Замечательно, что коллеги из других школ и регионов, бывающие у нас на семинарах, отдавая дань методическому мастерству наших педагогов, неизменно отмечают: «У вас какие-то другие учителя… ухоженные!»

Если бы жизнь начать сначала…

Как бы вы хотели прожить свою жизнь, если все начать сначала? Этот риторический вопрос обычно любят задавать журналисты людям значительным, достигшим определенных успехов в науке, искусстве, спорте и политике. До поры до времени меня одинаково забавляли как сакраментальный вопрос, так и стандартные ответы, свидетельствующие о том, что интервьюируемые персоны ни о чем не сожалеют и полностью удовлетворены своей счастливой судьбой. На память немедленно приходили хрестоматийные стихи А. Блока, приобретавшие в этом контексте иронический оттенок: «Умрешь, начнешь опять сначала. И повторится все, как встарь...» Что за глупость, получив в дар вторую жизнь, полностью воспроизвести первую со всеми ее заблуждениями и ошибками, даже не дерзнув попробовать себя на ином поприще? Я бы, например, обязательно попытался стать настоящим режиссером или, например, профессиональным литератором. А еще лучше – выдающимся композитором, жаль только, что природа обделила абсолютным слухом. Но, быть может, он прорезался бы в той, другой, жизни?

С годами сарказма поубавилось. На смену иронии все чаще приходили размышления о сокровенном смысле избранной профессии, ее спасительной и благотворной роли в собственной судьбе. К тому подталкивали многочисленные истории и ситуации, в которые попадал автор этих заметок, каждый раз делая необходимые выводы из случившегося. Забавные и грустные, а порой достаточно драматичные, они неизменно подсказывали тот, самый стандартный, ответ на сакраментальный вопрос. Пару из них я здесь и привожу.

Первая история относится (не пугайтесь!) к жанру мужского ночного приключения. Происходила она в тот романтический период нашей истории, когда страна бурлила в перестройке, надеясь на быстрые позитивные преобразования. В то время еще было модно привлекать педагогов-практиков к разработке ответственных судьбоносных государственных решений в сфере образования. Я всегда охотно откликался на подобные просьбы, резонно полагая, что, хорошо зная проблемы школы изнутри, могу быть полезен; а кроме того, был прямой смысл участвовать в разработке решений, которые потом нам самим же и придется выполнять.

В тот раз мы до поздней ночи засиделись в высоком кабинете. Постепенно в ночи растворились чиновники, конечно переживавшие за судьбы образования, но не столь остро, чтобы

остаться ночевать в родном ведомстве. А я, как помню, до хрипоты продолжал отстаивать пункт пятый параграфа второго какого-то документа. Устав от моего занудства, хозяин кабинета посмотрел на часы, которые пробили два часа ночи, и неожиданно предложил: «А не перекусить ли нам где-нибудь неподалеку?» А почему бы и нет? Тем более что в тот момент мы оба были временными холостяками. Дело происходило в середине лета, жены с домочадцами были на дачах, о чем по вечерам грустно напоминали пустые домашние холодильники. И мы отправились на поиски ближайших, открытых ночью кооперативных кафе, которые появлялись тогда повсеместно.

Первое же кафе, притянувшее нас своим уютом, одновременно отрезвило голосом официанта, предупредившего о том, что, в связи с антиалкогольной кампанией, спиртного здесь не подают. Заявление озадачило, поскольку после почти суток напряженной работы хотелось не только поесть, но и несколько расслабиться. Мы мрачно рассматривали меню, когда вплотную к нашему столику подошел скрипач. Вероятно, подумал я, таким способом они пытаются поднять нам упавшее настроение. Интересно, во что обойдется концерт в пересчете на количество непроданного спиртного?

Скрипач заиграл романс Свиридова из кинофильма «Метель», и я насторожился. Дело в том, что под эту мелодию все годы мои выпускники прощались со школой. Я сам с первого года существования школы завел эту трогательную традицию. А еще через минуту к столику подплыла высокая длинноногая официантка, держа в руках поднос с запрещенными горячительными напитками на любой вкус. «В чем дело? – поинтересовался мой изумленный попутчик в этом ночном приключении. – У вас же не положено?» А она, обращаясь только ко мне, торжественно произнесла: «Хозяин нашего кафе, выпускник вашей школы (она назвала фамилию и имя), приветствует вас. Напитки за счет заведения». И чинно удалилась, оставив на столе все принесенное.

Продолжала играть скрипка, а мы ошарашенно смотрели друг на друга. Первым молчание из вежливости прервал я:

– Да, быстро вырастают дети, а ведь в школе не представлял из себя ничего особенного. Был двоечником, с трудом получил аттестат о среднем образовании.

– Вот видите, почему образование нужно срочно реформировать, связывая его с реальной жизнью, – сел на своего любимого конька мой коллега. – Вчерашние двоечники процветают, а где отличники, я вас спрашиваю?

– До поздней ночи сидят в министерстве.

– Иронизируете?

– Ничуть, я думаю совсем о другом.

– ?

– Теперь вы понимаете, почему на ваше лестное предложение занять высокий пост я ответил отказом? Даже министру здесь ночью не поднесут, а простому директору школы, пожалуйста!

Мы рассмеялись и с удовольствием продолжили ночную трапезу.

Вторую историю к веселым не отнесешь, она скорее относится к разряду «печальных наблюдений и сердца горестных замет» .

В последнее время запутались мы что-то в праздниках. Взять, к примеру, День учителя. Вся страна по традиции отмечала его в первое воскресенье октября. Между тем по специальному указу Б. Н. Ельцина праздновать его надлежит пятого октября, поскольку именно эта дата является международным учительским праздником. Между числами календаря скромно затерялось четвертое октября, имеющее самое непосредственное отношение к достижениям отечественного образования. К большому стыду, напомнил мне об этом интеллигентный седовласый человек с профессорской бородкой, работающий у нас на скромной, неприметной должности школьного гардеробщика.

В этот день он заступил на пост непривычно нарядный: в отглаженном костюме и белой сорочке с галстуком.

– Вас, видимо, можно поздравить с днем рождения? – осторожно поинтересовался я у него.

– Что вы, у меня праздник более значительный, ведь я всю жизнь проработал конструктором в Подлипках, а 4 октября 1957 года мы запустили первый искусственный спутник Земли. Это был огромный прорыв в науке!

Еще бы не прорыв, когда на следующий день после запуска американский президент Кеннеди, пораженный достижениями советской науки, дал распоряжение немедленно начать реформу американского образования. У них, как известно, все получилось.

А у нас рядом со школой поликлиника. Каждое утро, проходя мимо нее, я обмениваюсь приветствиями с благообразным дворником, аккуратно метущим двор. Это родитель одного из моих давних выпускников, в прошлом тоже конструктор космических кораблей. Не забыть бы поздравить и его в столь знаменательный день. Неужели он остался вехой лишь в жизни этих людей, под старость нашедших «свое», мягко говоря, незавидное место в строю? И как их наглядный пример влияет на умы и души их детей и внуков?

В замечательном фильме В. М. Шукшина «Калина красная»

есть такой эпизод. Главный герой, только что освободившийся из заключения, страстно жаждет праздника, который потрясет весь город. Надев роскошный халат, приняв брутальное выражение лица, решительной походкой врывается он в зал привокзального ресторана и застывает в изумлении, увидев состав гостей. Они в не меньшем замешательстве, поскольку не вполне осведомлены о поводе торжества.

– Что празднуем, мил человек? – вопрос, который окончательно лишает героя приподнятого настроения.

Не так ли и мы? Всей душой, искренне стремясь обрести утраченную идентичность, мы последовательно сначала торжественно отпраздновали тысячелетие Казани, затем, как бы в противовес, славный юбилей Куликовской битвы. А вскоре отметим изгнание поляков из Москвы как символ прекращения Смуты. Слов нет, все это судьбоносные даты отечественной истории. Но почему, все дальше погружаясь в глубь веков, мы проходим мимо совсем недавних исторических событий? Ведь еще живы их непосредственные участники. Может быть, потому, что они метут двор и выдают детские пальто, а нам стыдно. А еще я с благодарностью подумал о своей профессии. Что бы сталось со мной, будь я конструктором космических кораблей, который, вкладывая всю жизнь и душу в свою работу, однажды увидел свое любимое детище «Буран» в парке развлечений? Не каждая психика это выдержит. Не случайно замечательный психолог Виктор Франкл, прошедший все круги ада в гитлеровских застенках, вспоминал, что в концлагерях выживали не самые физически сильные люди, а те, кто не терял смысла жизни и надежды на будущее.

Педагогам кошмар смыслоутраты не грозит. При любых общественных и политических раскладах мы будем продолжать учить детей. Что же касается упущенных возможностей реализовать себя в других, не менее важных и интересных сферах деятельности, то школа при желании их предоставляет. Здесь приходится по необходимости быть всем: и изворотливым менеджером и режиссером-постановщиком, сценаристом шоу и даже, если потребуется, детективом. Но это уже другая история.

Занавеска на скрижалях

Я оканчивал Педагогический институт имени В. И. Ленина. Учился в главном корпусе, что на улице Пирогова в Москве. Старинное здание, в котором главная аудитория именовалась тогда Ленинской, поскольку именно в ней выступал по случаю вождь мирового пролетариата. Соответственно, сакральное место института было украшено его изречениями, выбитыми на мраморных досках, своего рода скрижали коммунизма.

Недавно по делам службы я оказался в своей альма-матер. Естественно, потянуло в любимую со студенческих лет аудиторию, где сама атмосфера хранит память о выдающихся лекторах: Лосеве, Утченко, Кобрине и других ученых, составлявших гордость отечественной гуманитарной науки. Аудитория все та же, но появилась новая деталь, дань новому времени: ленинские цитаты, стыдливо прикрытые матерчатыми занавесками.

Неожиданно для самого себя, вновь превратившись в бесшабашного студента, раздвинул одну из шторок:

«Следует поднять учителя на недосягаемую высоту»

(В. И. Ленин).

Послание вождя из прошлого в будущее, которому так и не суждено было реализоваться за все годы советской власти, а в последующую после краха утопии эпоху оно уже звучало как издевка. Вот его и прикрыли от греха подальше занавеской. Так дешевле, нежели вкладывать средства в ремонт аудитории. Другая версия: кто-то дальновидный не спешит уничтожать священные письмена. Подумалось, а вдруг настало время расчехлить старые лозунги, тем более сегодня, когда только ленивый не призывает в свою поддержку тени прошлого. Какая разница, кому принадлежала верная и полезная мысль? Взять на вооружение – и на полной скорости вперед! С головой, повернутой назад? Но такой своеобразный способ передвижения чреват ДТП.

Осторожно, с сожалением задернул шторку. Даже в этой, на первый взгляд бесспорной и греющей душу педагога, мысли вождь ошибся. В чем? Столкновение с цитатой из прошлого всколыхнуло целый дремлющий на глубине сознания пласт советского воспитания и неожиданно выбросило на его поверхность ответ в чеканной формуле другого священного текста: «Никто не даст нам избавленья – ни бог, ни царь и не герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». От себя добавим к этому перечню избавителей государство. Ему-то и

адресовал свой призыв Ильич. Слов нет, оно обязано осуществлять свое попечение на ниве образования, хотя бы из чувства элементарного самосохранения. Но как только его длань начинает распространяться на все, без изъятия, сферы образования и воспитания – пиши пропало.

Это прекрасно понимал замечательный русский педагог прошлого века С. И. Гессен: «Формальная и фактическая монополия государства способствует только деградации образования, делая из него орудие воспитания молодежи в духе господствующей общественной группы, она делает из образования орудие так называемых общественных интересов или даже среды, с помощью которого преходящие правительства хотят упрочить и расширить свою власть». Естественно, что с таким ясным осознанием величайшей опасности государственной монополии в образовании Сергей Иосифович закончил свой жизненный путь в эмиграции.

Нет, не стоит дожидаться, пока кто-то большой и сильный затащит нас на небывалую высоту. Думать так – означает взращивать и лелеять в себе рудименты рабской психологии. Восхождение требует прежде всего личного мужества, которое невозможно без чувства достоинства и привычки опираться в жизни на собственные силы. Укреплять эти единственно надежные и верные основания профессионального и человеческого роста – важнейшая задача ближайших десятилетий. Такой вот рой мыслей пронесся в голове по поводу зашторенной цитаты и в связи с готовящимся тридцатилетним юбилеем школы.

Тридцать лет назад мы пришли в школу-новостройку молодыми людьми. Пройден большой путь, педагоги, совершившие его, имеют неоспоримые заслуги, которые должны быть отмечены на юбилее. Между тем по государственным канонам юбилеем, который дает право на награды работникам, официально считается лишь пятидесятилетие учреждения. Из чего следует, что в год тридцатилетия школы реально я, как руководитель, могу рассчитывать на один значок «Почетный работник образования» и три грамоты родного министерства (из расчета одна грамота на сто человек). Такие вот щедроты государства. Не надо быть великим провидцем, чтобы предвидеть: мало кто из основателей школы доживет до ее славного пятидесятилетия. А их надо возвеличивать при жизни, нарушая печальную российскую традицию, подмеченную еще А. С. Пушкиным: «Они любить умеют только мертвых». Жалею государство, у которого вечно чего-то не хватает: бумаги на грамоты, металла на почетные значки.

Заказываю у своих выпускников-ювелиров знаки из золота высшей пробы для тех, кто проработал в нашей школе все тридцать лет, серебряные – для тех сотрудников, чей стаж в нашем учреждении составляет двадцать пять лет. Ювелиры постарались, не взяв с меня за работу ни копейки. Тонкие учительские руки, оберегающие нежный росток – душу ребенка. Такой знак отличия можно получить лишь в нашей школе.

Юбилей проходит на арене Большого цирка на проспекте Вернадского. А где еще можно собрать три с половиной тысячи выпускников? Разумеется, дело не только в количестве посадочных мест. Цирк – мое первое место работы и особое праздничное состояние души, его очень точно выразил Б. Окуджава в стихах, посвященных Ю. Никулину.

Цирк – не парк, куда вы ходите
грустить и отдыхать.
В цирке надо не высиживать,
а падать и взлетать,
и под куполом, под куполом,
под куполом скользя,
ни о чем таком сомнительном
раздумывать нельзя.
Все костюмы наши праздничные –
смех и суета. Все улыбки наши пряничные
не стоят ни черта перед красными султанами
на конских головах, перед лицами,
таящими надежду, а не страх. О Надежда,
ты крылатое такое существо!
Как прекрасно
твое древнее святое вещество: даже если вдруг потеряна
(как будто не была), как прекрасно ты распахиваешь
два своих крыла над манежем
и над ярмаркою праздничных одежд, над тревогой завсегдатаев,
над ужасом невежд, похороненная заживо,
являешься опять тем, кто жаждет не высиживать,
а падать и взлетать.

Но какой же цирк без парада-алле? Под звуки марша по подсвеченной всеми огнями лестнице откуда-то из поднебесья на арену цирка спускаются все педагоги, они постепенно заполняют арену. Три с половиной тысячи выпускников стоя рукоплещут

своим учителям. Так начинается наш праздник, который мы делаем себе сами. Между прочим, это одна из главных объединяющих идей школы, которую мы исповедуем все годы: чем сложнее окружающая жизнь, тем больше должно быть праздников. Нервы нам будут мотать все кому не лень, но праздник себе можем сотворить только мы. Тридцать лет это «и жизнь, и слезы, и любовь».

После торжественного награждения отцов и матерей – основателей школы – наступает грустная минута. Звучит песня: «Опустела без тебя земля». На огромном экране поочередно появляются лица педагогов, не доживших до светлого дня юбилея. Зал встает, в руках у выпускников зажигалки. Три с половиной тысячи огоньков в притихшем цирке в память ушедших учителей.

Тем временем шоу набирает обороты. Да-да, не надо стесняться этого слова. Не юбилейное мероприятие с длинными пресными речами и славословиями в адрес виновников торжества, а яркое, запоминающееся духоподъемное зрелище, сделанное нами с учетом всех законов восприятия современного человека, избалованного нынешними техническими средствами. Но у нашего шоу есть, по крайней мере, два неоспоримых преимущества, заведомо обрекающих его на успех: теплый дружественный зал, воспринимающий все происходящее с огромной отдачей энергии, и непосредственное участие в нем виновников торжества. Проще всего, готовя юбилей, последовать традиционной схеме: торжественная часть плюс концерт. Вежливые аплодисменты и скучающие лица будут вам наградой. На этом пути не достигнуть эмоционального накала, не высечь искру, из которой возгорится пламя, обжигающее душу. Но ведь в этом и состоит сверхзадача праздника.

«А душа, уж это точно, ежели обожжена, справедливей, милосердней и праведней она» (Б. Окуджава).

И совсем другое дело, когда в роли действующих лиц и исполнителей не наемные артисты, а сами педагоги и выпускники. Учитель лишь до тех пор остается учителем, пока он не утерял способности удивлять своих воспитанников, даже если им сегодня уже за сорок. Не будем забывать, что рядом с ними в цирке сидят их дети, наши нынешние ученики.

Легко сказать «удивить», да еще на такой специфической площадке, как арена цирка. Это не драматический театр, тут не схалтуришь. Трюк либо получается, либо нет, он, как и работа с детьми, не терпит фальши. Семь потов сошло с нас, пока, наконец, удалось достигнуть приличного уровня исполнения. Мне самому пришлось в сжатые сроки похудеть на семнадцать

килограммов. А как же иначе? На арене пришлось скакать на лошади наравне с юными наездниками и прямо с этой живой «трибуны» обращаться с поздравительной речью к выпускникам всех лет. Что делать? Положение обязывает, директор школы всегда должен быть на коне, невзирая на возраст.

С годами все наши номера и дивертисменты обрастут легендами, войдут в мифологию школы, которая будет передаваться из поколения в поколение. Именно на такой мифологии держится корпоративный дух, предопределяющий долговечность существования наиболее успешных компаний и фирм. Вслед за руководителем тряхнуть стариной пришлось и педагогам. Шквалом аплодисментов принял зал их появление в ледовой сюите. Прекрасное скольжение демонстрировали новоявленные фигуристы в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти пяти лет. Буквально накануне премьеры во время репетиции одна учительница сломала руку. С полными слез глазами она произнесла удивительную фразу, которая говорит о многом: «Я вас так подвела».

Как относиться ко всему происходящему? Как к странностям деспота-директора, принуждающего педагогический коллектив с риском для жизни выполнять несвойственные ему функции? Кто-то, наверное, со скептической улыбкой так и оценит шутовские наклонности чудаковатого руководителя. Бог им судья. Свою внятную позицию я выразил в финале представления из-под купола цирка.

Снова туда, где море детей.
Школа, как цирк, с судьбою своей.
Фальши не терпят ни дети, ни трюк,
Легких путей не бывает здесь вдруг.
Полжизни учить – смел и дерзок наш трюк.
Класс замирает, все смолкает вокруг.
Зная об этом, дамы в ложах вздохнут,
Скажут с улыбкой: храбрый шут, добрый шут.
Педагог, как циркач, так что же?
Не стремится он стать вельможей,
И соблазны от нас далеки, далеки,
Но удачи не так редки.
За тридцать лет еще мелодия не спета,
Мой конь, как птица, по кругу мчится.
Дождем душистым на манеж летят букеты,
Нет, не закончен еще наш век,
Но ускоряет все же время бег.
Цветы роняют лепестки на песок,

Никто не знает свой отмеренный срок.
Сквозь годы было нам пройти суждено,
Мы снова вместе, значит – все за одно.
О, радость греться у такого огня,
Биенье сердца не удержишь, любя.
И это счастье, я скажу, не тая,
Всегда быть в школе – судьба моя!

Должен заметить, что петь с трапеции крайне неудобно, но чего не сделаешь, чтобы подняться на недосягаемую высоту. Мы с коллегами сделали это без посторонней помощи.

ДВОЙНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Душа живет иным законом,
Обратным всем законам тел.
З. Маркина

А все-таки оно есть: методология счастья

В истекшее пятнадцатилетие писать о людях счастливых стало не только не принято, но едва ли не признаком дурного тона. Вспоминаю, как лет пять назад предложил одному солидному общественно-политическому журналу статью о Г. С. Померанце. Было это вскоре после дефолта. Редактор, пробежав глазами несколько строк, выразил явное недоумение: «Страна разваливается, а вы о Померанце». Но страна, слава богу, уцелела, а статья «Последний мудрец заката империи» вышла в не столь захваченной политическими страстями «Учительской газете» (1998). Анализировались в ней философские и культурологические воззрения мыслителя, сполна вкусившего от горечи века: фронт – лагерь – диссидентство и сумевшего выйти из этих испытаний с просветленной душой и ясным, острым умом.

Но с той поры меня не покидало чувство недосказанности об этом человеке чего-то важного, быть может, самого главного, и уж во всяком случае не менее ценного в его жизни, чем подвластные ему глубина мышления и поистине вселенская широта кругозора.

Имея честь из года в год близко наблюдать глубоко сокровенный личный, творческий союз Григория Соломоновича Померанца и Зинаиды Александровны Миркиной, я пришел к выводу, что оба они, пройдя через предельные испытания, научились быть счастливыми.

«Я был счастлив по дороге на фронт, с плечами и боками, отбитыми снаряжением, и с одним сухарем в желудке, потому что светило февральское солнце и сосны пахли смолой. Счастлив шагать поверх страха в бою. Счастлив в лагере, когда раскрывались белые ночи. И сейчас, в старости, я счастливее, чем в юности. Хотя хватает и болезней и бед»

(Г. С. Померанц).

Однако уместно ли говорить о возможности научиться счастью? Разве не дарується оно свыше, являя собой талант особого рода? Моцартовское ощущение полноты бытия, переполняющее душу через край, изливающееся в гармонии звуков, – награда не от мира сего.

З. А. Миркина и Г. С. Померанц – люди исключительной

одаренности. Но дар их, да простится этот невольный каламбур, не был ниспослан им даром, а обретен в результате собственной долгой, растянувшейся на десятилетия, напряженной духовной работы. Тем важнее педагогу хотя бы приблизиться к пониманию «методологии» обретения счастья, чтобы затем вооружить ею своих воспитанников.

Записав последнее предложение, с большой долей самоиронии представил себе, как в планах воспитательной работы школы появляется новый раздел: методические рекомендации по обретению счастья. На память немедленно приходит хрестоматийная фраза Козьмы Пруткова: «Если хочешь быть счастливым – будь им!»

Но разговор на эту тему, волнующую любого человека, и тем более подростка, немедленно вызывает напряженное отчуждение, как правило, прикрываемое иронией. Почему? Тому есть много причин: религиозных, философских, психологических. Все мировые религии подчеркивают хрупкость, ненадежность любых земных устроений: «все суета сует...» Философские построения и выросшие из них социальные утопии, ориентировавшие человека на построение царства Божиего на земле, к исходу двадцатого столетия окончательно дискредитировали себя. Но даже в разгар официально навязанного приступа счастья, когда едва ли не в каждом углу висела вырванная из контекста фраза Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета», внимательные люди обращали внимание на то, что в рассказе писателя-демократа эту сентенцию произносит безногий, опустившийся инвалид. В ответ официальному оптимизму тогда родилась саркастическая шутка (в силу российской специфической истории), дожившая до наших дней: «С таким счастьем – и на свободе».

Психологически можно понять людей счастливых, но предпочитающих умалчивать об этом редком состоянии души. Зачем говорить, когда и так все написано на лицах? Прилично ли ощущать радость бытия, когда вокруг всегда столько горя? И наконец, счастье счастью – рознь. Как и несчастье – несчастью...

Зинаида Александровна Миркина рассказывала, что по выходе из одного и того же лагеря у ее подруги поочередно побывали три его бывших узника. Первый, усевшись на табуретку, обхватив голову руками, произнес: «В лагере было ужасно!» Второй, более сдержанный в оценках, отметил, что в лагере было трудно. А третий, показавшийся ей тогда до крайности легкомысленным, заявил: «В Ерцеве было хорошо!» Это и был Григорий Соломонович Померанц. Перефразируя уже приведенную выше шутку, можно сказать: с таким счастьем – и не

на свободе! Сам бывший сиделец объяснял истоки своего состояния так: «Видимо, от рождения я был наделен чувством природы. А на Севере были удивительные белые ночи. Кто не видит природы, замечает лишь колючую проволоку». Особую достоверность и убедительность нашему разговору придавало то обстоятельство, что происходил он на палубе судна, на обратном пути с Соловков, в самый разгар белых ночей. За двенадцать часов хода до Архангельска Зинаида Александровна проспала лишь час. Все остальное время она провела на палубе, вглядываясь в море и нескончаемый закат.

Даром созерцания природы они оба наделены безмерно. Хотя что значит – наделены? Кто-то ведь дал первый толчок, запустил, как выражаются психологи, дремлющий до поры механизм восприятия? Что касается Г. С. Померанца, то ответ на этот вопрос находим в его книге-исповеди «Записки гадкого утенка» (М., 2003): «Я помню, как мама в 1937 году показала мне на пляже поэта Нистора, часами глядевшего куда-то за горизонт. Я не пытался с ним заговорить, но искоса поглядывал на него... Что он там видел?»

Вот так: созерцать созерцающего и постепенно учиться самому. Чем не методика? Последним из российских педагогов двадцатого столетия, кто осознанно, серьезно и последовательно учил своих воспитанников получать радость и испытывать счастье от волшебной встречи с природой, был В. А. Сухомлинский. Затем наступила эпоха экологического воспитания, отрицать важность и необходимость которого было бы в современных обстоятельствах по меньшей мере не разумно. Но в том-то и дело, что на одном разуме не строится личность человека.

Подобно князю Мышкину, Зинаида Александровна и Григорий Соломонович искренне не понимают: как можно видеть, к примеру, сосну и не быть счастливым? Для обоих (и они этого не скрывают) природа выше музыки, поэзии и философии. Будучи, безусловно, людьми культуры, тонко чувствующими все ее ходы в прошлом и настоящем, они менее всего тяготеют к фаустовскому образу кабинетного мыслителя. Их кабинеты – лес с непременным костром, берег реки, морской залив. Именно там рождаются стихи, историко-философские прозрения и религиозные интуиции.

Когда доходит до нуля
Весь шум и, может быть, все время,
Я слышу, как плывет земля
И в почве прорастает семя.
И, обнимая небосвод

Крылами неподвижной птицы,
Душа следит, как лес растет
И в недрах смерти жизнь творится.
Я осязаю ни-че-го.
И все. Ни мало и ни много –
Очами сердца своего
Я молча созерцаю Бога.

Помимо прочих достоинств, эти стихи избавляют от необходимости подробно объяснять, чем созерцание отличается от простого и привычного любования природой уставшего от суеты горожанина.

Созерцанье – не наслажденье.
Это – слушанье и служенье,
Зов архангельский – звуки рога, –
Сердце слушает голос Бога.
Тот, что тише полета мухи.
Это – богослуженье в Духе.
Гармоничней, чем шорох лиственный.
Это – богослуженье в Истине…

Два ярких творческих человека, соединенных семейными узами, это всегда серьезная проблема. История культуры знает немало примеров плохо скрываемого напряженного внутрисемейного соперничества, приводящего к срывам, трагедиям, весьма запутанным отношениям. Блок и Менделеева, Ходасевич и Берберова – список можно продолжить…

Но в данном творческом союзе никто не стремится к верховенству, интеллектуальному, моральному и психологическому доминированию. Ни тени попытки продемонстрировать свое превосходство ни друг перед другом, ни перед окружающими их людьми. Здесь у Григория Соломоновича был долгий процесс самовоспитания. Обратимся к одному лагерному эпизоду из книги Г. С. Померанца «Записки гадкого утенка», который многое проясняет…

«Мой товарищ объяснял мне и Жене Федорову особенности своего ума; выходило, что он всех лучше, но выходило медленно, потому что Виктор был действительно умный человек и не хотел грубо сказать: «я всех умнее», а тактично подводил нас к пониманию этого. Я слушал и думал: «врешь, братец, умнее всех я», – но вслух ничего не говорил. В этот миг Женя, дерзкий мальчишка, сказал: «А я думаю, что я всех умнее». Виктор опешил

и замолчал. Мы подошли к уборной, вошли в нее. Через очко было видно, как в дерьме копошатся черви. Почему-то эти черви вызвали во мне философские ассоциации. (Может быть, вспомнил Державина: я раб, я царь, я червь, я Бог?) «Что за безумие, – подумал я, – как у Гоголя, в «Записках сумасшедшего». Каждый интеллигент уверен, что он-то и есть Фердинанд седьмой». Было очень неприятно думать это и еще неприятнее додумать до конца: мысль, что я всех умнее, – злокачественный нарост; надо выздороветь, надо расстаться с этим бредом, приросшим ко мне. И с решимостью, к которой привык на войне, я рубанул: «Предоставляю вам разделить первое место, а себе беру второе». Я испытал боль, как при хирургической операции или при разрыве с женщиной, с которой прожил двадцать лет (я жил с этой мыслью с тринадцати до тридцати трех). Но я отрубил раз и навсегда. С этого мига начался мой плюрализм. Я понял, что каждому из нас даны только осколки истины и бессмысленно спорить, чей осколок больше. Прав тот, кто понимает свое ничтожество и безграничное превосходство целостной истины над нашими детскими играми в истину».

Излагая устно этот эпизод, Григорий Соломонович обычно скороговоркой добавляет: «С этого начался путь к счастью». И когда я спросил: «Почему?» – он ответил: «Потому что чувство превосходства, уверенность в своей правоте разрушают и любовь, и дружбу». Но если пробуждение «от себя любимого» произошло у него вследствие интеллектуального бесстрашия, привычки додумывать любую мысль до конца, какой бы неприятной она ни оказалась в итоге, то у Зинаиды Александровны оно связано с глубоким, целомудренным религиозным чувством:

О, Господи, при чем тут я,
Когда вся глубина Твоя,
Вся бездна бездн растворена
И силы творческой полна?
При чем тут я? При чем? Зачем?
Когда так целокупно нем
Простор бессолнечного дня,
И он берет в себя меня?

При чем тут я, когда есть лес,
И в нем последний крик исчез,
Лишь дятел бьется, сук долбя…
О, пробужденье от себя!

Наплыв великой высоты…

При чем тут я, когда есть Ты?

На Соловках Григорий Соломонович поведал о своем давнем сне в те годы, когда переводились сказки острова Бали: «Я умер и предстал перед Шиву. Бог Шива восседал во всем своем блеске. Вдоль стен большой комнаты на длинных скамьях, как в сельском клубе, располагались праведники, взиравшие на Шиву. И я подумал: какое счастье видеть столько достойных людей, неизмеримо лучших, чем я. Однако сразу же пришла другая мысль: но ведь есть достаточно тех, кто гораздо хуже меня. И сразу разверзлась пропасть... И я проснулся».

Шива пришел из сказок, но сновидение его приняло, не смутилось странным обликом Бога. Ведь Григорий Соломонович по своим религиозным воззрениям – суперэкуменист, т. е. человек, который видит и чувствует глубинную, сокровенную общность главных установлений всех мировых религий. Он, по его же слову, привык жить в пол-оборота на Восток. (Диссертацию по буддизму – дзэн в свое время так и не дали защитить диссиденту.) Прекрасно чувствуя себя в межконфессиональном пространстве, не боясь оторваться от перил богословия, он искренне убежден, что Бог выше и глубже наших слов и разногласий, а на самой большой глубине мировые религии сплетаются корнями. При этом ни малейшего стремления соединить голову овцы с туловищем быка: совместить несовместимое. А таких дилетантских попыток, связанных с поверхностной, наносной религиозностью, истекший век знал немало. Каждая великая религия – неотъемлемая часть великой культуры, но созерцание, медитация и молитва – это укорененные в разных культурах общие пути постижения вечности. Отсюда – равно уважительное, серьезное отношение и к евангельской притче, и к буддистскому коану.

У Зинаиды Александровны душа – христианка, что не мешает ей тонко чувствовать и переводить поэтов исламского суфизма, Рабиндраната Тагора и Рильке. Оба Дух ставят выше буквы.

И я уже не знаю ничего.
Я – чистый лист, я – белая страница.
И только от Дыханья Твоего
Здесь может буква зыбкая явиться.

Да, Ты ее напишешь и сотрешь,
И это – высший строй, а не разруха,
Ведь есть всего одна на свете ложь:
Упорство буквы перед властью Духа.

Непредвзятость и открытость разным религиозным и культурным традициям предопределили успех их совместной книги «Великие религии мира», выдержавшей два издания и ныне принятой в качестве учебника в ряде высших учебных заведений.

О таких людях обычно говорят: живут напряженной духовной жизнью. Но в том-то и дело, что чрезмерное напряжение, чреватое экзальтацией и срывами, им совершенно несвойственно. Высокий строй души и глубина мысли дарят спокойствие, сосредоточенность, умение, выражаясь словами Г. С. Померанца, «подныривать под абсурд» или жить, поднимаясь хотя бы «на два вершка над землей». Спокойствие это не назовешь надменным, холодным, олимпийским. Оно мудрое, терпимое, лишенное ригоризма мучеников всяческих догм. Потому-то десятилетиями к ним тянутся люди разных чинов и званий: молодые и зрелые, уже оставившие свой след в культуре и только постигающие ее глубины.

Среди прочих бывал в их доме поэт Борис Чичибабин. В своих «Мыслях о главном» он писал: «Да будут первыми словами этих моих раздумий на бумаге, которые сам не знаю, куда меня заведут, слова благодарности и любви. В начале семидесятых судьба подарила мне близкое общение с двумя замечательными людьми – Зинаидой Александровной Миркиной и Григорием Соломоновичем Померанцем, вечное им спасибо! <…> Сейчас имена Миркиной и Померанца стали известны многим, а тогда, особенно если учесть, что жили мы далеко друг от друга, в разных городах, найти их и обрести в них родных и близких людей было чудом. На протяжении нескольких лет они были моими духовными вожатыми. Если он останется в моих глазах примером свободного и бесстрашного интеллекта, то она, Зинаида Александровна, на всю мою жизнь пребудет для меня совершенным воплощением просветленной религиозной духовности, может быть, того, что верующий назвал бы святостью. Величайшим счастьем моей жизни были их беседы, во время которых они говорили оба, по очереди, не перебивая, а слушая и дополняя друг друга, исследуя предмет беседы всесторонне, в развитии, под разными углами, с неожиданными поворотами. Хотя говорили она и он, это был не диалог, а как бы вьющийся по спирали двухголосый монолог одного целостного духовного существа, из снисхождения к слушателю, для удобства восприятия и ради большей полноты разделившегося на два телесных – женский и мужской – образа».

Замечательно, что Г. Померанца и З. Миркину своими

«духовными вожатыми» называет не юноша, обдумывающий житье, а зрелый, значительный поэт, много претерпевший в жизни: фронт – лагерь – отлучение от профессиональной литературы. (До середины восьмидесятых работал бухгалтером в трамвайном парке Харькова.) Как знать, может быть, под воздействием этих бесед появились его чеканные строки:

Еще могут сто раз на позор и на ужас обречь нас, но, чтоб крохотный светик в потемках сердец не потух, нам дает свой венок – ничего не поделаешь – Вечность, и все дальше ведет – ничего не поделаешь – Дух.

Близкое общение с этой семьей судьба подарила поэту и семидесятые годы, мне – в девяностые. Но смею уверить, что за два десятилетия мало что переменилось. Двухголосый монолог одного целостного существа, слава богу, продолжается и по сей день.

Я, ты и небо перед нами, –
Над нами небо, и вокруг
Рассвета тлеющее пламя
И сердца еле слышный стук.
Чьего? Но нас уже не двое.
Мы в этот час одно с тобою
И с небом. И когда бы, где бы
В нас не иссяк всех сил запас –
Нам только бы застыть под небом,
Входящим тихо внутрь нас.

Как-то вскользь Григорий Соломонович заметил: «Пожилая женщина пишет как семнадцатилетняя девушка. Зиночка влюблена, влюблена в Бога!» Сказано было спокойно, без ревности. В самом деле, как можно ревновать к Высочайшему? Действительно, в редких стихах З. Миркиной местоимение «ты» не с заглавной буквы. Однако меньше всего хотелось бы представить обоих существами бесплотными, живущими в мире платоновских идей. Это совсем не так. Любовь к Богу ни в коем случае не отрывает Зинаиду Александровну от любви к мужу, а только бесконечно углубляет эту любовь. И возраст тут ни при чем. За сорок три года их совместной жизни чувство это никак не изменилось.

Мы два глубоких старика.
В моей руке – твоя рука.

Твои глаза – в моих глазах,
И так невозмутимо тих,
Так нескончаемо глубок
Безостановочный поток
Той нежности, что больше нас,
Но льется в мир из наших глаз.
Той нежности, что так полна,
Что все пройдет, но не она.

Не боясь упреков в отжившем свой век сентиментализме, со всей ответственностью свидетельствую: их личные отношения не благостная идиллия старосветских помещиков, а глубокая взаимная страсть, облагороженная взаимной волей сделать счастливыми друг друга. Ее не ослабевающий с годами накал – источник неиссякающего вдохновения. Редко кому удается не утерять со временем «буйство глаз и половодье чувств». Есенинские строки всплыли в памяти не случайно. Поэт сожалеет об утраченной свежести, исчерпанности чувств; растраченность и опустошение – состояние, которое неизбежно наступает вслед за буйством и половодьем. Как же может быть иначе? На то она и страсть, дабы быть альтернативой сдержанности, выверенной осторожности. Сдержанная страсть, что-то вроде несоленой соли. Оказывается – может!

«Легче было лежать живой мишенью на окраине Павловки, чем сказать Ире Муравьевой [И. Муравьева – покойная жена Г. Померанца, сгоревшая от туберкулеза всего через три года после свадьбы. – примечание Е. Ямбурга], что я прошу ее не прикасаться ко мне тем легким, едва ощутимым прикосновением, одними кончиками пальцев, на которое я не мог не ответить, а ответить иногда было трудно и потом весь день разламывало голову. Ира приняла это по-матерински. И очень скоро пришло то, о чем я писал в эссе «Счастье»: достаточно было взять за руку, чтобы быть счастливым. Сдержанность вернула чувству напряженность, которой, кажется, даже в первые дни не было. Я стал уступать порыву только тогда, когда невозможно было не уступить – и относился к нему как к дыханию, которое должно пройти сквозь флейту и стать музыкой. Сразу осталось позади главное препятствие в любви (когда не остается никаких препятствий). А как долго я медлил, как не решался сказать! Как боялся выглядеть жалким, смешным, ничтожным, слабым!

Если бы все люди вдруг увидели бы себя такими, какие они есть, и прямо об этом сказали – какой открылся бы простор для Бога, действующего в мире!» (Из книги «Записки гадкого утенка»).

Во времена всеобщего раскрепощения, в том числе и в чувственной, эротической сфере, нам больше всего не хватает не фальшивого казенного пуризма предшествовавшей эпохи, с его внешними запретами и ограничениями, а тонкого инструмента, той самой флейты, рождающей музыку любви, точнее, воли настраивать самого себя как инструмент счастья. И тогда – возраст не в счет. В дивной музыке захватывает все, включая послезвучие… Но самое главное: в симфонии любви исчезает отчаяние, отступает страх перед неотвратимым. Поэт прекрасно описывает эти чувства людей в поэме «Stabat mater»:

Как страшно вылезать из сна!
Вдруг вспомнить: каждый в одиночку.
Смерть лишь на миг дала отсрочку,
Но – вот она. Опять она.

Так значит можно разрубить
Сплетенье рук, срастанье, завязь?!
Не может быть, не может быть!
Мы… милый мой, мы обознались!

Ведь это – мы! Какой судьбе
Под силу душу выместь, вылить?!
Мне больше места нет в тебе?
А где же быть мне? Или?.. Или?..
Крик оборвался. Стон затих.
Смерть глушит крик и всплески тушит.

Как может вдруг не стать живых?
Как может смерть пробраться в души?!

Так и живут вместе долгие десятилетия эти люди: философ и поэт, мужчина и женщина, живут неслиянно и нераздельно, являя собой зримый, осязаемый пример достойного Бога земного человеческого существования.

Читающий эти заметки вправе задать вопрос: а что, собственно говоря, здесь нового? Разве все великие книги человечества не учат смирению гордыни и сдержанности в проявлении страстей, не призывают к созерцанию и молитве как способам постижения Высочайшего, не настраивают на добросердечие? Нового здесь действительно нет ни-че-го! Но в том-то и существо незамутненного временем педагогического взгляда на вещи, что воспитание чувств не по части модернизации образования и не по ведомству, отвечающему за

формирование ключевых компетенций. Здесь более уместно говорить об архаизации, в смысле возвращения к вечным, нетленным человеческим ценностям. Это достаточно очевидно для любого вдумчивого педагога.

Проблема в другом. Многие из тех, кто сегодня отстаивает начала духовности и культуры перед натиском прагматизма, держатся не столько за суть, сколько за обветшалые формы, вызывающие естественное отторжение у нынешних молодых людей. Буква в который раз превозносится над Духом. Тем бесценнее опыт людей, умеющих «собирать себя» (выражение Г. Померанца) даже перед лицом великих испытаний.

Есть разные пути самостроительства личности. Разумеется, у каждого человека этот путь в определенном смысле уникален и неповторим: для кого-то толчком для движения в нужном направлении служит вовремя прочитанная книга, другому помогает волшебная встреча, третий прозревает при обрушившемся на него несчастье. Но при любых обстоятельствах услышать может лишь имеющий уши. А это означает, что для постижения вечных ценностей на каждом временном отрезке от каждого требуются неимоверные личные усилия и личное духовное творчество. Причем важными оказываются не только сами истины, но и созерцание процесса их бесконечного переоткрытия, личностного сокровенного обретения. *«Ни одна заповедь не действительна во всех без исключения случаях; заповедь сталкивается с заповедью – и не известно, какой следовать, и никакие правила не действительны без постоянной проверки сердцем, без способности решать, когда какое правило старше. И даже сердце не дает надежного совета в запутанном случае, когда трое и больше людей чувствуют по-разному, и тогда решает любовь. <… > Иногда я решал интересные вопросы; но самое главное, что меня толкает к бумаге, – круженье вокруг неразрешимого, бесконечные попытки дать безымянному имя (сегодня, сейчас: вчерашние имена недействительны)»* (Из книги «Записки гадкого утенка»).

Мне кажется, что об этом же, но по-своему, прекрасными стихами сказала Зинаида Миркина.

Качнулся лист сырого клена,
И тихо вяз зашелестел.
Душа живет иным законом,
Обратным всем законам тел.
В ней нет земного тяготенья
И страха перед полной тьмой,
Ей все потери – возвращенья

Издалека к себе самой.

О, эти тихие возвраты…
Листы летят, в глазах рябя.
И все обрывы, все утраты –
Есть обретение себя.

В эпоху безвременья, хаоса, смуты в головах и сердцах, когда мысли вразброд, а чувства растрепаны, стоит присмотреться к людям искушенным, отмеченным редким даром сотворчества с Вечностью. З. Миркина и Г. Померанц, безусловно, из этой когорты.

Дом на камне

И пошел дождь, и разлились реки,
и подули ветры, и устремились на дом тот;
и он не упал, потому что основан был на камне.
Евангелие от Матфея
В книге Я. Корчака «Наедине с Господом Богом» приведена молитва воспитателя:

«Всегда говорю с Тобой тишайшим шепотом, но эту просьбу выскажу непреклонно.
Повелительный взор свой устремляю в высь небесную.
Распрямляю спину и требую – ибо не для себя требую.
Ниспошли детям счастливую долю, помоги, благослови их усилия.
Не легким путем их направи, но прекрасным.
А в залог этой просьбы прими мое единственное сокровище: печаль. Печаль и труд».

Всей своей беспримерной жизнью и мученической смертью он заслужил право возвысить голос даже перед Богом. Это позволено лишь святым и праведникам. Печаль и труд – за этим залогом стоит многое… Одно время Я. Корчак возглавлял одновременно два детских дома, его хватало на оба. (Своей семьи он так и не создал.) А еще его двумя домами были литература и педагогика.

Только вот цена усилий была велика, о чем чуть раньше в той же молитве:

«Глаза мои потускнели, спина согнулась под грузом забот».

Как все это знакомо каждому, кто всерьез и навсегда вошел в нашу профессию. Его простая, искренняя, безыскусная молитва:

> «Не посылаю бесчисленных вздохов.
> Не бью низких поклонов.
> Не приношу богатых жертв во славу Твою и хвалу.
> Не стремлюсь вкрасться Тебе в милость. Не прошу почестей», –

служит утешением педагогу, ободряет в дни неизбежных сомнений, спасает от отчаяния. Это так естественно, что воспитатель Корчак приносит молитву Богу за ребенка.

Я же молюсь за учителя. Даже не «тишайшим шепотом», как Корчак во всех иных случаях, когда не возвышал свой голос за ребенка, а молча.

Господи, учитель всего-навсего человек со всеми своими человеческими слабостями. Несовершенный, он призван принять и взрастить ребенка – существо, подобное Тебе, еще не отравленное миазмами жизни. Кто поручится за то, что он справится со своей задачей?

Господи, пошли ему мудрости построить дом свой не на песке. Убереги от гордыни всезнания, соблазна присвоить себе Твой промысел. Спаси от искусителей.

Ниспошли воспитателям – воспитателей, учителям – учителей.

Существует привычная формула, выражающая одновременно и цель, и высшее достижение в нашей профессии: учитель – воспитай ученика. На первый взгляд она безупречна. Чего же еще желать, во имя чего трудиться? Успехи воспитанников греют душу, придают смысл и ценность собственной жизни. Все так, но положа руку на сердце признаемся: у каждого учителя не так уж много по-настоящему своих учеников. Тех, кто откликнулся всей душой на его призыв, а не просто равнодушно скачал из него необходимую информацию, как из Интернета. Я имею в виду не добротных ремесленников, передающих знания, в меру сил выполняющих свои должностные обязанности, но учителей в пастырском смысле этого слова. Даже они. Хотя почему даже? Именно они в первую очередь в наше, до предела прагматичное время наиболее остро переживают отсутствие глубокого душевного контакта со своими воспитанниками. Что поделать, педагогика не только наука и искусство, она еще и таинство, подобное вечной загадке любви. С одним получается, а с сотнями, как ни бейся, в лучшем случае возникают нормальные деловые

отношения. И на том спасибо. Мужественный, трезвый взгляд на границы своих скромных возможностей – лишь один из способов поддержания внутреннего равновесия, так необходимого в нашем многотрудном деле. Но, что ни говори, педагогика – профессия творческая, а следовательно, неизбежно требует дополнительных источников вдохновения. Ею невозможно заниматься, потеряв духовные ориентиры, не опираясь на авторитет людей, чей строй мысли, образ жизни служат образцами самоотверженного, беззаветного служения делу. Философ Г. С. Померанц прав, когда пишет: «Мы живем среди обломков авторитетов. Сперва это показалось свободой. Теперь приходит понимание, что свобода неотделима от системы ценностей, от известного порядка подчинения низших ценностей высшим. То есть от иерархии. Но где найти иерархию, которая не исключает свободы?» Один из способов восстановления утраченной иерархии – обращение к безусловным авторитетам, людям, чья жизнь и судьба безупречны. Среди них и Я. Корчак, и те, кто на первый взгляд не имел прямого, непосредственного отношения к нашей профессии.

В писательском поселке Переделкино под Москвой в непосредственной близости друг от друга стоят два дома. На оба распространяется мой трепет и восторг. И я испытываю огромную благодарность судьбе, которой угодно было в разное время ввести в них автора этих записок.

В одном из домов жил и работал замечательный русский писатель-историк Юрий Владимирович Давыдов. В войну – юнга. После войны – узник сталинских лагерей. Человек с потрясающим чувством истории и безупречным вкусом, он прочно и, думаю, навсегда занял свою нишу в российской словесности. Многие до и после него пытались распахивать то же поле – целостного художественно-философского осмысления отечественной истории последней четверти девятнадцатого века. Но никому не удалось так глубоко проникнуть в ткань событий, увидеть глубинные корни, определившие весь ход отечественной истории в трагическом двадцатом столетии. Историко-художественное исследование истоков и развития террора, роли и места провокации в становлении и созревании нашей специфической государственности, вне зависимости от ее политического и идеологического наполнения, – все эти весьма непростые, требующие прямого, честного взгляда и скрупулезного анализа сюжеты были в центре его пристального внимания. Обладая феноменальной памятью, более полувека проведя в архивах, он был не только художественно убедителен, но предельно точен даже в мелочах. Десятки адресов в Санкт-Петербурге и Москве с найденными в архивах номерами квартир, служивших явками для

реальных персонажей его книг, были осмотрены писателем с дотошностью следователя. Отсюда – потрясающая достоверность каждой сцены из его романов и повестей.

Нимало не заботясь о внешней занимательности, нисколько не приспосабливаясь к неискушенному читателю, он властно втягивал его в воронку исторического омута, куда, не ведая греха, исключительно из благородных побуждений, все глубже погружались герои его произведений. Духота общественной атмосферы, глухота власти поначалу приводили к поэтизации насилия, а путь от стихов к делу оказался короток: *«От ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови уведи меня в стан погибающих за великое дело любви»* – и еще: *«Дело прочно, когда под ним струится кровь»* (Н. Некрасов).

Чего-чего, а крови хватило на целый век вперед. Ее потоки не иссякли и в новом тысячелетии.

Давыдов не был ни западником, ни славянофилом, с иронией относясь к любым далеким от исторической полноты оценкам и идеологическим спекуляциям. Его также не отнесешь ни к популяризаторам истории, ни к сухим педантам, боготворящим лишь факты, которых вовсе не интересует мирочувствование конкретного человека в реальных исторических обстоятельствах. Именно реконструкция психологии времени в целом и конкретного человека в нем обнажала подлинный нерв истории, делала его произведения живыми, пронзительными и актуальными. Их актуальность достигалась не поверхностными аллюзиями или дешевыми «многозначительными» намеками на злобу дня, не подмигиваниями читателю семидесятых годов, достаточно искушенному в эзоповом языке, а прежде всего уважительным, достойным отношением к прошлому, постепенно, увы, органично и закономерно ставшему нашим настоящим.

Давыдов постигал историю, и сам был ее неотъемлемой частью. Его произведения «Март», «Судьба Усольцева», «Глухая пора листопада», «Завещаю вам, братья», «Две связки писем» и другие разительно отличались от книг бойких собратьев по перу, что издавались тогда миллионными тиражами и, пользуясь ажиотажным спросом, добывались с боем в обмен на талоны за сданную макулатуру. Что поделать, они до сих пор востребованы на книжном рынке. Так называемые бестселлеры потакают стремлению людей получить простые, ясные, облегченные ответы на трудные, неприятные, скребущие совесть вопросы. На многие из них Ю. В. Давыдов ответил в своем последнем романе «Бестселлер», увидевшем свет уже после его смерти. Только за этим обманчивым названием скрывается нелегкое чтение, необходимость дать себе труд глубоко вникнуть в суть давних

событий, во многом предопределивших наше сегодняшнее духовное и нравственное состояние. Поэтизация насилия (вера в то, что с его помощью можно добиться окончательного торжества справедливости), моральная разруха, за которой неизбежно следует разруха материальная, – таковы звенья железной цепи, опутавшей все истекшее столетие.

Не веривший ли в справедливость
Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
Для торжества ее
Сначала всех людей?

(М. Волошин)

Нечего и говорить, что я, тогда молодой учитель истории, влюбился в Давыдова, не имея чести быть знакомым с ним лично. Мало того, да простится утилитарный учительский подход к чтению замечательных произведений, я получил в руки ни с чем не сравнимые методические пособия, мгновенно объяснившие начинающему педагогу, как надо преподавать свой предмет: не сухо и не «мокро» (без излишних эмоций и картинных придыханий, которые спустя десятилетия станут диктовать стилистику некоторых популярных телевизионных передач по отечественной истории), строго научно (не изменяя фактам, но с обязательным воссозданием исторической психологии героев), объясняя юношеству не всегда понятные с позиции современного человека мотивы поведения людей, живших и действовавших в иную эпоху. Я уже не говорю о возможности получить доступ к документам. Но кто, скажите на милость, пустит не обремененного научными степенями учителя в архив, тем более в спецхран, для доступа в который тогда требовалось специальное разрешение? А в книгах Давыдова был невзначай опубликован «Катехизис революционера» – страшный документ, писанный Нечаевым, где черным по белому обосновывалась рожденная еще иезуитами мысль, приведшая к неисчислимым трагедиям двадцатого века: цель оправдывает средства. Из нее органично вырастал ленинский тезис: «Нравственно все то, что служит делу социализма». Впрочем, последний источник, работа Ленина «Задачи союзов молодежи», в те годы всегда был под рукой. Сравнение этих двух близких по мысли и стилистике документов производило неизгладимое впечатление на старшеклассников тех

лет. Хотя почему только тех лет? Оно и сегодня не потеряло смысла, ибо выросли новые неискушенные поколения, которые вновь приходят в восторг от этой незатейливой и такой удобной идеи.

Временами, попадая на редкие читательские конференции, с задних рядов до отказа переполненного зала я молчаливо наблюдал за этим подтянутым, внутренне сосредоточенным и вместе с тем остроумным, искрометным человеком – писателем Юрием Давыдовым. Никакого величия, ощущения собственной значимости, напротив – простота, естественность и открытость. Но, осознавая дистанцию между ним и собой, я долгие годы не решался заговорить с классиком. После крушения империи он на некоторое время замолчал, как сам проговорился на одной из встреч с читателями, почувствовав растерянность, взял писательскую паузу, необходимую историку и художнику для осмысления произошедшего. И только близкие друзья знали, что он принялся за новый ро́ман (с ударением на первом слоге, как сам автор иронично называл свои творения).

Среди его друзей и учеников, спустя годы, оказался мой близкий товарищ, писатель и публицист Александр Нежный. Всего лишь шапочное знакомство на его дне рождения тем не менее позволило мне высказать Юрию Владимировичу все, что накипело в душе за долгие десятилетия: естественно, это была искренняя благодарность учителю от анонимного и уже седого ученика. На том и расстались. А спустя еще некоторое время А. Нежный сообщил, что Давыдов приглашает нас обоих к себе в Переделкино. И осторожно добавил: «Он серьезно болен». «А можно я позову еще одного человека, который давно просил Юрия Владимировича о возможности записать его на видеокамеру? Тем более их дома находятся рядом?» – «Приглашай, насколько я знаю Давыдова, он не будет возражать». Так на той памятной осенней встрече нас оказалось трое.

Здесь самое время постучаться в дверь соседнего дома. Это не просто дом, а Дом-музей К. И. Чуковского. Его директором, а точнее, ангелом-хранителем, долгие годы был Лев Алексеевич Шилов. Еще в студенческие годы случай привел меня на его лекцию. Шилова знала и любила вся литературная Москва. Попасть на его выступления, которые с полным правом можно было назвать моноспектаклями, считалось редкой удачей. То, что произошло в тот вечер, запомнилось на всю жизнь.

В глубине сцены сидел невысокий человек с очень выразительным лицом, освещенным настольной лампой. Перед ним нехитрый набор ТСО: простенький диапроектор «Свет» и внушительных размеров магнитофон «Днепр». А дальше началась

магия слова. В неторопливом рассказе оживали биографии писателей, разгоралась давно отшумевшая литературная полемика, но главное – звучали живые голоса ушедших поэтов, вспыхивали на экране слайды, создавая удивительно волнующий зрительный ряд. Зал то взрывался смехом, то замирал, пораженный. И так все три часа. Подумалось: вот блистательный образец преподавания литературы. Причем литературы настоящей, в те годы – потаенной. Мандельштам и Ахматова, Цветаева и Булгаков – вот перечень авторов, которым были посвящены эти лекции-спектакли. Ими Лев Алексеевич заполнял огромную культурную брешь, что образовалась в годы безвременья. Скудные подцензурные публикации опальных авторов с осторожными выверенными предисловиями – вот все, что мы имели тогда. Ну, как, например, было понять строку О. Э. Мандельштама: «Прыжок – и я в уме»? Для этого, как минимум, необходимо было знать о Воронежской ссылке, подступившем безумии и попытке самоубийства, после которой рассудок вернулся. Эти и многие другие подробности узнавали мы из лекций Шилова. Позже, познакомившись с ним, я понял – в этом человеке счастливо сочетаются черты страстного исследователя, темперамент проповедника и природный артистизм, украшением которого, безусловно, являлось огромное чувство юмора. Надо было видеть, как он инсценировал в своей лекции знаменитый разговор М. А. Булгакова со Сталиным.

На экране два слайда: известная фотография вождя, попыхивающего трубкой, и тонкое, изможденное лицо художника. Булгаков просит дать ему возможность работать.

Сталин: Обратитесь в Художественный театр.

Булгаков: Я туда обращался. Они мне отказали. (Здесь Шилов делает многозначительную зловещую сталинскую паузу.)

Сталин: Обратитесь еще раз. Я думаю, они согласятся. (Смех в зале.)

Спустя годы я, уже будучи директором школы, приглашал Льва Алексеевича на лекции к старшеклассникам, а затем, взяв на вооружение его методику, учредил собственный литературный театр, где подобные спектакли-лекции готовили сами учащиеся. Иными словами, в ходе представления они превращались в коллективного Шилова.

Но главной его любовью были и оставались звучащие голоса писателей. Долгие десятилетия Лев Алексеевич хранил, восстанавливал, записывал и популяризировал их, выпуская сначала пластинки, а затем компакт-диски. Это он уберег от гибели чудом уцелевшие восковые валики с голосами Л. Толстого и Л. Андреева, А. Блока и Н. Гумилева и еще многих других

писателей. Это он сделал все возможное и невозможное, чтобы пробиться к А. А. Ахматовой и записать ее авторское чтение стихов. Позже вышла изумительная пластинка. Именно он с огромным, громоздким магнитофоном на коленях отсидел несколько дней помногу часов подряд в Политехническом музее, пока там шла съемка фильма М. Хуциева «Застава Ильича» и один за другим выступали молодые Евтушенко, Рождественский, Ахмадулина, Вознесенский, Окуджава.

Творчеству Булата Шалвовича Шилов был предан беззаветно всю жизнь. И это не просто слова. Однажды случилась страшная накладка. Москва встречала польскую писательницу Агнешку Осецку – автора триумфально шедшего тогда в театре «Современник» спектакля «Вкус черешни». Песни к спектаклю написал Б. Окуджава. Их в постановке исполнял блистательный актер Олег Даль. На сцене уже стоял оркестр, в переполненном зале сидела гостья, а Даля все не было. Он так и не появился в тот день. И тогда на сцену вышел Булат Шалвович. По взмаху дирижерской палочки без всякой подготовки он первый и последний раз в жизни пел под настоящий оркестр. И как пел! Откуда мы об этом знаем? На первом ряду со своим неизменным магнитофоном сидел Лев Алексеевич Шилов. Он вновь оказался в нужном месте в нужное время.

Служение культуре, выражавшееся в стремлении сохранить для следующих поколений ее малейшие оттенки, детали, документированные подробности, было смыслом жизни звукоархивиста-шестидесятника, каковым он сам себя считал.

А рядом, буквально в двух шагах, жил и творил Ю. Давыдов, который по-соседски отмахивался от настойчивых просьб Шилова записаться для истории на видео: «Да, конечно, но как-нибудь потом, в следующий раз». Следующего случая может и не представиться – это в тот вечер понимали все собравшиеся, включая хозяина, пригласившего нас в гости. Напряженно, с чувством неотвратимо надвигающейся беды входил я в дом, опасаясь неловкости, неверно взятого тона, фальши, прежде всего с собственной стороны. В самом деле, как вести себя в данной непростой ситуации? Курить фимиам, отдавая должное творчеству хозяина? Задавать умные исторические вопросы или, быть может, веселить его казусами и анекдотами, которыми столь богата школьная жизнь?

Ничего этого не потребовалось. Мгновенно сообща был устроен мужской стол, выбрана удобная позиция для видеокамеры, а дальше… В общем, спустя три года я понимаю, что это был один из самых светлых и по-настоящему веселых вечеров в моей жизни. Пиршество духа, которое устроил нам

Юрий Владимирович, затянулось далеко за полночь. Многочисленные истории сыпались из него как из рога изобилия. Нет, он совершенно не работал на камеру, зато камера в руках опытного архивиста работала на него. Каждый раз, когда разговор уходил в сторону от литературных и исторических сюжетов и разбивался о быт, Шилов выключал камеру, пережидал, а затем, деликатно подкинув очередной вопрос, продолжал делать свое «черное» архивное дело. Мне же было безумно интересно все, включая обычные житейские истории. Точный, верный взгляд писателя превращал и их в маленькие новеллы. Чего, например, стоит такой эпизод.

Конец семидесятых годов. Звонят из КГБ, приглашают зайти. Давыдов, бывалый лагерник, тусклым голосом спрашивает, за что удостоился такой чести? «Да, что вы, – отвечают, – не беспокойтесь. У нас для курсантов высшей школы запланирована встреча с вами. Ваша книга «Глухая пора листопада» специально изучается ими как отличное учебное пособие по разоблачению провокаторов».

Вот ведь как, не один я, значит, учился сам и учил других по книгам Давыдова. Кто бы мог догадаться об их специальном предназначении?

Нет смысла воспроизводить по памяти все разговоры того чудесного вечера. Во-первых, потому что, как предупреждал Л. А. Шилов, человеческая память слишком ненадежный инструмент. Однажды, поймав меня на неточности во время вдохновенного рассказа о каком-то событии, он вывел замечательную формулу: «врет как очевидец». А во-вторых, осталась запись. Она уж точно не обманет.

Тем не менее еще одна история, рассказанная в тот вечер, прочно врезалась в память и заставила о многом задуматься. Строго говоря, это история не самого Давыдова, а его друга, тоже замечательного писателя Ю. Домбровского, лишь пересказанная Юрием Владимировичем. В годы хрущевской «оттепели» Домбровский оказался в писательском пансионате вместе со знаменитым монархистом В. В. Шульгиным, принимавшим отречение у Николая II. В разговоре между ними речь зашла о позиции В. В. Шульгина в печально знаменитом в начале двадцатого века деле Бейлиса. Как известно, Бейлис был обвинен в ритуальном убийстве мальчика Ющинского. Процесс расколол тогдашнее российское общество на два лагеря: сторонников и противников кровавого навета. С опровержениями выступали писатели Короленко, Горький, Серафимович, Куприн, Блок, Мережковский, Гиппиус, профессора Киевской и Петербургской духовных академий и другие. Между тем в монархической среде,

к которой принадлежал и В. В. Шульгин, большинство тогда разделяло позицию обвинения. Ее в своих статьях отстаивал и философ Розанов.

– Верите ли вы, – спросил Шульгина Ю. Домбровский, – в возможность совершения евреями ритуальных убийств?

– Тогда верил, а теперь нет!

– ?

– Видите ли, после войны я сидел во Владимирской тюрьме. В большой камере было много разного народа: узники фашистских лагерей, бывшие белогвардейцы, полицаи, просто люди, в силу обстоятельств не успевшие покинуть оккупированные немцами территории. Среди прочих в камере находился и еврейский цадик. Он был единственным, кому с воли передавали еду. Так вот, цадик делил продукты на всех. Когда я спросил, как можно делиться едой даже с полицаями, которые первым делом расправлялись с евреями, цадик ответил: «Я молился всю ночь, и Бог мне сказал: «Накорми голодного!» С тех пор я перестал верить в кровавый навет.

Учитывая цепкую, натренированную годами профессиональную память Давыдова и его безупречно-щепетильное отношение к фактам, уверен, он исчерпывающе точно воспроизвел рассказ своего покойного друга.

Далеко за полночь покидали мы этот дом культуры. Да, не удивляйтесь, именно так для себя я тогда определил место той встречи. Еще Конфуций говорил, что нормальной жизнь становится лишь тогда, когда вещи и явления вновь обретают свои истинные, подлинные имена. Не помпезное строение с колоннами, где проводятся лекции и иные мероприятия, а маленький, неказистый деревянный домик, где на полках книги и документы, а на письменном столе деревянная ручка с ученическим пером № 12, та самая ручка, которой написаны все повести и романы писателя, имеет право на столь ответственное название. Как было бы славно, если бы дом школы соединился с домом культуры в единое здание.

Меньше чем через год Давыдова не стало, а вскоре тяжело заболел Лев Алексеевич Шилов. В краткие моменты передышек от недуга, находясь вне больницы, он доработал и издал такую дорогую ему книгу «Голоса, зазвучавшие вновь», выпустил дивный компакт-диск с тем же названием. Многое, очень многое успел сделать этот удивительный человек на последнем отрезке своей жизни. Осознавая, как в его обстоятельствах дорого время, я тем не менее настоял на его приезде в школу. Мы сели на скамейку в том месте, что именуется у нас «Арбат на Юго-Западе». И теперь уже я попросил разрешения поставить

видеокамеру. Лев Алексеевич понимающе улыбнулся, глаза его загорелись, совсем как на тех давних лекциях, рассказ начался…

На траурной церемонии кто-то посетовал: «Какая, в сущности, несправедливость: Шилов всю жизнь собирал и хранил голоса писателей, а его собственный голос мы не удосужились сохранить». Я вздохнул с облегчением.

Один за другим уходят учителя. Все те, кто давал нам главные уроки. Для них, полжизни проведших в архивах, культура никогда не была лавкой древностей. Они в ней жили, она была их крепким домом с надежным фундаментом. А рядом, как водится, на песке постоянно возводились иные строения. Иногда они казались даже устремленными в небо, но по виду и идеологической конструкции подозрительно напоминали Вавилонскую башню. Когда она, как тому и положено быть, наконец рухнула, на ее развалинах взошла иная архитектура: до предела приземленная, функциональная, максимально комфортная: живи – не хочу. Но отсутствие прочного фундамента вновь, как и прежде, ставит вопрос о ее надежности.

Люди, о которых шла речь в этих заметках, никогда не искушались: не испытывали избыточных иллюзий, но и не теряли связи с вечностью. Они по праву – наши подлинные учителя, в независимости от избранного рода занятий. Надо обладать безграничной внутренней уверенностью в безусловной, непреходящей значимости своего дела, чтобы вот так, до последнего вздоха тщательно возделывать свой участок заповедной территории культуры. Обрабатывая его даже тогда, когда казалось, что усилия эти мало кем могут быть оценены по достоинству, а результаты самоотверженного титанического труда остаться невостребованными. Такая внятная, мужественная, стоическая позиция – сродни учительской. При самых невероятных затратах сил, прорывах ума и горении сердца никто не гарантирует педагогу блестящего результата. Не зря Я. Корчак повторял: «Школа стоит не на Луне», – очерчивая тем самым границы наших возможностей и указывая педагогам на суровую необходимость смиренно принимать вынужденные компромиссы с жизнью, столь далекой от идеала. Да, не на Луне, но и не на шаткой почве сиюминутных прагматических установок и целей. Ибо сказано от века: «время собирать камни», что в нашем случае означает идти по живому следу своих учителей.

Вечные спутники
Как жить? С ощущением последнего
дня и всегда с ощущением вечности.

Ф. Абрамов

На первый взгляд кажется, что писать о Леониде Иссидоровиче Мильграмме и Марии Андреевне Комлевой достаточно просто. Перечень заслуг и регалий в сочетании с огромным послужным списком – все это само по себе способно внушить почтение к этим знаковым, или, как сейчас принято говорить, культовым, фигурам образования Москвы. Добавить два-три ярких эпизода, характеризующих этапы большого пути каждого, – и дело с концом.

Кому же в Москве неизвестен этот неизменный дуэт, вызывающий добрые, понимающие улыбки любой, самой взыскательной аудитории? Амплуа каждого в нем предопределены, а роли точно очерчены.

Мария Андреевна Комлева – это всепоглощающая преданность призванию и профессии, высокая гражданственность человека, поднявшегося из гущи народной жизни. «Перед вами простая сельская учительница из Понькинской МТС, – так, как правило, начинает она свои выступления и заканчивает: – Перед вами самый счастливый директор московской школы!» На память немедленно приходит известный монолог персонажа актрисы Марецкой из фильма «Член правительства»: «Вот стою я тут перед вами, простая русская баба, мужем битая, врагами стрелянная...» Самое интересное, что все это правда. Разумеется, не про мужа и врагов, а про учительство, а затем и директорство в сибирской сельской глубинке.

Леонид Иссидорович Мильграмм – это европейский лоск и всепроникающая ирония человека, который, как говорится, «ради красного словца не пожалеет и отца», и уж тем более свою ближайшую подругу и коллегу на педагогическом поприще, с которой его связывают долгие десятилетия совместной деятельности.

Вместе они – воистину «сладкая парочка», идеальным образом дополняющие друг друга не только по стилистике публичных выступлений, пробуждающих богатую палитру эмоций зала, но и по двум главным линиям педагогического мироощущения: чувственно-романтической (женская версия) и интеллектуально-прагматической (соответственно вариант мужской). Но о человеческом и педагогическом мироощущении несколько позже. Пока же вернемся к их артистизму. Оба – сами себе режиссеры, не нуждающиеся ни в каких имиджмейкерах, прекрасно чувствующие настроения и ожидания любой

аудитории, вполне владеющие, говоря языком К. С. Станиславского, приспособлениями к предлагаемым обстоятельствам.

Зададимся вопросом, откуда у маститых директоров, убеленных сединами, столь обостренное и безошибочное ощущение обстановки, чувство сцены, на которой периодически разворачиваются те или иные события: политические, общественные, педагогические? Можно, конечно, довольствоваться вполне банальной констатацией врожденных природных данных, а также фактом сродства учительской и актерской профессий. Тем более что в молодости Мария Андреевна мечтала о карьере оперной певицы. За Л. И. Мильграммом, правда, таких биографических эпизодов, насколько мне известно, не числится. Однако думается, что все гораздо глубже и серьезнее, нежели представляется со стороны, из очередного конференц-зала, где, как правило, сидят люди искушенные в профессии, но, в силу разных обстоятельств, зачастую не имеющие столь обширного, многообразного и долголетнего опыта публичности.

Публичность эта связана с тем, что оба народных учителя (Л. И. Мильграмм – СССР, а М. А. Комлева – РФ) давно перестали быть только именитыми директорами школ, а превратились в деятелей образования со всеми вытекающими отсюда последствиями. Дело, разумеется, не в званиях (ибо не всех удостоенных почетного титула «Народный учитель» знает и признает народ, точнее, та его часть, что привычно именуется педагогической общественностью), а в масштабе личности их носителей. В свою очередь, масштаб личности определяется широтой и глубиной мышления, внятно выраженной гражданской позицией, общественным темпераментом и волей. Без двух последних качеств собственную позицию невозможно отстаивать. А делать это приходится постоянно, вопреки любым, не всегда благоприятным обстоятельствам. Всех этих черт, судьбоносных для любого общественного деятеля, на каком бы поприще он ни проявлял себя, включая и сферу образования, нашим героям не занимать. В сущности, уже давно не так важно, когда и кто из них был депутатом того или иного уровня законодательной власти, председателем разнообразных комиссии, жюри профессиональных конкурсов, советов старейшин и т. п. Не столь значимо и то, что Леонид Иссидорович не так давно оставил свою школу, а Мария Андреевна продолжает трудиться на посту директора. Они всегда были и остаются деятелями образования, иными словами, теми, кого встарь называли столпами общества. С мнением таких людей вынуждены считаться как власть

предержащие, так и их коллеги по цеху, не облеченные властными полномочиями.

Неотъемлемой и весьма навязчивой спутницей любой общественной деятельности является публичность, вокруг которой ломают сегодня столько копий журналисты, имиджмейкеры и иные специалисты по связям с общественностью. В мельчайших подробностях обсуждаются стиль и манера поведения публичного человека, его внешний облик, включающий детали одежды и прическу (последнее особенно «актуально» для Мильграмма). Как же иначе, в борьбе за симпатии электората мелочей не бывает. Но за деревьями, как водится, исчезает лес. В многочисленных подробностях растворяется самое главное – содержательное, нравственное и социально-психологическое предназначение публичного человека: не важно, политика или общественного деятеля, – его особая миссия и ответственность за ее воплощение.

Публичный человек, постоянно находясь в фокусе внимания людей, обязан проявлять к ним максимальную благожелательность, быть доступным и контактным, вселять оптимизм и уверенность в возможности решения даже трудных, неподъемных вопросов, демонстрировать корректность в острой принципиальной полемике, являя образцы цивилизованного спора, уметь держать удар, не поддаваясь панике при развитии самых неблагоприятных драматических сценариев. Одним словом, достойное во всех отношениях поведение конкретного общественного деятеля в сочетании с его деловитостью и способностью компетентно разбираться в широком круге проблем персонифицирует метафору «столп общества», наполняет ее конкретным личностным содержанием, позволяя обычным, непубличным гражданам сохранять ощущение стабильности и уверенности, в неуклонном поступательном развитии страны. Предельная корректность и лояльность к людям не означают того, что общественный деятель, ответственно осознающий свою миссию, не может быть предельно жестким, отстаивая принципиальные вопросы, имеющие судьбоносное значение для государства, общества и человека.

Какое отношение сказанное имеет к персонажам нашего повествования? Самое прямое. Тем, кто наблюдал дуэт Комлевой и Мильграмма лишь в концертном, праздничном исполнении, невдомек, что эти люди могут проявлять чудеся твердости и стойкости, отстаивая свою позицию, защищая систему образования и конкретных людей на любом уровне в любых кабинетах, невзирая на чины и звания их владельцев. Так было и в эпоху застоя, и в перестроечный период. Эту линию поведения,

а точнее, линию жизни, они сохраняют и сегодня. Обоих никто специально не обучал искусству создания собственного имиджа. Ни в Понькинской МТС, где в сельской школе начинала свою трудовую деятельность М. А. Комлева, ни на фронте, где от звонка до тонка оттрубил старшина Мильграмм, слов таких не знали, а позднее, когда все эти премудрости вошли в моду, они им уже но понадобились. Не зря народная мудрость гласит: «Умного учить – только портить». Строго говоря, кто осмелился бы давать советы по организации публичной деятельности академику Д. С. Лихачеву? Автора этих заметок могут обвинить в излишнем пафосе и некорректности сравнения: академик, да еще с дворянскими петербургскими корнями и обычные директора московских школ. Но в том-то и дело, что не вполне обычные, а с выдающимся ученым их роднит, по крайней мере, два важных качества личности: врожденная интеллигентность и присущий всем троим аристократизм духа. По здравому размышлению оказывается, что врожденная интеллигентность и аристократизм духа – две стороны одной медали. Но об аристократизме несколько позже...

Еще на заре перестройки, в публичном выступлении по Центральному телевидению, отвечая на вопрос из зала, за что некоторые люди недолюбливают интеллигентов, Д. С. Лихачев с мягкой улыбкой заметил: «Их не любят за то, что интеллигентом нельзя притвориться». В самом деле, никакие ухищрения профессионалов-психологов, работающих с клиентом, не превратят Шандыбина в Лихачева. Да и имиджмейкеры, будучи мастерами своего дела, едва ли поставят перед собой столь нереальную задачу. Между тем и народный депутат Шандыбин, и народный учитель РФ Комлева – по происхождению люди из народной глубинки. У обоих в генеалогии совершенно не просматриваются дворянские корни. Более того, Брянская область, откуда родом думский вития, выглядит продвинутым Западом в сравнении с селом Понькино Курганской области. Но какое разное у этих людей ощущение и восприятие жизни, именуемое ныне модным словом «ментальность». Нет, не только родословной и местом рождения предопределяется врожденная или благоприобретенная интеллигентность (разница не столь велика, как кажется на первый взгляд). Здесь дышит не одна почва, но и судьба. Природная одаренность, в которой, справедливости ради, не откажем и депутату, пробившемуся, вопреки многочисленным препонам, на самый верх, должна быть дополнена богатством общения с носителями подлинной культуры и сильным внутренним стремлением, побуждающим ее усваивать. В этом смысле тяга к культуре может рассматриваться

как по большей части имманентное, внутренне предопределенное свойство личности. Но есть еще одно важное слагаемое интеллигентности, которое человек выковывает сам, без оглядки на происхождение, гены и окружающую жизнь...

У Л. И. Мильграмма жизнь и судьба складывались по-иному, чем у М. А. Комлевой. Его среда – молодая советская элита. Место рождения – знаменитый дом Коминтерна. Отец – известный деятель этой организации, по сути своей являвшейся эффективным дублером внешней разведки. Ребенком Леонид сиживал на коленях у самого Льва Троцкого, захаживали в дом Николай Бухарин, молодые Иосип Броз Тито, Георгий Димитров. Список можно продолжить, но и без того понятно, что революционный романтизм, диктовавший подчинение великой цели, ради достижения которой хороши любые средства, окрашивал его детство, отрочество и юность, т.е. те, самые важные для формирования личности, отрезки жизни, когда закладываются ее фундамент и главный стержень. Можно ли назвать такую среду интеллигентной? Сегодня очевидно, что по большому счету – нет. Пусть даже отец свободно владел шестью языками, прекрасно и естественно носил смокинг и цилиндр, выполняя деликатные поручения ГПУ на Западе, но искренняя фанатичная приверженность утопии, в которой, разумеется, мы не станем задним числом упрекать этих революционных идеалистов, не имеет ничего общего с подлинной интеллигентностью. Вспомним, что в те же двадцатые годы уже упомянутый Д.С.Лихачев чудом избежал расстрела на Соловках.

1937 год сделал Л. И. Мильграмма сыном расстрелянного врага народа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но и после этой трагедии он, как и большинство его сверстников, переживших подобное, остался чистым, искренним «лобастым мальчиком невиданной революции», добровольцем ушел на фронт, где самоотверженно сражался за правое дело. Как тут не вспомнить поэта Глазкова, написавшего в июне 1941 года:

Господи, вступися за Советы,
Охрани страну от высших рас,
Потому что все твои заветы
Гитлер нарушает чаще нас.

После войны, как фронтовик, Мильграмм получает право поступления в Московский университет, где блестяще учится. Ему прочат аспирантуру и научную карьеру. Но клеймо сына врага

народа остается, а борьба с космополитизмом («дело врачей») в сочетании с его специфической фамилией закрывают путь в академическую науку. Не будем забывать, что Леонид Иссидорович избрал профессию историка. А историк в те времена – боец идеологического фронта. Дело усугубил брак с иностранкой. Слишком много изъянов для одного человека в глазах бдительных, недремлющих органов. Хотя как посмотреть. Ведь смог в том же самом году поступить в аспирантуру однокашник Мильграмма, Владимир Борисович Кобрин – будущий крупный историк и архивист, специалист по русскому средневековью. Студентами мы заслушивались его лекциями, жадно читали его публикации в «Новом мире» Твардовского о поисках старообрядческих рукописей. Незадолго до смерти он поведал мне, что сделал научную карьеру во многом благодаря Мильграмму: «Мы оба претендовали на одно место в аспирантуре. И тогда между нами состоялся разговор, о котором я вспоминаю всю жизнь. Леня сказал буквально следующее: «Мы оба евреи, но у меня жена – итальянка, поэтому у тебя шансов больше. Я не буду мешать, поступай ты». Так Мильграмм оказался на поле народного образования, которое успешно вспахивает и по сей день.

Сжатый биографический экскурс понадобился для того, чтобы лишний раз утвердиться в мысли: подлинный интеллигент – это человек, имеющий мужество принимать на себя ответственность за ключевые решения как в собственной судьбе (таким решением был небезопасный по тем временам брак), так и в судьбах окружавших его людей: добровольный отказ от поступления в аспирантуру в пользу товарища. Два почти совпавших по времени поворотных момента в биографии человека, предопределившие на всю оставшуюся жизнь его личное счастье, профессиональную сферу деятельности, а главное – достойный способ существования.

Л. И. Мильграмм и М. А. Комлева – по характеру люди деятельные, обладающие сильным темпераментом и огромной витальной силой. Поставив перед собой цель, они идут к ней, упрямо преодолевая преграды, но при этом неизменно проявляют щепетильность и разборчивость в средствах. Часто действуя в ущерб себе, они получают заслуженный выигрыш с совершенно неожиданной стороны. Так молоденькая двадцатилетняя директриса Мария Комлева, добывая уголь для своей сельской школы, ворвалась в кабинет председателя исполкома и, невзирая на проходившее там совещание, категорически потребовала решить ее проблему. Большой начальник буквально опешил от такой неслыханной наглости и… подписал необходимые

накладные, а вскоре предложил ей руку и сердце. Попробуйте после этого эпизода утверждать, что браки заключаются только на небесах.

Закономерно и оправдано то, что деятельные люди с их неуемной энергией и неукротимой волей довольно быстро превращаются в общественных или государственных деятелей. Так кто же они: Мильграмм и Комлева – деятели или подлинные российские интеллигенты? Вопрос отнюдь не надуманный. К сожалению, сегодня в общественном сознании и в реальной жизни эти понятия все более расходятся. Последним, кто явил собой яркий пример совмещения этих двух ипостасей в государственном масштабе, был А. Д. Сахаров. Дальше все выглядит гораздо хуже. И вновь, как и в случае с академиком Д. С. Лихачевым, я не дерзаю сравнивать масштаб этих разновеликих в истории культуры фигур, но лишь констатирую ключевую проблему, во имя которой, а не только из-за вполне естественной любви к своим героям взялся за эти заметки.

Сегодняшний деятель по своей ментальности и стилистике поведения – это чуждый сентиментальности, прагматический менеджер, своего рода кризисный управляющий. Что ж, каждая эпоха востребует свой тип деятеля. Время проповедей и призывов миновало, наступила пора собирать камни. Не стоит винить людей, задерганных бесконечными перестройками и перестрелками, возжелавших жить не в открытом всем ветрам и ненастьям романтическом шалаше, построенном из хрупких принципов и заповедей, а в современном комфортабельном доме с европакетами и биде. Потому все меньше удивляюсь, когда слышу, что современный руководитель школы уже давно не первый и главный педагог, а эффективно работающий менеджер. (Этакий маленький Кириенко или Гайдар, кому как больше нравится.)

Так что же такое сегодня интеллигентность: строительные леса, которые отодвинули за ненадобностью, когда новое здание было, наконец, возведено, или цементирующий раствор, без которого любая конструкция рано или поздно рухнет? Бисмарк был по-своему прав, когда утверждал, что на христианских заповедях империю не создашь, но мы достаточно подробно наблюдали в недавнем прошлом и видим до сих пор, к каким неотвратимым трагическим последствиям для государства и человека приводит их бесконечное нарушение.

Непостижимым образом на протяжении всей своей жизни в любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах герои этого очерка умудрялись сочетать интеллигентность и деловитость, и в этом, быть может, главный урок, имеющий непреходящую

ценность для нынешних и будущих деятелей образования. Продолжая оставаться в первую очередь главными педагогами для детей и взрослых, они проявляли себя рачительными хозяевами и дельными администраторами, безошибочно ведущими свой корабль, именуемый «Школа», среди многочисленных рифов и мелей. Разумеется, случались и небольшие пробоины, временные аварийные остановки – как без этого? – но в целом они действительно счастливые директора, о чем не преминет при каждом удобном случае сказать Мария Андреевна. И она имеет на это право, ибо счастье ее не даровано свы-мк1, а завоевано ценой целой жизни.

Будем откровенны: не единственной, но важной составляющей понятия «счастье» является признание заслуг человека как государством, так и профессиональным сообществом. Чем-чем, а этим наши герои не обижены. Как уже говорилось выше, один перечень их совокупных наград и званий занял бы несколько страниц. Допускаю, что кто-то, скептически просматривая эти записки, раздраженно заметит: «Еще бы им, обласканным любыми властями, не быть успешными. Подумаешь, герои – обычные ловкие приспособленцы, живущие по принципу: «при Николае и при Саше мы сохраним доходы наши». Сложные, противоречивые отношения с власть предержащими – тема отдельного разговора, обходить который было бы неправильно. В самом деле, пройдя огромный трудовой путь, вмещающий абсолютно разные и плохо совместимые между собой исторические эпохи (от Сталина – до Путина), они умудрились сохранить не только себя, но и то дело, которому служат по сей день. Что и говорить, для преодоления такой сложной и извилистой марафонской дистанции, на которой, вопреки олимпийским правилам, расставлены многочисленные барьеры, требовался изрядный запас прочности, была необходима мгновенная и быстрая реакция на происходившее, позволявшая выбрать единственно верное, оптимальное в данных конкретных условиях решение. Разумеется, такие решения не даются без компромиссов. В этом нет ничего удивительного и необычного. Так было и так будет всегда. Любой человек, ориентированный на то, чтобы делать дело, в той или иной мере приспособленец: он вынужден считаться с реалиями окружающей жизни. И А. С. Макаренко творил свое педагогическое чудо под крылом у чекистов, что, к слову сказать, обеспечивало ему по тем временам небывалую свободу эксперимента, защищая от идиотизма Наркомпроса. А Я. Корчак, которого язык не повернется упрекнуть в избыточном конформизме, писал, что детям предстоит жить в реальном государстве и обществе, а потому мы

должны учить их компромиссам: «Иначе жизнь кулаком хама смажет по нашим идеалам!» Неожиданно энергичное, жесткое утверждение – буквальная цитата, принадлежащая мягкому интеллигентному врачу, сказочнику и педагогу. Продолжая размышлять на эту трудную, деликатную тему, важно понять главное: на компромиссы идут многие, но свой след в истории, культуре и образовании оставляет далеко не каждый. В чем тут секрет? Ну, разумеется, в ниспосланном свыше таланте, упорстве в достижении поставленных целей, самоотверженной преданности избранному делу. Но все эти безусловные доблести могут остаться незамеченными власть предержащими, а то и быть отвергнутыми, что называется, с порога, поскольку создают для них избыточное напряжение, рождают массу дополнительных, не нужных им проблем. Как ни крути, а умение спокойно, терпеливо, аргументированно убеждать не только своих коллег по цеху, но и вышестоящие инстанции в правильности избранного пути – важнейшее качество любого вменяемого руководителя, в какую бы историческую эпоху он ни действовал.

Стороннему наблюдателю, человеку с тусклой душой, не имеющему, как сказали бы сегодня, амбициозных планов, такая линия поведения представляется банальным умением ладить с начальством. Отсюда рождается скрытое внутреннее раздражение, переходящее в разлагающую душу зависть к видимым успехам более способного и, как представляется со стороны, ловкого коллеги. И невдомек завистнику, что за любой успех расплачивается – в самом прямом смысле – сердце. Мало кто знает, сколько инфарктов получил Мильграмм, пока одним из первых в Москве построил школьный бассейн.

Откровенно говоря, пережить чужую победу – задача, которая по плечу далеко не каждому. А педагоги и управленцы всего лишь люди со своими страстями и эмоциями. Что же касается Мильграмма и Комлевой, то за долгие десятилетия совместного общения я никогда не видел их озлобленными, агрессивными, подозрительно и ревниво взирающими на восхождение очередной педагогической звезды. Напротив, многие из тех, кого сегодня не без основания считают величинами в отечественной педагогике, начинали свой путь при их непосредственном участии.

Между тем ровное, неизменно уважительное и доброжелательное отношение как к людям, облеченным большой властью, так и к тем, кто стоит неизмеримо ниже тебя на иерархической лестнице, всегда свидетельствует о великом тождестве, том особом состоянии, когда человек по большому счету равен самому себе. Это состояние и является зримым проявлением аристократизма духа.

Подлинному аристократу духа нет никакой необходимости доказывать, и уж тем паче демонстрировать кому-то свое превосходство. Поэтому его никогда и никому не удается унизить. Любой, даже самый недоброжелательный оппонент или хозяин высокого кабинета мгновенно кожей чувствует границы допустимого в общении с этой редкой, по нынешним временам, породой людей. Аристократизм в его глубинном, а не поверхностном понимании – это прежде всего собственное достоинство, спокойное ощущение внутренней правоты, стремление соблюдать дистанцию в сочетании с врожденным чувством равенства всех и каждого, вне зависимости от карьерных и иных жизненных достижений, умение быть благодарным тем, кто сделал тебе добро. А еще, что самое главное, это чувство иерархии, покоящейся на вечных, непреходящих ценностях, не подверженных коррозии времени. Не думаю, что герои моего очерка осознают себя в данном качестве. Скорее всего, они улыбнутся, прочитав эти строки, но, как говорится, со стороны виднее.

Носители такого аристократического мироощущения должны быть сегодня занесены в Красную книгу и рассматриваться как народное достояние, ибо без них наступает хаос, оподление, всеобщее хамство, выдаваемое чернью за демократию.

Аристократизму, как правило, сопутствует артистизм: своего рода веселье духа. И я не случайно начал эти заметки с «концертной» деятельности Л. И. Мильграмма и М. А. Комлевой. Даже здесь они умудряются преподать нам прекрасный урок. Будем откровенны, оба переживают закат своей деятельности. Возраст есть возраст. Но закат может быть долгим и красивым, заставляющим любоваться этим дивным явлением природы. Что и происходит неизменно со зрителями в любой аудитории. Ни тени уныния, мягкая, добрая ирония, легкое подтрунивание друг над другом, никакой величавости и забронзовелости. Ну, что тут скажешь: не относятся они серьезно ни к своему почтенному возрасту, ни к своим неоспоримым заслугам. Не боятся показаться смешными и архаичными. Да это им и не грозит. Определение «ветераны педагогического труда» плохо сочетается с их импульсивными натурами, вкусом к жизни, острым интересом ко всему, что происходит в сфере образования. Пороха в их пороховницах пока хватает, а мужественной готовности сражаться с врагами подлинного просвещения обоим не занимать.

Леонид Иссидорович Мильграмм и Мария Андреевна Комлева – друзья и спутники по жизни, но спутники, уже давно вращающиеся на высокой орбите планеты, именуемой «Образование». Так хочется, чтобы эти спутники были вечными.

ТВОРЧЕСТВО ИЛИ РЕМЕСЛО? (вместо заключения)

Ремесло учителя принято относить к творческим профессиям. В таком посыле есть большая доля лукавства. Прежде всего потому, что профессия эта массовая. Педагог, прежде чем попасть в институт, а затем в школу, не проходит кастинг или любую иную форму творческого отбора. А введение единого государственного экзамена сегодня приводит к тому, что педагогические вузы не отбирают будущих светил педагогики, а чаще подбирают тех, кто в силу недостатка набранных баллов не попадает в более престижные учебные заведения. Низкие зарплаты не привлекают в школу даже тех молодых людей, кто первоначально был заряжен на педагогическую деятельность. Вот и приходится проявлять некоторую хитрость при заманивании в профессию, педалируя творческий характер учительского труда. Это ничего, что поначалу придется еле-еле сводить концы с концами, зато впереди безбрежное творчество, сплошной креатив. Раз сам процесс творчества доставляет ни с чем не сравнимое блаженство, то за удовольствия, как известно, приходится платить. Разумеется, не учителю-мастеру, а ему самому, расплачиваясь за наслаждение своим трудом, серьезными материальными и психологическими неудобствами.

Проблема в том, что начинающий педагог, воодушевленный исключительно творческим посылом, попадая в водоворот школьной жизни с ее неизбежной рутиной и неустранимыми неурядицами, быстро ломается, угасает, превращается в педагогический автомат по обучению детей, будучи не в силах приподняться над обыденностью, выполняя завет поэта:

«Давай, брат, отрешимся. Давай, брат, воспарим»

(Б. Окуджава).

Между тем без воспарения никакое творчество, включая педагогическое, невозможно. Что мешает взлету молодого учителя, висит тяжелым грузом на его ногах, не позволяя оторваться от захлестывающих ежедневных, земных забот? Недостаточное владение ремеслом.

В любой сфере человеческой деятельности путь к высшим

достижениям начинается с овладения ремеслом. Прежде чем достигнуть «акмэ» (вершины своего творчества), тысячи часов проведет музыкант за инструментом, оттачивая мастерство. Научиться играть на струнах человеческой души (собственно говоря, этим и занят педагог) неизмеримо сложнее, о чем с иронией говорил еще Гамлет. Прозревать гармонию в какофонии школьной жизни способен лишь тот, кто в совершенстве овладел своей профессией. Перескочить через этап ученичества не удается никому. Если продолжить аналогию с обучением музыкантов, то в их программу занятий входит обязательное посещение концертов, где есть возможность познакомиться с исполнительским мастерством своих старших товарищей по цеху. Слепо копировать чужие достижения невозможно. Это и не требуется. Со временем молодые исполнители обретут уникальную творческую манеру, позволяющую трактовать музыкальные произведения по-своему. Каждый творческий человек тем и отличается, что имеет свой, узнаваемый почерк. Пока же только начинающие артистическую карьеру люди внимательно присматриваются к чужому концертному исполнению.

Сто фрагментов школьной симфонии, представленные в этой книге, разумеется, могут быть исполнены по-разному. Но играть все же следует по нотам, а не как бог на душу положит. Резкое противопоставление ремесла творчеству, укорененное в нашем сознании, на мой взгляд, ложно, а в педагогике опасно вдвойне. Фальшивая нота слышна немедленно, она режет слух, вызывает недоумение слушателей, ставит под сомнение профессионализм исполнителя. Ложный педагогический жест, сопровождающийся лицемерной улыбкой, скрывающей неискренность учителя, – вся эта педагогическая фальшь распознается не сразу. С плохого концерта можно встать и уйти. От дурного учителя ребенку избавиться сложнее. Своими непрофессиональными действиями он может нарушить гармонию отношений, испортить воспитаннику нравственный слух, навсегда лишить его способности сквозь скрежет и грохот окружающей жизни расслышать ее дивную музыку.

Несовершенное владение педагогическими инструментами утомительно и для самого учителя, поскольку изматывает его душу по мелочам. Там, где искушенный в нашем ремесле человек в два счета снимет проблему, мгновенно расставив все по местам, неопытный педагог затратит бездну сил и уйму времени на решение элементарных вопросов. Подготовка к уроку, ведение родительского собрания, организация дежурства детей по школе, своевременное заполнение классного журнала, проведение походов и экскурсий – из этих фрагментов складывается

мозаичная картина школьной жизни. За каждым из перечисленных дел скрывается своя технология, овладев которой педагог высвобождает силы и время для решения серьезных, по-настоящему творческих задач. Хотя, строго говоря, нетворческих задач в работе с детьми не бывает. И не только с детьми.

Условность границы между творчеством и исполнительством мне дано было понять в молодости, в период работы в археологических экспедициях. Там мне посчастливилось наблюдать работу выдающегося землекопа. При раскопках греческих склепов мы, крепкие, спортивные молодые люди, за день углублялись лишь на полметра. Тяжелая глинистая почва и палящий зной крайне затрудняли работу. Наш коллега, сорокалетний мужчина, казавшийся нам тогда безнадежно старым, опускался за день раскопок на полтора метра. Наблюдать за самим процессом его работы было истинным наслаждением. Каждое его движение было выверено и доведено до филигранной точности. Поочередное включение то одной, то другой группы мышц позволяло телу отдыхать, не выключаясь из процесса тяжелого физического труда. Дыхание не сбивалось, легкие работали, как насос. Это был доктор физико-математических наук. Таким своеобразным способом он расслаблялся летом, отдыхая от напряженных научных изысканий, требовавших огромной мобилизации интеллектуальных сил. Но от себя не уйдешь. Даже находясь на отдыхе, он включил интеллект для оптимального выполнения абсолютно нетворческой задачи землекопа. Результаты не замедлили сказаться.

Но так ведь в любом вопросе. Одно дело – унылая, обязательная уборка спальни, в которой дети спят после работы в трудовом лагере. И совсем другое – выполнение конкурсного задания на лучший дизайн-проект оформления своего места отдыха. В первом случае мы добиваемся только чистоты, да и то из-под палки. Во втором – включаем фантазию детей, призывая их придать уют тому месту, где им предстоит прожить всего лишь месяц. Временный характер проживания в данных помещениях еще не повод опускаться и разводить свинство. К сожалению, и эта очевидная мысль была почерпнута мной не из учебника педагогики, а принадлежала нашему старшему сержанту. В 1972 году мы оказались на тушении пожаров под Москвой. Горели торфяники, уходили под землю машины с солдатами. В этих экстремальных условиях наши офицеры не придирались к нам по мелочам, не требовали неукоснительного соблюдения воинских регламентов, относящихся к внешнему виду солдата. Пользуясь поблажками, мы стали опускаться: перестали бриться, подшивать свежие воротнички. Какой смысл следить за собой, находясь в

дыму и копоти пожарищ? Конец этому положил старослужащий сержант-украинец. Нет, он не кричал, не отдавал приказы, но, оглядев хитрым взглядом свое погорелое воинство, пожал плечами и с удивлением произнес на русско-украинском суржике: «Дивлюсь я. И эти хлопцы с незаконченным верхним образованием?» Наш сержант педагогических академий не кончал. Но его брошенная мимоходом реплика задела за живое, заставила посмотреть на себя со стороны и на много лет вперед предопределила требовательное отношение будущего директора к внешнему виду своих сотрудников.

Вернемся к детям. Немедленное, по приезде на место, объявление конкурса на лучшее оформление своей палаты – отработанный элемент педагогической технологии организации летнего отдыха детей. Таких элементов сотни. В совокупности они создают бодрый оптимистичный тон в коллективе, облегчают работу педагога, наполняют глубоким педагогическим содержанием даже скучные детали обыденной жизни. Имеет ли смысл заново изобретать велосипед? Не проще ли овладеть испытанными методами и приемами? Технологии, методы, приемы – это те кирпичики, из которых возводятся стены и перекрытия педагогического здания. Именно они обеспечивают ему надежность, прочность и устойчивость. Достаточно ли этих типовых конструкций, для того чтобы школа зажила полноценной жизнью? Разумеется, нет.

Отдав должное педагогическим технологиям, я хотел бы напомнить старую, как мир, истину: «не сотвори себе кумира».

Нет такой волшебной палочки, по мановению которой можно решать все без исключения педагогические проблемы. Технологии не составляют исключения. Было время, когда они недооценивались, но сегодня маятник качнулся в другую сторону, и я наблюдаю их фетишизацию. Появилось бесчисленное количество педагогических пособий технологического свойства. («Как научить писать сочинения», «Как подготовить учащихся к сдаче ЕГЭ» и т. п.) Не ставя под сомнение относительную полезность подобной прагматической литературы, тем не менее решусь на более чем рискованную аналогию. Подобные брошюры напоминают мне пособия по сексологии, где все внимание сосредоточивается исключительно на технике этого вопроса. За скобками остается «незначительная», второстепенная, с точки зрения авторов, деталь: чтобы достичь гармонии в отношениях, надо любить! Как уже неоднократно подчеркивалось, технологии нельзя недооценивать, но и преувеличивать их значение тоже не стоит. Нельзя представлять себе ребенка неким сырьем, пропустив которое через технологический конвейер можно

надеяться на получение полноценной личности.

Типовое здание школы педагогическое творчество превращает во дворец. Разумеется, речь идет не только о дизайне помещений. Вот мы и добрались до коренного вопроса: в чем сокровенная суть педагогического творчества? Ответить на него тем более важно, потому что сегодня в педагогике под творчеством понимается чрезвычайно широкий спектр учительских достижений. Это и успешное внедрение уже готовой педагогической технологии, что, разумеется, требует воли, способностей, умения соотнести чужой опыт с реалиями своей школы. Например, освоение педагогической системы М. Монтессори в работе с дошкольниками и учащимися начальной школы. Чем не творчество? Это и грамотное использование учителем современных информационных технологий в рамках своего предмета.

Однажды на уроке в начальной школе мне посчастливилось увидеть поразительно точное и оправданное использование компьютера. Малыши изучали рассказ

Л. Н. Толстого «Косточка». Поставив перед детьми вопрос, о чем этот рассказ, учитель получил стандартный ответ: о том, что все тайное становится явным. Весь текст рассказа был предварительно размещен на экране. Получив ответ детей, педагог с помощью компьютера убрал из текста все «лишнее», после чего осталось всего четыре предложения о том, как ребенка, съевшего потихоньку от взрослых сливы, вывели на чистую воду. «Зачем же Л. Н. Толстому понадобилось столько дополнительного текста для изложения этой истории?» – спросил учитель, чем вызвал удивление в классе. Затем педагог начал добавлять на экран предложение за предложением, каждый раз обсуждая с детьми смысл прочитанного. В итоге, когда рассказ классика был полностью восстановлен, выяснилось, что он совсем не о том, что воровать плохо. Так передо мной развернулся настоящий текстологический анализ в начальной школе (!), ставший возможным благодаря новым информационным технологиям. Это ли не творчество учителя?

Однако, как уже отмечалось выше, не технологией единой жива школа. Бывает и так, что, не испытывая ни малейших угрызений совести, я пишу в характеристику педагога фразу «проявил себя как творческий учитель» даже тогда, когда он впрямую не занимается инновационной деятельностью. В чем же тогда проявляется его творчество?

Сложнейший класс, от которого стонет вся школа. В нем много детей из социально неблагополучных семей. Большая часть – мальчишки, которые растут без отцов. Среди них выделяется

неформальный лидер: наиболее агрессивный подросток, с которым никто из педагогов не может найти общего языка. Кроме одного, его классного руководителя. Это мужчина средних лет, молчаливый, сдержанный, неторопливый, в инновационной деятельности не замечен, престижными наградами не отмечен. Но через полгода класс приведен в полный порядок, а его атаман прекратил свою подрывную деятельность. Вся школа вздохнула с облегчением.

– Раскройте педагогический секрет, – прошу я учителя. – Что вы такое сделали с классом? Как перетянули на свою сторону его лидера?

– Ничего особенного.

– А все-таки.

– Ну, не знаю. Пару раз вытянул его в кино в воскресенье. Понимаете, парень же растет без отца. Я позвал его, он согласился. Пришли в кинотеатр за полчаса. Пошли в буфет. Я взял два бутерброда, себе бутылку пива, ему воду. Посмотрели фильм, пешком вернулись домой. Вот и все.

– Как все? Вы же, наверное, о чем-то говорили по дороге?

– Да так, трепались о том о сем.

Когда за ним закрылась дверь, я задумался. На память пришли стихи Б. Окуджавы.

> Держава, родина, страна, отечество и государство –
> Не это в душах мы лелеем и в гроб с собою унесем.
> А тихий взгляд и поцелуй, любови нежное коварство,
> Кривоарбатский переулок и тихий треп о том о сем.

Мудрый учитель не проводил «воспитательный момент», заманив подростка в кино, а, говоря высоким стилем, восстанавливал утраченную парнем гармонию отношений, замещая отсутствующего в его жизни отца. Этот тихий треп без всякой задней педагогической мысли и есть высший педагогический пилотаж, дающий неизмеримо больший воспитательный эффект, нежели любые моральные сентенции и поучения. А подбор напитков, купленных в буфете? Это тоже педагогика высшей пробы. Себе пиво, ему воду. Я ни минуты не сомневаюсь, что парень уже пробовал не только пиво, но кое-что покрепче. Но это не в счет. С самого начала между педагогом и подростком прочерчивается граница. Я взрослый – и мне можно пиво, а ты, пока не вырастешь, будешь довольствоваться водой. Это не обсуждается, а молчаливо предъявляется парню как

данность и непреложный закон жизни.

Между прочим, этот педагогический ход помог мне решить в общешкольном масштабе одну деликатную проблему. Дело в том, что у нас в коллективе давно сложилась традиция отмечать юбилеи коллег в школьном кафе. К каждому такому юбилею готовится слайд-фильм «Этапы большого пути», где представлены фотографии из семейного альбома юбиляра: от рождения до сегодняшнего дня. Ведущие вечера представляют жизнеописание героя. Серьезные, лирические и комические страницы биографии. Их рассказ перемежается скетчами, сценками, интермедиями, частушками и песнями. Все эти творческие подарки готовят педагоги, выпускники и старшеклассники. Учителя сидят за столиками. Как и положено, провозглашаются тосты. До поры мы не приглашали за стол старшеклассников, участвовавших в творческих поздравлениях юбиляра. Они скромно дожидались выхода на сцену за пределами кафе, а выступив, уходили домой. Вроде бы так и должно быть. Не дай бог, если они увидят учителей, поднимающих бокалы с вином. Такая позиция отдавала ханжеством и лицемерием. Можно подумать, что, выступая на празднике, они не видят, что стоит на столах у педагогов. Кроме того, меня смущала откровенно потребительская позиция по отношению к молодым людям. Юбилей готовим все вместе, а затем –

«мавр сделал свое дело, мавр может уходить»

(Ф. Шиллер)?

По меньшей мере, несправедливо/Так вот, с некоторых пор мы стали накрывать для старшеклассников отдельный стол: разумеется, безалкогольный. И не ошиблись.

Молодые люди получили возможность увидеть не только собственные выступления, но узнать своих педагогов с новой стороны, в качестве участников учительских капустников. Их артистизм, тонкие шутки, добрый юмор и сам способ организации праздника – все это тоже воспитывает. После одного из таких юбилеев ко мне подошли старшеклассники и поблагодарили за возможность быть на празднике от начала до конца. А один из них добавил: «Теперь я понимаю, как надо устраивать дни рождения. А то ведь как это обычно происходит: все соберутся и только едят. У вас же весело и интересно!» Так учительский вечер неожиданно обернулся наглядным методическим пособием по проведению дней рождения. А что? Устраивать праздник себе и людям – этому тоже надо учить.

Но вернемся к педагогу, который надоумил меня открыть доступ на учительские праздники старшеклассникам. Его творчество очевидно, хотя абсолютно не технологично. Я не

присутствовал при его разговоре с парнем на обратном пути из кино. Не исключаю, что в какой-то момент он мог дружески положить руку на плечо подростка. Как и чем измерить педагогический эффект такого жеста? Разве что замерить продолжительность времени нахождения руки на плече. Согласитесь, звучит анекдотично. Попытки алгеброй проверять гармонию всегда терпят фиаско.

Между тем «мамы всякие нужны, папы всякие важны», и школа равно не стоит как без алгебры ремесла, так и без высокого созвучия душ воспитателей и воспитанников. Педагогическое творчество бесконечно разнообразно. Поле его применения безгранично. Там есть место всем: изобретателям новых технологий и мастерам классического педагогического жанра, людям с аналитическим складом ума, склонным к систематизации, обобщениям, алгоритмизации своего труда, и художественным натурам, чьим инструментом является интуиция, безошибочно подсказывающая, какой тон взять в разговоре с конкретным ребенком, какие струны его души затронуть. Все вместе они разнообразят палитру педагогических воздействий, что чрезвычайно ценно, учитывая разницу в характерах наших воспитанников, их интеллектуальные и иные особенности.

Но в этой творческой полифонии есть нечто общее, объединяющее, приближающее нас к пониманию специфики именно педагогического творчества, вне зависимости от форм и способов его выражения. Специфика эта проявляется рельефно в сравнении с художественным творчеством. Художник, используя свои изобразительные средства, может стремиться к гармонии (так было начиная с древних греков вплоть до двадцатого века) или к дисгармонии (что характерно для виртуозов модернизма и постмодернизма), являя миру духовное смятение, внутренний разлад, предельно откровенно обнажая непреодолимые, трагические проблемы бытия.

У педагога такой дилеммы нет. Целью его творчества и одновременно средством ее достижения всегда, при любых условиях является гармония человеческих отношений. Это та напряженная цель-задание

(формулировка С. И. Гессена),

к которой необходимо стремиться постоянно, отдавая себе полный отчет в том, что в реальной жизни она недостижима.

Слишком многое в самом человеке и окружающей его действительности противоречит исполнению этого идеала. Что с того? Чем дисгармоничнее жизнь, чем острее мы ощущаем ее дисбаланс, тем настойчивее должны стремиться исполнить свое

предназначение. Даже трагические обстоятельства не освобождают подлинного педагога от добровольно взятых на себя обязательств. Я. Корчак и в гетто продолжал ставить с детьми спектакль, а чешская учительница ЛЛ. Фарберова в условиях концлагеря проводила конкурс детских рисунков. «...Нам целый мир чужбина; Отечество нам Царское Село» – более высокой оценки деятельности образовательного учреждения, чем у А. С. Пушкина, я не встречал.

Рано или поздно каждый проходит свой крестный путь, оказывается вынужден испить до дна свою чашу. Как поведет себя человек перед лицом суровых испытаний, во многом зависит от того, какими соками он напитался в юности, в каком духовном отечестве взрос. Откровенно говоря, я убежден, что педагогику можно высекать из любой ситуации, вне зависимости от того, где, когда и с кем она возникает. Педагогическое амплуа учителя (предметник, классный руководитель, кружковод) и его индивидуальный почерк здесь не играют существенной роли. Педагогическая сверхзадача остается неизменной: бесконечное поддержание хрупкого баланса человеческих отношений. Ее исполнение не означает, что педагог должен постоянно уподобляться известному персонажу мультфильма коту Леопольду с его вечным призывом: «Ребята, давайте жить дружно!» Порой приходится играть на обострение, доводя до логического разрешения назревший конфликт. Но и тогда, когда эмоции накаляются до предела, профессионал не дает захватить себя страстям, сохраняя педагогическую позицию: он управляет любой обстановкой, включая конфликтную, постоянно помня, что имеет дело с незавершенной личностью ребенка или подростка.

Но мало научиться управляться с теми реальными коллизиями, которые периодически возникают в жизни. Не менее важно целенаправленно созидать воспитывающие ситуации. И это тоже педагогическое творчество. Ряд таких историй представлен в книге, в серии рассказов «Сотворенные ситуации». Сотворенная, или сознательно созданная, ситуация в данном контексте совсем не означает, что она искусственная, надуманная, фальшивая. Весь вопрос в том, из какого материала конструируются педагогические обстоятельства, благотворно влияющие на личность. Если из кирпичиков культуры, прочно сцементированных волшебными личными встречами с ее выдающимися деятелями, то ни о какой подделке с целью проведения педагогических манипуляций не может быть и речи. Напротив, ощущение подлинности возникает из понимания уникальности происходящего, сопричастности к событиям, которые со временем становятся артефактами культуры.

Так было тогда, когда весь год старшеклассники готовили спектакль, посвященный жизни и творчеству Б. Окуджавы. На вечер приехал сам поэт, его друг, замечательный актер З. Гердт и еще много разных творческих людей, которые оценили смысл и значение происходившего. Спустя десятилетия они напишут об этом вечере в книгах и статьях как об одном из эпизодов биографии художника. Пишу об этом не из тщеславия, а для того, чтобы подчеркнуть, как важно в юности совершить нечто такое, что войдет в историю культуры, чем можно по праву гордиться, что со временем будет рассказано своим детям. И сегодня уже дети тех участников памятного спектакля создают рисунки по мотивам произведений Б. Окуджавы. Их труд тоже получил общественное признание. В ежегодно издаваемом альманахе «Голос надежды. Новое о Булате Окуджаве» опубликованы лучшие графические работы наших школьников под общим названием «Школяры рисуют Окуджаву». В 12-16 лет увидеть свою публикацию в солидном взрослом издании – это дорого стоит. Своя творческая история есть и у тех подростков, которые создавали первую в стране инсценировку по пронзительной повести А. Приставкина «Ночевала тучка золотая». А одному из них школьный спектакль даже спас жизнь.

Сделать молодых людей не пассивными потребителями достижений цивилизации, а непосредственными участниками живого культурного процесса, дать почувствовать его непрерывность, преемственность и неотменимость – это и есть педагогическое сотворчество.

Однако включение детей и юношества в контекст культуры не самоцель. При всем благотворном влиянии на формирование полноценной личности человека этот процесс всего лишь средство достижения другой, неизмеримо более высокой цели. И здесь мы, наконец, доходим до понимания сокровенного смысла педагогического творчества. Лучше всего, на мой взгляд, его сформулировал отец Александр Мень: «Так вот, когда мы начинаем учиться отличать добро от зла, когда мы учимся в себе находить вот это поле битвы, как говорил Достоевский, тогда и начинается работа по выращиванию нашей духовности. Это дело каждого человека. Это величайшее творчество. Для того чтобы творить, необязательно создавать картины, симфонии или скульптуры. Каждый человек творит свою душу, каждый созидает свою личность. Но созидает ее не в пустом пространстве, а в соответствии с другими «я» и с вечным «я» божественным».

Творить свою душу – задание пожизненное. Здесь не обойдешься часом ученичества. Перед решением этой задачи мы действительно находимся в равном положении с нашими

воспитанниками. Не играем в равенство, исходя из педагогических соображений. А в самом деле, всерьез, на равных проходим испытание на прочность. Это происходит каждый раз, когда мы совершаем свой выбор, решая педагогическую проблему, в соответствии с другими «я» наших учеников перед лицом вечности.

Занимая по тем или иным причинам ложную позицию, мы калечим не только душу ученика, но и собственную душу. Об этом не стоит забывать. Возрастная дистанция, накопленные знания, приобретенный жизненный опыт – всеми этими важными в обыденной жизни характеристиками можно пренебречь, коль скоро речь идет о решении сокровенной задачи педагогического творчества, в одинаковой мере относимой к педагогу и его воспитанникам. Да, в чем-то мы умнее и изощреннее, зато они более непосредственны и не так отравлены миазмами окружающей жизни. Не зря мудрый Г. Померанц сказал: «Лестница Якова высока, но с каждой ступени видны звезды». По этой лестнице, как известно, Яков поднимался к Богу. Данная метафора помогает педагогу уяснить для себя еще одно важное условие духовного роста. Всегда есть те, кто находится на более низкой, нежели ты, ступени духовного развития и смотрит на тебя снизу вверх. Но также существуют люди, находящиеся на неизмеримо большей, чем ты, высоте, на которых ты смотришь с восхищением, стремясь дотянуться до них. Мне в жизни повезло с Учителями. Некоторые из них не были педагогами по профессии, но их судьбы повлияли на мой человеческий рост, помогали учиться отличать добро от зла. Именно поэтому я рассказываю о них в этой книге. Истории их самоотверженного служения культуре просветляют душу педагога, помогают ему самому сохранить позицию вечного благодарного ученика. Некоторых уже нет в живых, но я все время поддерживаю внутренний диалог с мертвыми, советуюсь с ними в трудных ситуациях. Помогает.

Пересмотрев книгу целиком, я убедился, что постепенно, помимо воли создателя, она приобрела ярко выраженный автобиографический характер. Обладая некоторым запасом здоровой самоиронии, автор не стал менять название своего произведения, тем более что книга «Моя жизнь в искусстве» давно написана другим, гораздо более значимым в культуре человеком. Но, если отбросить шутки, должен заметить, что педагогика всегда была, есть и будет глубоко личностным занятием. На мой взгляд, стесняться этого не следует. Педагог лишь до тех пор может соответствовать своей миссии в культуре, пока, верный формуле Б. Пастернака, он стремится «быть живым, живым и только, живым и только до конца».